

ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

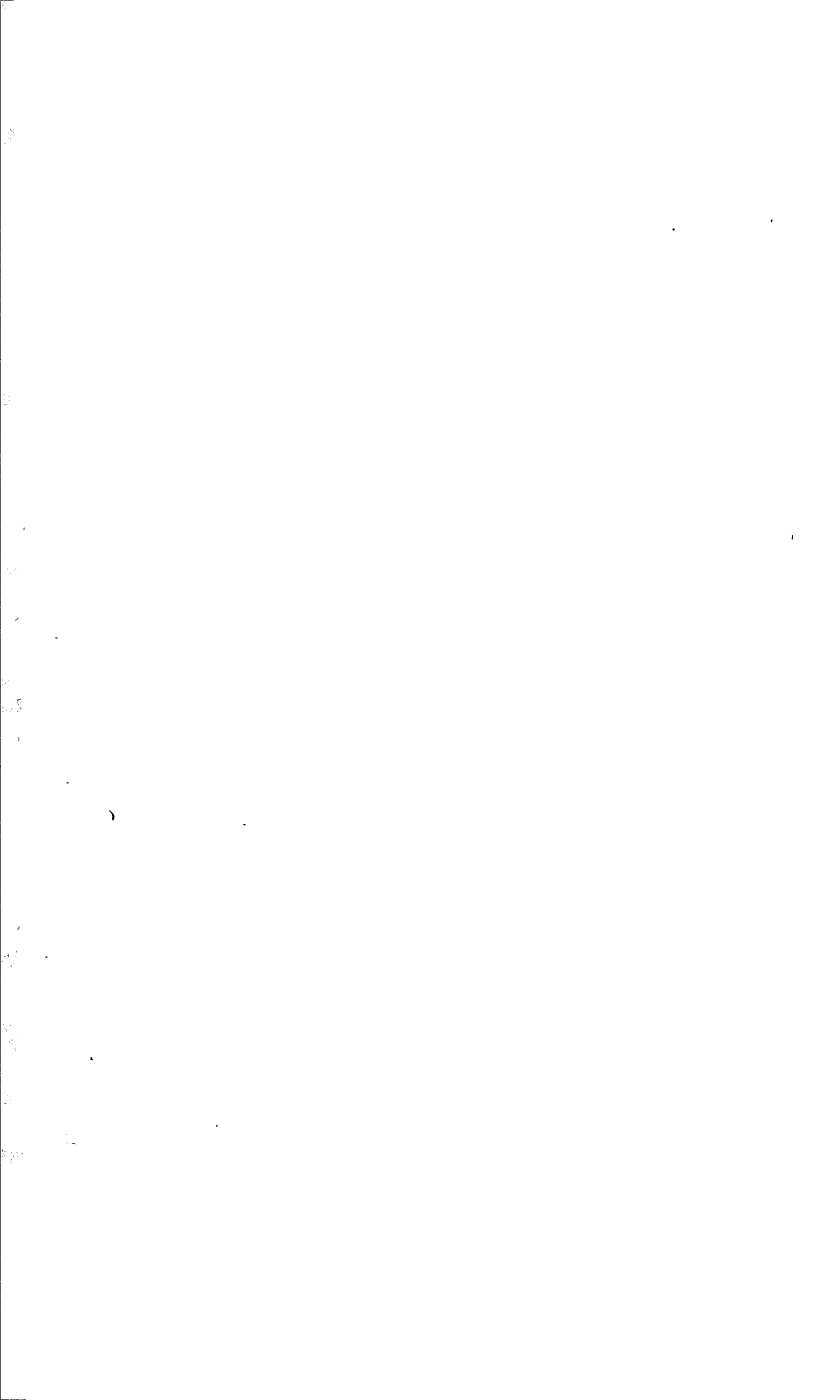
**СВОБОДА
ВЛАСТЬ
И
СОБСТВЕННОСТЬ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
АХБЕРГ**

Вадим Владимирович Белоцерковский (р. в 1928 г.) в 1952 г. окончил химический факультет Московского Университета им. Ломоносова. Это были годы разгула сталинского антисемитизма, и Белоцерковский, еврей по национальности, остается без работы. Только после смерти Сталина и реабилитации врачей-евреев, «убийц в белых халатах», он находит работу — становится преподавателем химии и физики в средней школе рабочей молодежи.

С 57—58 гг. начинает работать внештатным журналистом центральной прессы («Известия», «Смена», «Москва» и др. органы печати), более всего в области промышленности и науки. Публикует и ряд беллетристических произведений. В 1962—63 гг. в журнале «Москва» и в издательстве «Советский писатель» выходит его повесть «В почтовом вагоне», которую критика признает клеветнической, и факт ее публикации становится предметом расследований в ЦК КПСС и в КГБ. Белоцерковскому отказывают в приеме в Союз журналистов СССР. С 1966 по 68 г. он работает инженером в социологической лаборатории экономико-математического института Новосибирского филиала АН СССР и одновременно в отделе науки «Литературной газеты». В 1968 г., после оккупации Чехословакии и усиления идеологической цензуры в СССР Белоцерковского увольняют из «Литературной газеты», издательство «Советский писатель» останавливает набор его книги, сборника рассказов, признав ее идейно ущербной. С того времени он уже больше нигде не может устроиться на штатную работу вплоть до выезда из СССР в ноябре 1972 г.

С 70 г. Белоцерковский участвует в правозащитном движении и в движении за право эмиграции, становится автором ряда документов и статей Самиздата, принимает (в 72 г.) участие в голодовке протеста в здании ЦК КПСС в связи с незаконным арестом В.Маркмана, одного из активистов еврейского движения, подвергается различным преследованиям и превентивным арестам. Эмигрировав на Запад, Белоцерковский

ВАДИМ БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

**СВОБОДА
ВЛАСТЬ
И
СОБСТВЕННОСТЬ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
АХБЕРГ**

VERLAGSANSTALT ACHBERG 1977

ISBN 3-88103-070-0

Copyright © by Author

Printed in West Germany

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Глава I	
«СОКРОВЕННАЯ ТАЙНА» РЕЖИМА	
<i>Краткий анализ экономического и политического строя СССР</i>	
Первое слово	12
Главное противоречие	14
Накопление ради накопления	16
Агрессивность государственного капитализма	23
Военные расходы и помощь «друзьям»	26
Глава II	
«КЕМ ОСОЗНАЕТ СЕБЯ ЭТА МАССА И ЧЕГО ОНА ХОЧЕТ?»	
<i>Анализ советского общества</i>	
Приемлет ли народ существующий режим?	31
Спектр критики	32
Сознание и подсознание	36
Как живут и работают люди	41
Миф о трех классах	52
Олигархия	54
Научная интеллигенция	57
Гуманитарная интеллигенция	58
«Реактивная» оппозиция	65
Крестьянство	72
Услужаящий слой	73
«Московская национальность»	74
Инженерно-рабочий слой («Заводской народ»)	76
Отношение к национальным проблемам	83
Причины пассивности народа	88
Ложь в советской жизни	92

Глава III

КОНТУРЫ СИНТЕЗА

«Третий путь»

«Идеальный строй»	104
«Трагедия» сознания и основополагающие потребности человека	108
Свобода и самоуправление — свобода, власть и собственность	116
Соответствие «надстройки» и «базиса»	122
Ряд частных	136
Две диалектические триады	142
Диалог со скептиками	144
Вернемся вновь на российскую почву	151
Но способны ли советские люди к самоуправлению?	157

Глава IV

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕТОДАХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ БОРЬБЫ

Две концепции	163
И здесь нужен синтез, нужен новый «призрак»!	168

ПРЕДИСЛОВИЕ

16-го октября 1973 года «Боинг»-747, на котором мы совершили перелет через океан, приземлился в аэропорту Кеннеди, и мы с женой и двое наших детей ступили на землю США. С особым волнением осматривался я вокруг, узнавая и не узнавая эту страну.

Дело в том, что мой отец много лет жил в Соединенных Штатах и, конечно, много рассказывал мне об Америке и вообще о так называемом Западе. В 1910 году, проплавав четыре года матросом английского флота почти по всему свету, он «бросил якорь» на земле США. До того отец еще четыре года плавал на парусных кораблях русского флота. Он был хорошо знаком с высотой, стихией и риском — и в Нью-Йорке сделался окномоем небоскребов.

К концу своей жизни в США отец сблизился с первой рабочей партией Америки «Индустриальные Рабочие Мира». Во время одного из кризисов участвовал в походе безработных на Вашингтон. И когда до Америки долетела весть о Февральской революции в России, он немедленно вместе со многими политически активными эмигрантами вернулся через Дальний Восток на родину.

В архиве отца я часто рассматривал маленькую листовку, которую американские социалисты раздавали тогда всем уезжающим в Россию. «Если вы едете в Россию, — писалось там, — чтобы способствовать установлению демократии подобной американской, то мы желаем вам, чтобы ваш пароход потонул в океане!».

И мой отец, вернувшись в Россию, делал все, чтобы выполнить наказ американских социалистов — не допустить установления в России «буржуаз-

ной» демократии. В рядах партии большевиков он активно участвовал в Октябрьской революции и в гражданской войне. А затем, став писателем, боролся за создание советской литературы, пьесой «Штурм» положив начало советской драматургии. Во многих своих произведениях, пьесах и рассказах, он продолжал упорно разоблачать лицемерную кастовую «буржуазную демократию».

И вот в 1972 году, через два года после смерти отца, я вынужден был покинуть, возможно, навсегда, землю советской России и проделать примерно такой же путь, как в свое время отец, но только в обратном направлении. В отличие от него я не привез с собой никакого письменного наказа. Однако, если бы мои друзья написали такой наказ, то он без сомнения звучал бы следующим образом: «Если вы едете за рубеж, чтобы способствовать установлению там «социалистической демократии», то мы желаем вам, чтобы ваш самолет упал в океан!». Но мои друзья не писали подобного наказа именно потому, что и без того никто не уезжал из Советского Союза, не унося с собою ненависти к существующему там строю. У многих эта ненависть распространялась на все без исключения идеалы, во имя которых совершалась в России революция. Таким людям было легче уезжать. Но я не принадлежал и наверное никогда не буду принадлежать к их числу. Необычайно богатый и тяжелый жизненный опыт моего отца не мог не отложиться в глубине моего сознания. Я не мог зачеркнуть его, не мог не чувствовать, что в нем есть правда. И это сделало меня как бы человеком двух судеб, двух несовместимых миров.

Как-то вскоре после выезда из СССР, в Риме, я встретился с Зинаидой Шаховской, княжной, редактором газеты «Русская Мысль» (Париж).

— Вы не находите, что наша встреча весьма знаменательна? — спросил я ее.

— Мм-да, — согласилась она, помедлив. И в ее тоне я услышал нечто такое, что заставило меня вдруг сказать, что несмотря ни на что я не считаю себя врагом дела моего отца.

— Вы — истинный ленинец? — усмехнулась она.

— Нет!

— Марксист?

— Не знаю, может быть только отчасти . . .

— Так кто же вы? — недоумевала она.

Тогда я не мог найти для ответа точных, подходящих слов. Лишь сказал ей, что просто остался верным каким-то самым исходным идеалам моего отца. Но позднее я нашел нужное и простое слово: синтез! Понял, что принадлежу, так сказать, к людям синтеза. И таких людей становится в Советском Союзе все больше.

В предлагаемой работе я и хочу попытаться набросать контуры этого нового синтезного мировоззрения, выводя их из анализа существующего в СССР режима и советского общества.

Большая часть этой работы вчерне была написана мною в Москве.

«СОКРОВЕННАЯ ТАЙНА» РЕЖИМА

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ СССР

«Неразрешимое противоречие советской власти не в том, что она не хочет дать свободу, а в том, что она не может ее дать».

А. Белинков

Что представляет собой существующий в Советском Союзе строй? Многим кажется, что разобраться тут особенно нечего, что уже все ясно. Однако это далеко не так.

Режим, например, одни считают социалистическим или коммунистическим, другие — госкапитализмом, третьи — бюрократическим, потерявшим «человеческое лицо», социализмом и т. д.

Существуют соответственно и резкие расхождения в объяснении пороков режима. Одни считают, что все беды проистекают из-за отсутствия демократии, из-за того, что в результате неблагоприятных исторических условий власть захватил «новый класс» партократов, который нещадно эксплуатирует народ и подчиняет развитие экономики целям сохранения своей безраздельной власти. Другие видят причину в самой сути социалистической системы. Третьи — в безнравственности и материалистичности коммунистической, марксистской идеологии.

И еще очень важен вопрос, также вызывающий резкие расхождения, — о возможности эволюции режима и ее направленности.

Мне хотелось бы предупредить читателя, что я, разумеется, не претендую на безупречно верный и исчерпывающий анализ механизма советского режима, как и всех других предметов, которые мы будем обсуждать. Основательное знакомство с механизмом режима в СССР выявляет его чрезвычайную сложность, и я думаю, что ни один анализ не может претендовать на исчерпывающую полноту и истинность. Но каждое новое исследование открывает, очевидно, какую-то новую грань, дает новый ракурс и пищу для дальнейших размышлений. Кроме того, каждая точка зрения отражает какой-то типичный взгляд, характерный для определенной группы людей. И будущие деятели, которые наконец получают возможность приступить к изменению жизни в СССР, должны будут учитывать все распространенные мнения. При лечении общественного организма очень важно знать, что думает сам пациент о своей болезни и методах лечения.

Взгляды, которые я буду дальше излагать, сложились у меня главным образом в общении с заводскими людьми и научно-технической интеллигенцией.

Первое слово

Итак, что же на мой взгляд представляет собой существующий в Советском Союзе режим? Чаще всего его качества выводятся из его идеологии, из «надстройки». Например: «Коммунизм требует всемирного господства». «Первым словом коммунизма была и будет индустриализация». (Вышеславцев «Кризис индустриальной культуры»). Или: «Наша революция прошла три этапа — 1) интернацио-

нальный, 2) национальный, связанный с колоссальной чисткой старых кадров, и 3) военно-имперский... Неумолимая логика революции ведет к войне». (А. Амальрик «Просуцествует ли Советский Союз до 1984 года?»).

Мы не будем останавливаться на сомнительности обозначения этих этапов. Главное тут — в отсутствии доказательства «неумолимости», в отсутствии анализа механизма, «базиса» режима. Без такого анализа все выводы теряют убедительность и начинают смахивать на пропагандистские штампы.

Меня могут обвинить в вульгарном материализме: «все определяет базис». Но что делать, если экономический базис действительно определяет все до тех пор, .. пока он является базисом! То есть до тех пор, пока жизнь общества подчинена «требованиям развития производительных сил», а не основополагающим потребностям человеческой природы. Если базис и структура не соответствуют природе человека, то ему остается либо сломать их и перестроить под себя, либо подчиниться «царству экономической необходимости».

Начнем с простых вещей. Первым словом марксизма-ленинизма, думаю, была не индустриализация и не идея всемирного господства (многие режимы и тем и другим весьма интересовались), а *национализация*, или государственная собственность на средства производства.

Существовал тезис: частная собственность на средства производства — основа свободного общества. И большевики «бросились» в антитезис, не заметив, что создаваемая ими структура еще больше не соответствует потребностям человеческой природы, нежели господство частной собственности: требует превращения всех людей в безответ-

ственных, а значит и бесправных батраков. Слово «национализация» стало, к сожалению, делом в России. И в этом смысле все началось с идеологии.

Рассмотрим последствия национализации.

Главное противоречие

Всеобщая национализация привела прежде всего к ликвидации свободного рынка и конкуренции производителей. Вместе с *агрессивной* конкуренцией (конкуренцией в накоплении капитала), порождающей все отрицательные свойства капитализма, национализация ликвидировала и *соревновательную* конкуренцию — борьбу за качество и рентабельность, освободила производителей от зависимости перед спросом, перед потребителями.*

Национализация привела к вопиющему противоречию: люди в качестве производителей *сдают* продукты своего труда государству (не продают), а как потребители они их покупают (у государства). И производители оказываются заинтересованными сдать (при сдельной оплате) как можно больше продукции за счет ее качества, которое к тому же при отсутствии свободного рынка по-настоящему никем не определяется. В случае же повременной оплаты производители не заинтересованы в увеличении и количества продукции.

Генеральный авиаконструктор О. К. Антонов,

* Я придерживаюсь концепции, что капиталистическая конкуренция имеет две составляющих: *агрессивную* конкуренцию (по накоплению капитала), которая приводит к монополизации, ко всем негативным явлениям капитализма, и *соревновательную* (по качеству, ассортименту, цене и т. д.), без которой не может существовать здоровой экономики.

известный своими здравыми и весьма критическими взглядами, написал в середине 60-х годов книгу «Для всех и для себя», в которой он приводит яркий пример этого противоречия. Однажды к Антонову подошел новый рабочий и рассказал, что когда он поступил на антоновский авиационный завод, то решил работать добросовестнее чем прежде: самолет все-таки не трактор — испортится, из кабины не вылезешь! Но прошло несколько месяцев, и жена этого рабочего спрашивает его: «Ты куда это тратишь деньги? Любовницу завел? Все твои новые товарищи, я узнала, много больше тебя зарабатывают!»

— Что же мне теперь делать? — спросил рабочий Антонова. — Начать работать как все? Гнать план?

На этот трагический вопрос советские руководители и экономисты уже полвека не могут найти ответа.

Исчезает после национализации и бережное отношение к средствам производства. В результате оборудование, некачественное к тому же «от рождения», скоростно выходит из строя.

Далее. Всеобщая национализация, превращая всех людей, и рабочих и руководителей, в батраков, требует жесткой *дисциплинарной* централизации, когда приказ сверху, хотя и может быть обжалован, выполняться должен неукоснительно, пока он сверху не отменен. Дисциплинарная централизация терпима в масштабе одной производственной ячейки. В «большой системе» государства при наличии великого множества ячеек она приводит к недопустимому запаздыванию и искажению жалоб-сигналов снизу — обратной связи, и к быстрому старению производственного плана, к необходимости непрерывной его коррекции, что сделать практически невозможно даже с

помощью самой совершенной кибернетики. Не говоря уже о том, что исходные данные — сводки и сигналы безответственных руководителей — не заслуживают доверия. В итоге — вновь колоссальные потери.

Дисциплинарная централизация вкупе с незаинтересованностью приводят также к глушению творческой инициативы и изобретательства, затрудняют и внедрение новой техники, т. е. приводят к еще одному источнику губительных потерь.

К этим основополагающим источникам присоединяются также потери на содержание гипертрофированного управленческого аппарата и потери от «обратного действия» системы, о которых будет упомянуто далее.

Важно, что все эти потери имеют тенденцию к непрерывному росту. Бреши в экономике необходимо срочно восполнять за счет интенсификации и расширения производства, замораживая ради этого реальную зарплату и тем самым еще сильнее уменьшая заинтересованность работников в добросовестном труде.

Растет производство, его интенсивность, растут и потери. Возникает хроническое превышение спроса над предложением, что опять же уменьшает заинтересованность.

Накопление ради накопления

Но это только половина дела! Людей можно уговорить или заставить работать и жить в условиях небеспеченности, а машины — нельзя. Следовательно, приходится заботиться прежде всего о снабжении машин и заводов деталями и оборудованием взамен безвременно выходящей из строя

техники. Приходится преимущественно развивать производство средств производства, группу «А», создавая тем самым диспропорции в структуре промышленности, а людей заставляя жить в условиях необеспеченности.

Как показал закрытый доклад Новосибирского экономико-математического института (директор Аганбегян), 95% продукции советского машиностроения идет на нужды группы «А» (против 70% — в США, что, наверное, тоже многовато). Но при этом в СССР также и половина продукции группы «Б» уходит в группу «А». Чудовищный результат!

Если над капиталистической экономикой довлечет конкуренция, то над советской — необходимость затыкать бреши потерь, прежде всего в группе «А». Заводы в СССР работают и строятся в основном для того, чтобы не остановились заводы. Производство идет ради производства, накопление ради накопления, что и является классическим признаком капитализма и дает нам основание называть режим в СССР государственным капитализмом. Тяжелая индустрия растет как раковая опухоль, высасывая все соки из людей и природы. Индустриализация имеет спонтанный, неуправляемый характер, а не является результатом осмысленной «воли партии и правительства», как внушает пропаганда, или следствием коммунистической идеологии, как считают многие критики режима.

Большинство людей, к сожалению, останавливаются обычно в анализе советского режима перед этим последним следствием тоталитарной национализации, перед этой, говоря словами Маркса, «сокровенной тайной» государственного капитализма, которая объясняет все его «необходимости» и без понимания которой всегда остается почва для всяческих иллюзий.

Среди некоторых марксистов, критикующих режим в СССР, существует точка зрения, что процесс «производства ради производства» является классовой целью бюрократии, служит укреплению ее власти. Такая концепция представляется по меньшей мере поверхностной. Разумеется, бюрократия заинтересована в сохранении и укреплении своей власти. Но бесконечный опережающий рост группы «А» за счет жизненного уровня народа и ущемления элементарных политических свобод отнюдь не способствует укреплению власти бюрократии, и она не может этого не понимать.

Советские правители начиная с 1936 года (доклад Куйбышева: «К концу пятилетки СССР станет страной изобилия!») безуспешно пытаются приостановить злокачественный рост группы «А», добиться от нее полезной отдачи. Сейчас мы стали свидетелями еще одной такой безуспешной попытки. Было торжественно провозглашено и запланировано в девятой пятилетке превышение роста группы «В» над «А» на . . . 0,2⁰/о! Группа «А» должна была расширяться на 6,8⁰/о в год, а «В» — на 7⁰/о.

Но вот прошел только один год, и в директивах на следующий 73-й год мы читаем, что к 74-му году группа «В» должна вырасти на . . . 4,5⁰/о, а группа «А» — на 6,3⁰/о. (Директивы эти, как известно, всегда корректируются по реальным результатам прошедшего года). Вновь ничего не вышло. Вместо запланированного, ничтожного при существующей диспропорции, превышения темпов роста группы «В» на 0,2⁰/о — уменьшение на 1,8⁰/о.

И во все последующие годы сохранялась та же картина. А при разработке плана 10-й пятилетки уже сразу было запланировано превышение роста группы «А» над группой «В» на 1,5⁰/о!

Таким образом, можно сказать, что там, где анну-

лируется всяческая экономическая конкуренция, неизбежно начинается спонтанный и злокачественный рост группы «А», промышленности средств производства. Сталин, начав форсированную индустриализацию, ускорил этот процесс, выпустил Джина из бутылки.

Может возникнуть вопрос, почему наличие всевозможных, перманентных потерь не приводит к свертыванию индустрии? Но тут не надо забывать, что советская система не находится в вакууме. Остается конкуренция с внешним миром. Следовательно остается необходимость развивать науку и новые виды производства, пытаться улучшать жизненный уровень и, наконец, развивать новые виды вооружения. Все это и определяет направление спирали вверх, к бесконечной индустриализации. Механизм госкапитализма теоретически может, очевидно, функционировать лишь в двух режимах — либо вырождения, либо диспропорционального развития.

Приведу один конкретный пример, чтобы показать воплоти эту заколдованную спираль госкапитализма. В середине 60-х годов я работал корреспондентом от «Известий» на строительстве Череповецкого гидроузла Волго-Балтийского канала. За год до моего приезда на строительстве был полностью обновлен парк грузовых машин. И вот за этот короткий срок около 70% машин уже полностью вышло из строя! Машины были некачественными, недолговечными во многих узлах; еще хуже были дороги — почти без покрытия, грязь по самые оси, а зимой и летом — всесокрушающие колдобины; и, наконец, безжалостное обращение шоферов, которые сами в свою очередь жили там в тяжелейших условиях (о них я расскажу дальше) и все время бежали со стройки. Текучесть кадров на строительстве доходила до 50% в год!

Типичный процент для строительства. «Машины ходят по рукам! — жаловалось начальство. — Невозможно установить никакой личной ответственности». В итоге, в центр летят панические телеграммы: не хватает машин, стройка, канал под угрозой!

А канал нужен, чтобы эффективнее снабжать сырьем прежде всего тяжелую индустрию, которая должна работать и расширяться, чтобы восполнять безвременные потери машин и оборудования, и так далее. Если заводы и стройки станут, тогда уже совсем конец — революция! Вот и приходится средства бросать в первую очередь на производство средств производства. Люди, дороги, служба быта, т. н. обустройство — могут подождать. И люди ждут или скитаются по стране в поисках более сносных условий. Но работают все хуже и хуже. А то и бастуют иногда или даже бунтуют.

Мой пример с автомашинами на строительстве Волго-Валта более чем 10-летней давности. Приведу свежий пример уже из советской прессы. Секретарь парткома одного из инструментальных заводов Бабанов пишет в «Комсомольскую правду» (от 21 мая 77 г.), что даже новое, только что установленное оборудование уже нуждается в ремонте, и ремонтники не успевают его чинить. Бабанов приводит впечатляющую цифру: «Несмотря на стремление экономить на ремонтных работах (они не зачисляются в выполнение плана! В. Б.), на каждого рабочего, производящего технику, приходится трое ее ремонтирующих». Такое положение, резюмирует Бабанов, «оборачивается гигантскими потерями материальных и людских ресурсов».

Работник Госплана РСФСР Русанов, комментируя письмо Бабанова, пишет: «Объем работ по

ремонту парка металлорежущего оборудования составляет примерно 70% от объема производства». При этом каждое предприятие вынуждено создавать свои ремонтные мастерские. И такая практика принимает столь широкие масштабы, что Русанов называет кустарные ремонтные мастерские «вторым машиностроением» и сообщает, что в этих мастерских находятся около 50% металлообрабатывающего оборудования страны.

Этот пример, между прочим, служит и наглядной иллюстрацией к докладу института Аганбегяна: 95% продукции машиностроения уходит на нужды промышленности средств производства.

Сталина часто считают совсем неумным человеком, а он, может быть, был не так уж глуп. В своем последнем выступлении на XIX съезде он обронил удивительные слова: «Законы экономики неподвластны воле людей». К такому выводу пришел человек, который всю жизнь полагался только на свою волю! Но ему не дано было понять, что экономика до тех пор неподвластна воле людей, пока она является «базисом» общественного устройства, а не основополагающие потребности человека, пока общество остается «единой конторой и фабрикой»* с «равной оплатой за равное количество труда». (Ленин).

Итак, только из анализа экономического механизма советского режима можно вывести и обосновать все его «требования» и «неумолимую логику» — неизбежность эксплуатации людей, природы, а значит и необходимость сохранения системы по-

* А. Герцен за сто лет до Ленина писал в «Былое и думы»: «централизация может многое сделать для разных общих предприятий, но она несовместима со свободой, ею легко народы доходят до положения стада или своры собак, ловко держимых каким-нибудь доезжачим».

давления и империализма для высасывания качественных соков из сопредельных стран.

Так что суть амальриковских этапов развития режима состоит, на мой взгляд, в том, что на «интернациональном» этапе происходит неизбежное становление режима госкапитализма, на «национальном» — ограбление собственной страны, а на «военно-имперском» — ограбление чужих народов и стран. При этом последний этап острее было бы назвать «интернациональным», а первый — «революционным».

Таким образом, если приведенный выше анализ правилен, то для оздоровления страны и экономики недостаточно одной лишь политической демократизации, на что уповают сторонники так называемого демократического социализма. Необходима демократизация и экономической жизни: воссоздание рыночных отношений и соревновательной конкуренции.

Я придерживаюсь точки зрения, что тут возможно обойтись без реставрации агрессивной конкуренции в накоплении капиталов, и что путь создания такой синтезной экономики наиболее реален для нынешней России, Восточной Европы и ряда нерусских республик СССР. Но об этом дальше.

А сейчас вопрос. Почему советское руководство не может провести хотя бы каких-то смягчающих, половинчатых экономических реформ вроде тех, что проводятся в Венгрии или в ГДР?

Главная причина здесь, на мой взгляд, в более долгом существовании режима. За 60 лет, точнее, за 40, с начала индустриализации, гипертрофия группы «А» в СССР зашла значительно дальше, чем в странах Восточной Европы. По разным подсчетам от 70 до 80 процентов советской промышленности принадлежит к группе «А». И этот ра-

ковый нарост, всасывая в себя львинную долю бюджета и рабочих рук, не оставляет советскому руководству никаких серьезных возможностей для маневрирования. Для реформ всегда нужны свободные средства и свободные руки.

Наличие чудовищных диспропорций в народном хозяйстве представляет собой, пожалуй, один из самых пагубных результатов и наследий режима.

Агрессивность государственного капитализма

По мере роста «молоха» индустрии, истощения природных ресурсов и уменьшения населения (в результате интегрального действия всех качеств режима русская нация сейчас, как известно, единственная в мире из крупных наций имеет коэффициент роста меньше единицы) — по мере всего этого агрессивность советского госкапитализма может, очевидно, возрасть.*

С помощью послевоенных репараций, демонтажа немецких заводов и эксплуатации стран Восточной Европы советскому молоху долгое время удавалось утолять свой голод в качественных соках. Восточная Европа поставляла в СССР не только товары для населения, но в еще больших количествах и оборудование для заводов, которое по-

* Возможно ли при этом повторение сталинских масштабов террора? Вполне возможно, но не обязательно. Властям стало очевидно, что такой «сверх-террор» приводит к ослаблению государства и режима (история 1941 года). Да и нет в нем необходимости. Страх, оставшийся от сталинского террора, можно поддерживать малым террором, изолируя его такими новшествами, как тюремное психолечение.

началу было и достаточно качественным. Однако постепенно, по мере «социализации» промышленности этих стран, их продукция начала все больше отставать от мирового уровня. Да и после происшедших взрывов возмущения Восточную Европу уже нельзя стало так откровенно эксплуатировать, как прежде.

Но молох госкапитализма продолжает расти, и аппетиты его растут. Пока достаточно велики военная мощь и единство Запада и существует угроза с Востока, СССР вынужден идти на торговлю с Западом. Раз нельзя отнять — приходится покупать. Но страны Запада — не бездонные емкости для советского сырья, и ни при каком благоприятствовании в торговле они все равно не смогут насытить советскую индустрию, не говоря уж о населении в 250 млн. И Советский Союз продолжает форсированное вооружение.

В последние годы в СССР заметно усилилось и милитаристическое воспитание народа, особенно детей и юношества, т. н. военно-патриотическое воспитание. В детских магазинах стало больше военных игрушек. При этом надо учесть, что они появились не в результате слепой конкуренции, а вследствие продуманного решения партии и правительства!

Но игрушки — это еще игрушки. Если детям дают заводные танки, то подросткам — всамделишные. Для них стали организовывать под видом пионерских игр «Зарница» настоящие военные маневры. Военная форма, военная дисциплина, офицеры во главе отрядов, автоматы, имитация атомных взрывов (!), а впереди атакующих детских колонн — танки из воинских частей.

Кроме этих «зарниц» (название-то какое: зарниц чего? — Войны!) устраиваются еще и военизированные походы «по дорогам боевой славы от-

цов», которые оканчиваются в Москве, на Красной площади клятвой верности режиму и словами о готовности «выполнить *любое* задание партии и правительства!»

Всему населению исподволь вдалбливается мысль о возможности атомной и бактериологической войны, которая хотя и будет конечно весьма тяжелой, но «в ее огне погибнет не мир, а империализм, если он попытается развязать новую войну». На предприятиях без лишнего шума уже функционируют отряды противовоздушной обороны, вывешиваются соответствующие наглядные пособия, а в провинции устраиваются время от времени атомные тревоги. Наконец, в 1970 г. уже была проведена скрытая перепись женщин, детей и стариков на случай эвакуации из крупных городов и распределения их по местам эвакуации.

Правда, могут возразить, что военные приготовления спровоцированы Китаем. Но неизбежность военного столкновения СССР с Китаем весьма сомнительна. Зачем Советскому Союзу нужен Китай с его гигантским нищим населением и слабо развитой индустрией? Госкапитализму нужны развитые страны. Для начала, скажем, Румыния и Югославия. Кроме промышленности и нефти, это и выход к Средиземному морю, граница с Италией!

И для Китая победить и завоевать СССР в наступательной войне — дело малореальное.

Конечно, нынешнее руководство СССР скорее всего наращивает военную мощь ради шантажа и давления, но очень рискованно игнорировать знаменитые слова Чехова о том, что если ружье в первом акте пьесы вывешивается на стену, то в последнем оно должно выстрелить!

Военные расходы и помощь «друзьям»

Некоторые люди считают, что непомерные расходы на военные нужды являются главной причиной всех экономических бедствий и пороков советской системы. И официозная пропаганда, заметим, активно не опровергает подобных измышлений, а в косвенной форме их даже поддерживает, трубя о «происках империалистов», которые вынуждают, мол, СССР держать порох сухим и крепить оборону. Но по расчетам экономистов военные расходы составляют примерно 12% валового продукта страны.* Это, естественно, очень много для мирного времени и безусловно усугубляет тяжелое экономическое положение в стране, но «оборонные расходы не являются главной причиной отставания экономики». (Из доклада института Аганбегяна).

А главное, большая часть советских военных усилий объясняется обратным действием коренных пороков госкапитализма, по крайней мере во второй половине нашего века.

Когда нельзя взять златом, приходится брать булатом! Великая, обладающая колониями страна со слабой экономикой должна иметь сильную армию. Из нерусских республик СССР и Восточной Европы приходится задешево выкачивать оборудование и товары, сдерживая рост их жизненного уровня и, следовательно, приходится держать там войска. И если для охраны империи от «внутренних врагов» необходима большая, но легко вооруженная армия, то для охраны от внешних притязаний и для расширения империи (при случае) необходимо уже и тяжелое вооружение, что с неиз-

* В США — 6%, в европейских странах НАТО — 3,7%. (Из отчета Лондонского ин-та стратегических исследований, 1977 г.).

бежностью ввергает страну (и остальной мир) в гонку вооружений.

Наконец, в недемократических условиях любая сильная и крупная организация (в данном случае военно-промышленный комплекс) спонтанно стремится к расширению сверх всякой необходимости.

Между прочим, в конце 50-х годов Хрущев начал было резко сокращать расходы на армию и на обычное вооружение. Ликвидировали тяжелый военный флот, сокращалось производство танков, масса военных преждевременно увольнялась на пенсию. На последнем моем военном сборе в самом конце правления Хрущева (я был офицером запаса зенитных войск) я узнал, что на вооружении зенитных войск осталась только одна 47-миллиметровая пушка!

Но все это, как известно, не оздоровило экономики страны.

Что же касается утверждений о больших расходах Советского Союза на помощь «друзьям» за рубежом, социалистическим странам и прочим, то это полностью дело «подпольной» советской пропаганды, «службы слухов» КГБ. К сожалению, эту версию сейчас подхватили и оппозиционные неонационалисты во главе с Солженицыным.

Расходы советская казна несет только до тех пор, пока «друзья» не попадают в карман. После этого начинаются доходы! Чешские, польские, венгерские государственные деятели прямо говорили об этом в годы кризисов. Конечно, тут случаются иногда осечки, как было с Индонезией или сейчас с арабскими «друзьями». Но из своей 10-летней журналистской работы в промышленности я вынес убеждение, что доходы от тех же восточноевропейских соцстран превышают расходы на т. н. помощь: столь много оборудования получает Советский Союз из Восточной Европы. (И уран из ЧССР!)

Не говоря уже о том, что Восточная Европа буквально одевает и обувает городское население СССР, восполняя немощь советской легкой промышленности.

Конечно, ни у кого из нас нет точных данных. Но каким бы ни был истинный баланс помощи и поборов, а шовинистическое раздражение в народе против «друзей-нахлебников» уже сыграло свою добрую службу для советского руководства, когда надо было подавлять Венгрию и Чехословакию!

И, наконец, при всем при этом удивительным образом забывается, что США также участвуют и в гонке вооружений, и экономическую помощь оказывают многим странам, и финансируют различные фонды ООН, тратя на все это несравнимо больше чем СССР.* Однако это почему-то не делает экономику США столь неэффективной, как советскую.

Существует, конечно, и скрытая помощь «братским» партиям и движениям. Но подобная помощь оказывается и другой стороной, и главное — для современной экономики великих держав размеры такой помощи относительно невелики.

* 11-го мая 1977 г. в Москве, в институте США и Канады АН СССР выступал Эгон Бар, до недавнего времени руководивший экономической помощью ФРГ развивающимся странам. В 75 году, сообщил Бар, ФРГ предоставила в 2,5 раза больше такой помощи, чем все страны Варшавского пакта вместе взятые. Помощь всех промышленных стран Запада составила в 75 году 13,6 миллиарда долларов против 0,8 миллиарда долларов помощи стран Варшавского пакта. С 1970 по 74 гг. доля помощи стран Варшавского пакта в общем объеме помощи, оказанной в мире, сократилась с 2,6% до 2,3%. Наконец, помощь стран Варшавского пакта предоставляется, по словам Бара, на более жестких условиях, нежели помощь промышленных стран Запада и Китая. Разумеется, этот доклад Бара не был опубликован в СССР, и слушала его избранная аудитория.

■

В заключение этой темы надо отметить, что режим в СССР при всех его апокалипсических параметрах отличается от многих диктаторских и тоталитарных режимов прошлого своей организационной расхлябанностью. И таким он стал почти с самого рождения, так как связано это с историческими и, стало быть, с национальными особенностями россиян. Особенности эти, наложив свой отпечаток на советский тоталитаризм, им в свою очередь были законсервированы.

Речь идет об относительной недисциплинированности российских людей и об их традиционном неуважении к распоряжениям и установлениям властей.

И поэтому советскому режиму в организационном отношении всегда было далеко, например, до нацистской Германии или империалистической Японии.

Но если вдуматься, эта организационная слабость режима, его всегдашняя расхлябанность, а отсюда и трусость, делают его в сущности лишь более живучим и опасным. Он тщательней маскируется: «измы», «борьба за мир», выжидает, действует тихой сапой, при случае прихватывая то, что плохо лежит. Он скорее напоминает шакала, чем волка. Но «волки» уже давно погибли из-за своей смелости, а «шакал», достаточно прихватив и проглотив, здравствует, нацепив овечью шкуру.

Характер Сталина в высшей степени воплощал в себе эти шакальи черты. Вспомним, когда немецкие «волки» рвали Европу, а Япония не побоялась напасть на США, Сталин трусливо подбирал то, что осталось, и безумно боялся конфликта с Гитлером.

Теперь, при атомно-ракетном вооружении, шакальи черты советского тоталитаризма становятся особенно опасными, прежде всего в перспективе ресурсного кризиса, надвигающегося на СССР.

Глава II

«КЕМ ОСОЗНАЕТ СЕБЯ ЭТА МАССА И ЧЕГО ОНА ХОЧЕТ?»*

АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

«Всем народом, сверху донизу мы чему-то научились, хотя успели при этом уничтожить свою культуру и попросту одичать. Но то, чему мы научились, кажется очень существенно».

Н. Мандельштам «Воспоминания»

Приемлет ли народ существующий режим?

Тяжело писать на эту тему, самую в сущности важную и болезную для нас, людей, ненавидящих этот апокалипсический режим. И трудно судить советских людей, над которыми столько страшного было совершено и совершается. Не забудем цифру — минимум 35 миллионов жертв режима! Если считать не только расстрелянных и замученных, но и просидевших по 20 лет в страшных сталинских тюрьмах и лагерях. Если считать не только репрессированных по 58-й статье, — «враги наро-

* Из книги А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?».

да» — 19 миллионов репрессированных,* — но и по всем другим статьям и кампаниям террора, от раскулачивания и до хрущевских «тунеядцев».

35 миллионов своих ни в чем не повинных людей!

35 из 180! То есть каждый шестой человек был съеден *людоедским* режимом. А те, кто остались в живых?.. Сколько мук вынесли они! Годы войны, разрухи, голода, годы каторжного труда.

Трудно судить советских людей и еще труднее делать прогнозы. Настоящей социологии в СССР нет и быть не может. И все-таки можно, а главное нужно разобраться.

«Перед Вами открылась душа народа, — пишет Павлу Литвинову *рабочий* из Ташкента, — открылось все, что он выстрадал за эти полстолетия. Это бывает нечасто. Постарайтесь же понять его». (Сборник писем Литвинову. Голландия).

Постараемся и мы.

Спектр критики

Известно уже большое число работ советских диссидентов, в которых высказывается негативное

* Цифра эта определяется Тони Клиффом (Tony Cliff, «Stalinist Russia: a marxist analysis», London, Hamilton Terrace, 1955 г.) сравнением числа людей избирательного возраста по переписи 1937 года с числом избирателей на выборах в Верховный Совет в конце 1938 года. Убыль за 1,5 года — 15 миллионов! По сведениям из нескольких авторитетных советских источников известно, что еще 4 миллиона было репрессировано по 58-й статье в остальные годы, особенно в 48—50 гг. Цифры репрессированных по другим статьям и кампаниям взяты мною от западных авторов. Учитывается и 6 миллионов крестьян, погибших в 1932 году на Украине от голода по вине Сталина.

отношение к советскому народу. Первым, пожалуй, кто четко выразил такое отношение, был Андрей Амальрик. В своей книге «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» он разбивает советских людей на 3 группы или класса:

1. *Класс партократии.*

2. *Средний класс.* Сюда Амальрик относит людей умственного труда, служащих и рабочих высокой классификации. «Так как все в стране принадлежит государству, то люди этого класса, — пишет он, — представляют собой госчиновников, с присущим этой категории людей конформизмом мышления и психологии».

И «поскольку все мы работаем на государство, у всех психология чиновников — у писателей, состоящих членами ССП, ученых, работающих в государственных институтах, в такой же степени, как у чиновников КГБ или МВД», (стр. 16. Выделено здесь и далее мною — В. Б.) «Отсюда многие явные и неявные протесты в СССР принимают характер недовольства младшего клерка тем, как к нему относится старший». (там же).

3. *Народ.* «Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или чего-либо еще (!) почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы — и связанной с этим ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово «свобода» понимается большинством народа как синоним слова «беспорядок», как возможность безнаказанного свершения каких-то антиобщественных и опасных поступков».

«Что личность сама по себе представляет какую-то ценность — это дико для народного со-

знания». (стр. 30—31). Понятие «справедливости» на практике оборачивается желанием, «чтобы никому не было лучше, чем мне». «Наконец, для народа характерно преклонение перед силой. И ко всему еще советский народ представляет собой малокультурную и социально дезориентированную массу».

«Пролетаризация» деревни, считает Амальрик, породила «странный класс» — не крестьян и не рабочих. В свою очередь среди рабочих масса вчерашних крестьян, а в «среднем классе» — вчерашних крестьян и рабочих». *«Кем осознает себя эта масса и чего она хочет, никому, я думаю, неизвестно».* «Люди, попав в новую среду и условия, становятся одновременно запуганы и агрессивны». (стр. 33).

Еще дальше идет Андрей Синявский. «В сочетании с вороватостью... пьянство сообщает нам босяцкую развязность и ставит среди других народов в подозрительное положение люмпенов. Как только «вековые устои» и сословная иерархия рухнули и сменились аморфным равенством, эта блатная природа русского человека выперла на поверхность. Мы теперь все блатные... Это дает нам беспспорные преимущества по сравнению с Западом и в то же время накладывает на жизнь и устремления нации печать непостоянства, легкомысленной безответственности. Мы способны прикарманить Европу или запустить в нее интересной ересью, но создать культуру мы просто не в состоянии. От нас, как от вора, как от пропойцы, можно ждать чего угодно». («Мысли врасплох», стр. 41—42. Мюнхен).

Григорий Померанц утверждает, что народа вообще уже не стало, особенно как питающей культуру почвы и хранителя национальных традиций. («Люди воздуха»).

Солженицын соглашается с Померанцем, но обвиняет в этом интеллигенцию (на которую уповаает Померанц), осуществляющую, мол, по указанию властей духовное уничтожение народа, отнимая у него религию, национальный дух, отравляя ложью коммунизма и т. д. («Образованщина»).

Наконец, народ обвиняется в пассивности и трусости. «Излюбленная тема всех разговоров, — пишет новый эмигрант Ю. Глазов («Русская Мысль» от 8 июня 1972 г.), — которые ведутся всеми советскими людьми, как все в этой жизни пошло вверх тормашками, как в магазинах нет никаких продуктов, как озверели люди в отношениях между собой, как исчезла элементарная справедливость. Ругают власть от мала до велика, но за исключением *нескольких сот смельчаков*, в той или иной мере *пытавшихся* отстоять в стране справедливость и гуманное отношение к людям, «простой советский человек» ничего делать не хочет». Он «к советской власти относится точно так же, как простой мужик обливает грязью свою собственную жену: отругав ее в кругу друзей на чем свет стоит, он на ночь все же возвращается домой и ложится с ней спать!» (там же).

Большая часть советских интеллектуалов, особенно столичных гуманитариев, увы, разделяет изложенные выше взгляды. И ещё добавляет, что режим устраивает народ, т. к. большинство людей понимает, что ни при каком другом режиме они не смогут так халтурно работать. Свобода же народ не интересуется. Была бы водка да чем пузо набить!

Но попробуем спокойно разобраться в этом во-рохе обвинений. Не нужно, думаю, говорить о том, как это важно и для понимания нынешнего положения в стране и для прогноза на будущее.

Одна из причин возникновения приведенных выше мнений видится как результат иллюзии об одряхлении режима, которая была весьма распространена в начале 70-х годов. Раз режим одряхлел, значит он держится лишь за счет пассивности и порочности народа.

Другую причину я вижу в интеллектуальной «отброшенности» многих советских интеллигентов. Их мышление даже не застряло на каком-то последнем уровне, а именно отброшено далеко назад, за черту XX века. И эта отброшенность особенно велика в области психологии, которая как никакая другая дисциплина пострадала от догматизма и тирании «марксистской» идеологии.

Даже получая доступ к западной психологии, многие советские интеллектуалы удивительным образом не воспринимают в свое мышление ее основополагающих принципов, или понимают их превратно, вульгарно. Отсюда непонимание величайшей роли подсознания и его емкости, или вульгарное представление о нем, только как о вместилище опасных и порочных инстинктов. (Амальрик: «В самих нас 'город' сознания окружен 'деревней' подсознания»). Отсюда неспособность познать природу человека, ее основополагающие свойства и потребности, неспособность понять, что когда закрыты возможности для реализации этих потребностей, то и недовольство этим также очень часто вытесняется в подсознание, а сознание стремится к приспособлению.

Многие инакомыслящие интеллигенты сейчас с гневом отбрасывают формулу Маркса: «Бытие определяет сознание». И в то же время они фактически следуют ей, считая, что советское бытие народа определяет его просоветское сознание.

На мой же взгляд, формулу Маркса надо не отбрасывать, а развить до синтеза:

Бытие определяет форму выражения основополагающих свойств и потребностей сознания, имманентно ему присущих.*

Но профессор психологии Л. Божович в статье, посвященной западным психологическим тестам («Литературная Газета» от 10 февраля 1971 г.), пишет: «В основе большинства тестов лежит широко распространенное за рубежом, но научно никак не доказанное представление о неких изначально присущих человеку внутренних силах (например, стремление к самоутверждению, к власти), которые, встретив в процессе реализации препятствие, уходят в подсознание и вновь начинают проявляться в искаженном виде».

Стремление к самоутверждению и власти требует, оказывается, еще особого «научного» доказательства!

Но, увы, разве так уж далеко ушли от этого профессора иные советские интеллигенты, утверждающие, что «простым» советским людям ничего не нужно, кроме «жратвы и водки»? Мне вспоминается тут повесть Короленко «Без языка». Интеллигент, народник Нилов, спрашивает Матвея, эмигрировавшего в Америку крестьянина, что побудило его к эмиграции?

Матвей говорит в ответ о клочке земли, о корове, о доме и женитьбе. И Нилова его ответы приводят в уныние. «А Матвею почему-то вспомнилось море и его глубина, загадочная, таинственная, непонятная... И, думая о недавнем разговоре, он чувствовал, что не знал хорошо себя самого,

* Подразумевается и возможность обратного влияния. И чем больше осознаются личностью фундаментальные потребности человеческой природы, тем, видимо, более независимым (от бытия) может быть влияние сознания.

и что за всем, что он сказал Нилову — за коровой и хатой, и полем, и даже за чертами Анны — чудится что-то еще, что манило его и манит, но что это такое — он решительно не мог бы ни сказать, ни определить в собственной мысли . . . Но это было глубоко, как море, и заманчиво, как дали просыпающейся жизни . . .».

То, что понимал Короленко и многие его современники, не могут сейчас понять советские интеллигенты. Не могут понять, что «изначально присущие» человеку потребности никуда деться не могут.

Разумеется, с годами человеческие потребности все глубже уходят в подсознание. Человек, старея, действительно привыкает ко всему. Но гены такой привычки, слава Богу, еще не открыты, и каждое новое поколение вновь вырастает с жаждой свободы, самоутверждения и власти над ходом своей и общей жизни.

«В эпохи насилия и террора, — пишет Надежда Мандельштам («Воспоминания», стр. 42), — люди прячутся в свою скорлупу и скрывают свои чувства, но чувства эти неискоренимы и никаким воспитанием их не уничтожить. Если даже искоренить их в одном поколении, а это у нас в значительной степени удалось, они все равно прорвутся в следующем. Мы в этом неоднократно убеждались. Понятие добра, вероятно, действительно присуще человеку, и нарушители законов человечности должны рано или поздно сами или в своих детях прозреть . . .».

Для меня примером тут служит история моего отца. Он рос в семье, где было одиннадцать детей. Когда нечего было есть, мать усаживала их за стол и заставляла стучать ложками в пустых тарелках, чтобы соседи слышали, что у них обед, «как у людей». А в хедере свирепствовал садист-меламед

(учитель), и от духоты дети то и дело падали в обморок над талмудом. И так жил и отец моего отца, и дед, и прадед . . .

Но стоило только повеять свежему воздуху свободы, и старший брат отца бежит из дома, становится моряком, эсером, участвует в восстании лейтенанта Шмидта, погибает на каторге. В 16 лет вслед за ним убегает из дома и мой отец. И тоже — в море, «заманчивое, как дали просыпающейся жизни». Плавает юнгой на парусных шхунах, потом — на английских лайнерах и, как я уже рассказывал, из США в 1917 году возвращается в Россию, чтобы участвовать в революции. И, конечно, он становится большевиком.

Где ему в его жизни можно было понять, что свободу нельзя обрести в диктатуре, понять ценность «абстрактных» демократических прав? Это поняли теперь мы, дети наших отцов. Одни — ясно, другие — еще смутно, но поняли глубоко, в меру того страшного гнета, который принесла нам диктатура госкапитализма.

На примере же наших отцов хорошо видно неизбежное стремление людей к свободе, к тому, чтобы перестать быть «никем».

«Всеобщее беспокойство и смута должны иметь реальные причины. Они не сводятся только к политической жизни или простым экономическим промахам. Причины вероятно коренятся глубоко — в истоках духовной жизни нашего времени . . . Почему случилась революция в России? Единственный ответ: революция была результатом систематического лишения громадного большинства русских прав и привилегий, которых жаждут все нормальные люди». Эти слова сказаны не в 1973 году, а в 1923, и принадлежат они Президенту США Вудро Вильсону!

Но никогда еще «громадное большинство русских» не было до такой степени лишено «прав и привилегий», как в советское время. И если бы даже можно было предположить, что так называемые простые люди, люди народа, могли бы смириться с несвободой, то уже никто не в состоянии привыкнуть к многочисленным и неизменным ее спутникам: к издательствам чиновников, к бюрократической анархии с ее противоречивыми и абсурдными порядками и т. д. и т. п.

«Простым людям ничего не нужно, кроме жратвы и водки!». А я вспоминаю, как мой ученик в школе рабочей молодежи, взрослый человек, отец двух детей, как-то пожаловался мне: «Сегодня я поругался со своим начальником. Я стал протестовать против одного его idiotского распоряжения, стал, как говорится, «качать права». На что начальник мне ответил: «Запомни хорошенько, Скворцов (а он был очень низкорослым и переживал это), что прав у тебя меньше твоего роста!»

— Скажите, — спросил меня Скворцов, — как после этого жить?

Или в Самарканде, где я был в командировке, я спросил однажды 16-летнего русского паренька, рабочего: «Ну, как вы тут живете?» И получил ответ: «Это, может быть, вы живете в Москве, а мы здесь только существуем». (Моему отцу было тоже 16 лет, когда он бежал из дома!).

И сколько еще у меня было таких встреч!

«Советским людям нравится, что можно халтурно работать».

На самом же деле ни от чего, пожалуй, так не устали советские люди, как от своего сизифова труда — от бесконечных, невообразимых для западного человека безобразий в организации и снабжении, от всеубивающего формализма и очковитерательства, от абсурдной работы «на план». И бо-

лее всего — от этой самой бюрократической анархии, когда каждый твой шаг регламентирован указаниями сверху, но эти указания противоречат друг другу, и чтобы выполнить одно из них нужно нарушить другое, рискуя все время суровым наказанием.

Я редко встречал людей, будь то простые рабочие, инженеры или руководители, которые бы волком не были от своей сизифовой доли. Скорее уж к бытовым и материальным трудностям они больше привыкли (вопреки утверждениям нардофобов!).

И мало кто не видит связи между такими «производственными отношениями» и нищенской жизнью, между демагогией, ложью и фиктивной «социалистической демократией».

Наконец, не может народ принять режим и по такой простой причине, что почти нет человека в Советском Союзе, у которого не было бы за плечами тяжелейших моральных или физических травм, в которых прямо или косвенно не был бы повинен режим. Я не встречал почти ни одной семьи, особенно опять же среди «простых» людей, в которой не было хотя бы одного такого морального или физического инвалида — жертвы столкновения с бездушной жестокостью режима, с пребрежением к здоровью и достоинству человека.

Как живут и работают люди

Чтобы не быть голословным, приведу один комплексный пример с сохранением «единства места». Опишу вкратце работу и жизнь на строительстве Череповецкого гидроузла Волго-Балтийского канала, о котором я уже упоминал в I главе. Важно

иметь в виду, что стройка эта к моменту моего приезда велась уже около 11 лет и, следовательно, было достаточно времени, чтобы навести там порядок.

Так вот, в первый же день моего приезда на стройку я узнал, что накануне там произошло «ЧП» (чрезвычайное происшествие): 60-тонное перекрытие над шлюзом ГЭС, так называемая забральная балка вдруг рухнула вниз с 13-метровой высоты. Рухнула буквально через несколько минут после того, как из-под нее ушли рабочие. Вскоре я узнал о причинах аварии, случайно не ставшей кровавой катастрофой.

Строительство Череповецкого гидроузла и ГЭС (гидроэлектростанции) из-за неизменных в прошлом простоев переживало теперь неизменный штурм. Близилось перекрытие реки Шексны и близилась зима, когда перекрытие стало бы уже невозможным, а здание ГЭС еще не было готово. Ко всему еще близился и очередной съезд партии, и руководство спешило, как это положено, сделать съезду подарок: отрапортовать о «досрочном» завершении строительства.

Забральные балки полагалось бетонировать в три приема: когда схватится первый слой, класть следующий. Но было принято «волевое» решение — бетонировать балки в один прием. Три балки подчинились этому решению, а четвертая не послушалась!

Но как я узнал вскоре, эта балка не была единственной жертвой штурма. Геологи установили, что под зданием ГЭС находится слой загипсованного грунта, а гипс хорошо растворяется в пресной воде. Чтобы речная вода будущего водохранилища не просачивалась под здание ГЭС и не размывала под ним грунта, проектом было предусмотрено создание специальной водонепроницаемой плиты в

подводящем канале — понуре. И оказалось, что даже это чрезвычайно ответственное и трудоемкое сооружение делалось в ужасающей спешке. Вновь по волевому решению на сырой, не набравший прочности бетон наклеивали битумную изоляцию, наваливали суглинки. «Ничего не случится, выдержит!» — подгонял инженеров начальник строительства Хмельницкий.

Но через несколько дней после окончания работ на понуре появились «грифоны» — фонтанчики пробивающейся воды. Их спешно замазывали. Однако в самый день перекрытия Шексны, когда понур должен был навсегда скрыться под водой, приемочная государственная комиссия обнаружила целую «карту» (100 кв. м.) несхватившегося бетона. Затопление отсрочили на несколько часов и «язву» залепили свежей нашлепкой бетона.

— Размывание грунта неизбежно! — заявили специалисты из комиссии. — Чтобы станция не провалилась, придется потом бурить вокруг ГЭС скважины и цементировать пустоты, которые будут образовываться от вымывания гипса. обойдется это, разумеется, в копеечку!

— К сожалению, мы сами заинтересованы в сроках, — сказал мне член государственной комиссии, главный инженер Министерства Речного Флота. — На берегах Шексны заготовлено более миллиона кубометров древесины, и если к весне канал не будет готов, мы не сможем ее вывезти. Мало-мальски объективная комиссия никогда бы не приняла такой работы, — заключил главный инженер и скрепил своей подписью акт о приеме работ! (Деньги-то на дополнительное цементирование будут расходоваться государственные!).

Качество работ на других объектах канала было естественно на том же уровне. Бетон везде делали кое-как, песок и гравий не подогревали,

так как бетонные заводы не успели подготовиться к зиме: работу планировали закончить летом!

И бетон замерзал уже на пути к объектам. То и дело происходили обвалы и оползни, и бетонирование приходилось повторять.

Однако «главная» цель была достигнута: в день открытия съезда партии со строительства был послан рапорт о «досрочном» окончании работ и перекрытии Шексны.

Рабочие ради этого работали по 12 часов в сутки и без выходных дней, не соблюдая элементарных правил безопасности. Несколько человек погибло, многие покалечились. Не выдавали рабочим теплой и непромокаемой спецодежды, только резиновые сапоги и рукавицы. А большинство рабочих прибыло на строительство с Юга, по оргнабору, без теплых вещей.

Как жили рабочие на Волго-Балте? Жили в старых, щитовых (из тонких досок) «юртах», в разваливающихся бараках, в изношенных тесных вагончиках. Крыши текли, продувал ветер, не было канализации, сушилки не работали, белье меняли раз в две недели, в банях стояли дикие очереди, и работали они с перебоями — иногда раз в две-три недели: не хватало воды! Из-за этого нерегулярно работала даже столовая.

— Воду возим машинами, а их нехватает на строительстве. (Вспомним — 70% за год вышло из строя!).

Но рядом с поселком высится водонапорная башня. Показываю на нее в недоумении: зачем воду возить машинами?

— Не работает, — объясняют мне. — Летом построили, да не утеплили вовремя трубы, и они при первых же заморозках лопнули. Недавно трещины заварили, утеплили опилками трубы, но

они вновь лопнули. Оказалось, — опилки положили сырые!

Кормили на стройке так, что даже ко всему привыкшие рабочие написали однажды жалобу в «Комсомольскую Правду». Оттуда прислали к ним двух корреспондентов. На второй день пребывания на строительстве они тяжело отравились в столовой, и их пришлось самолетом отправлять в Москву, т. к. на строительстве не было и больницы. Ее в свое время построили и дважды за 4 года капитально ремонтировали, но через год после очередного ремонта обвалилась крыша. Всего лишь! Больше больницы так и не открыли. И на многотысячный коллектив строителей остался один медпункт с одним врачом и двумя санитарями, которые принимают в день до 70 больных. Из них около 50 с обморожениями (теплой спецодежды не выдают!).

Главврач больницы, между прочим, обращался к начальнику строительства Хмельницкому с просьбой о восстановлении крыши. Получил однако решительный отказ.

— К кому же мне тогда еще обращаться!? — в отчаянии спросил врач.

— А к кому угодно. Хоть к епископу! — последовал ответ.

И, наконец, школа. Там ведь были и дети! Старый дощатый барак, вода под полом. Дети в классах уже осенью сидели в пальто. А зимой морозы достигают там 40 градусов! Директор школы в разговоре со мной дошел до слез: «Помогите хоть вы! Ведь дети же гибнут! Болеют, бронхит хронический у всех, у девочек от холода воспаления женские!..».

Но денег ни на новую школу, ни на ремонт старой никто не дает. Директор ездил в Москву жаловаться, до ЦК дошел. Его там выслушали,

обещали помочь. Вернулся он назад, вызывает его секретарь обкома партии тов. Сталь (фамилия!) и стальным голосом говорит ему: «Будешь еще жаловаться (заметьте, на «ты»), людей от дела отрывать, получишь выговор с занесением! Нет средств на обустройство, понятно тебе?! Вот так».

Как реагируют люди на такие условия?

Вот цифры из отдела кадров строительства Череповецкого гидроузла. За год принято на строительстве 3 331 человек. За это же время уволилось — 2 409 человек, а всего на объекте работает — 4 979 человек. То есть за год обновился почти весь состав работников. Люди ездят по стране взад-вперед в надежде найти более сносное место.

А вот данные по инженерно-техническому персоналу: 94 принято, 62 уволено. Притом увольняются прежде всего те инженеры, у которых есть хорошие дипломы и следовательно надежда устроиться на работу где-нибудь в большом городе. Из 329 инженеров и техников на строительстве не имели высшего и даже средне-технического образования — 169. 46 должностей вообще не было занято. О том, как все это сказывается на качестве работы, нетрудно догадаться.

Между прочим, при мне там призошел весьма характерный эпизод. На стройку прибыло в организованном порядке целое соединение демобилизованных солдат, служивших в Восточной Германии. Их демобилизовали раньше времени, взяв за это обязательство проработать не менее двух лет там, куда их пошлют.

И вот они прибыли на Волго-Балт и после жизни в Европе попали в Череповецкий ад. Разместили их в помещении недостроенного клуба! И солдаты, современные, грамотные люди, да еще насмотревшиеся на другую жизнь, придрались к этому обстоятельству, найдя в своих контрактах

пункт, по которому их должны были обеспечить общежитием.

В один прекрасный день они окружили отдел кадров и стали требовать увольнения. Начальник отдела кадров, между прочим, генерал в отставке, попытался припугнуть их: «Это коллективный бунт!» Ничего подобного, спокойно отвечали ему солдаты, просто они все, каждый за себя, пришли требовать выполнения договора или увольнения.

Генерал-кадровик смутился и решил потянуть дело: «Я не имею права сам решать ваш вопрос . . .»

Хорошо! Но генерал не может выйти из здания управления: у дверей плотная стена солдат. «Разойдитесь, дайте пройти!» — кричит он стоящим перед ним солдатам. «Мы бы рады, — отвечают они, — да сами повернуться не можем, сзади напихают!»

Генерал грозился вызвать милицию, войска, но демобилизованные не выпускали никого из управления. Начальство звонило в Москву, совещалось. К ночи был получен приказ — дать всем солдатам увольнение! Мудрое решение. В Москве, видимо, поняли, что может произойти, если двинуть войска против демобилизованных, еще не снявших военную форму солдат. Это было уже после бунтов в Александрове и Новочеркасске, когда войска отказывались стрелять в народ.

В этом событии мне видится примета времени: раскрепощение людей от страха и раболепия перед начальством и пробуждение понятия о правах человека.

Картина жизни на Волго-Балте разумеется не является исключением. Я видел потом в ЦК профсоюзов акт обследования бытовых условий в 2.700 рабочих поселках на севере Европейской части РСФСР. Из него явствовало, что больниц нет в 483

поселках, медпунктов — в 286, детских садов — в 396, ясель — в 388, бань — в 113, мастерских бытового обслуживания — в 833, электрического освещения — в 88, *питьевой воды* — в 340, и 60% всех домов признаны негодными для жилья! А средства и планы на жилищное строительство из года в год сокращаются, планы же выработки — увеличиваются. В 1955 году в обследованных районах было построено 1,3 миллиона кв. метров жилья, а к 1966 году эта цифра снизилась до 550 тысяч кв. метров.

Нужно еще добавить, что Советский Союз наверняка занимает и самое последнее место среди промышленных стран по охране труда. Вот закрытые данные, которые показывали мне в Министерстве здравоохранения. Запыленность воздуха в шахтах США, Англии, ФРГ и Франции от 0,02 до 0,05% (в этом случае я не смог записать цифры, но запомнил порядок дробей), в шахтах ЮАР — 0,2%, а в шахтах СССР — 2%!

При этом в СССР до сих пор не существует профессионального страхования (рук, ног, глаз и т. д.) и самый низкий уровень общего страхования жизни.

Да и откуда всему этому взяться, когда в стране нет независимых профсоюзов, независимых судов и прессы, а за плечами — сталинские порядки.

На банкете по случаю «успешного и досрочного» окончания работ на том же Череповецком гидроузле подвыпившие инженеры стали вспоминать строительство Волго-Донского канала в сталинские годы. Оказывается, тогда для «досрочного» завершения работ было дано указание не останавливать бетонирования, если в блоки будут падать ослабевшие «зеки» (заклученные). А зеки то и дело срывались, и их заливали бетоном. Инженеры вспоминали — у кого сколько зеков было

забетонировано на участках. Назывались цифры в 10—15 человек. Когда один из инженеров сказал, что у него никто не был забетонирован, в ответ ему закричали: «Врешь! У тебя ведь был большой участок!»

И тогда директор строительства Волго-Балта, Хмельницкий, в прошлом бывший заместителем начальника строительства Волго-Дона, прорычал, ударил кулаком по столу: «Да, мрачное было время. Но строили мы тогда отлично!» И с пьяной откровенностью пояснил мне: «Тогда у нас не было никаких проблем с кадрами! Нужны мне были специалисты, я давал разнарядку в МВД и получал все сполна, без проволоочки!»

Поясню и я. «Кадры» эти из МВД поступали в качестве зеков и разумеется никуда потом не утекали, разве только на тот свет.

А между тем «мрачность» — в смысле жертв — в послесталинские времена не так уж сильно просветлела. Там же, на Волго-Балте, члены приемной комиссии рассказывали мне, что незадолго до Череповецкой ГЭС они принимали какой-то узел (я, к сожалению, забыл название) на строительстве канала в Сибири. И там в одном шлюзе еще шла работа, а в другом, параллельном, происходила уже пробная проводка корабля. И в это время рухнула стена, отделявшая готовый шлюз от соседнего, недостроенного. Погибли почти все люди — и те, которые были на корабле, и те, которые работали в соседнем шлюзе. Несколько сот человек!

А вскоре в редакции «Известий» я узнал, что подобное случилось и на Южном Урале, но уже на строительстве гигантской домны. Был очередной кризис с металлом, очередной штурм, и домну эту строили в жестокие морозы. Бетон клали холодным, и однажды домна рухнула, завалив около

трехсот человек, работавших внутри. Спасти не удалось никого. Даже те, кто еще оставались в живых после обвала, замерзли пока их откапывали.

И подобных случаев я знал за свою журналистскую практику немало.

Не исчез и труд заключенных. На том же Волго-Балте я видел много заборов с характерными вышками для автоматчиков. И парадокс заключался в том, что зеки на Волго-Балте находились в более сносных условиях чем вольные. Их обустройство финансировалось из других источников. Одежда у них была лучше, и жили они в более теплых и не протекавших бараках.

Так было примерно 10 лет назад. Кто хочет узнать, как обстоит дело сегодня, пусть полистает советские газеты. Вот примеры. Заметка в «Правде» (от 13. 4. 73 г.) из г. Новотроицка под заголовком «Будто просители». — «Один из новых районов города, насчитывающий уже более 20 тыс. жителей, но в нем до сих пор так и нет ни одного промтоварного магазина, ни одного предприятия бытового обслуживания... Нередко новые жилые дома оказываются без воды, а целые кварталы без транспортных связей с центром города».

Письмо в «Правду» из г. Спасска: «Наш комбинат по итогам социалистического соревнования занял второе место в стране. Тем труднее мириться с отставанием культурно-бытового обслуживания. Коммунисты, депутаты поселкового совета, решили снова, уже в который раз, написать в Министерство цветной металлургии СССР. Опять о школе, о бане, о дорогах. 400 школьников — дети золотодобытчиков — занимаются в 4-х старых, непригодных зданиях. Разведчики, от которых зависит будущее прииска, живут в едва отремонтированных старых бараках, по году не встречаются

с семьями». Вдумаемся, так живут люди, добывающие золото! А вот обобщение: «Министерства отказывают предприятиям в средствах на эти цели, экономя их для строительства производственных объектов».

И, наконец, еще более поздний пример и по такому району, который многими считается самым благополучным в СССР — по Грузии. Цитирую из доклада первого секретаря ЦК КП Грузии Шеварнадзе на 25-ом съезде компартии Грузии (январь 76 г.): «За первые два года пятилетки население республики недополучило 420 тысяч квадратных метров жилья, тогда как в бараках и подвальных помещениях все еще проживают тысячи людей. Жилой фонд плохо сохраняется, часты перебои в снабжении населения питьевой водой. В 32 городах и районных центрах нет канализации».

В общем, нужно быть очень далеким от жизни народа, чтобы утверждать, что такой режим может в чем-то устраивать людей. Да, простые люди в каждодневных разговорах чаще сетуют на материальные нужды и трудности — не могут же они говорить без конца, и с любым встречным, о самом заветном и тяжелом, что лежит у них на душе. Да и нелегко это многим выразить. Я уверен, например, что в 1962 году в Новочеркасске, за несколько дней до знаменитого восстания рабочих этого города, посторонние люди, беседуя с ними, не заметили бы никаких признаков накипавшего возмущения. А вскоре рабочие Новочеркаска поднялись на беспрецедентное в новейшей советской истории восстание! Два-три дня город был во власти восставших, приостановилось движение на важнейшей железнодорожной магистрали страны Москва — Ростов, солдаты отказывались стрелять в народ, командир гарнизона, по слухам, застрелился. Лишь с помощью переброшенных в город от-

рядов особого назначения КГБ, укомплектованных нерусскими солдатами из Средней Азии, восстание было подавлено.

И подобных восстаний, забастовок, волнений произошло много в те годы: Александров, Муром, Нижний Тагил, Тимир-Тау, Одесса и даже на крейсере во Владивостоке. Поводы были самые разные: повышение цен и норм выработки, избиение рабочих в милиции, запрещение показа советской кинокартины (на крейсере во Владивостоке — начальство посчитало ее идеологически порочной) и т. д.

Все эти поводы конечно случались и раньше, и следовательно причины возмущений, по выражению Вильсона, «коренились глубже». Для того чтобы подняться в советских условиях на восстание, в *подсознании* людей должно было накопиться нечто очень серьезное!

Миф о трех классах

Вернемся к анализу структуры советского общества.

Амальрик, как мы уже упоминали, на западный манер разбивает советское общество на три класса. И многие авторы самиздата бездумно следуют этому стереотипу, мало что говорящему, на мой взгляд, о советском обществе. Амальрик, напомню, указывает также на «деклассированность» и «социальную дезориентированность» «среднего класса» и «народа» из-за смешанного социального происхождения этих «классов». «Среди рабочих — масса вчерашних крестьян, а в среднем классе — вчерашних крестьян и рабочих. Кем осознает себя эта масса и чего она хочет, никому, я думаю,

не известно». (Амальрик «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»).

Я же думаю, что эта «масса» просто осознает себя людьми и жаждет человеческой жизни, человеческих «прав и привилегий». Думаю также — хорошо, что исчезло в Советской России деление людей на замкнутые «чистокровные» классы, и в марксистском понимании (отношение к средствам производства) осталось лишь два класса: пролетарии государственного капитала и хозяева оного — «новый класс» партocrats.

Вместо того, чтобы делить советское общество на три класса, гораздо продуктивнее разбить его на ряд *слоев* по общности условий жизни и работы (общности бытия), психологии и социально-политических чаяний.

На основании опыта моей жизни, давшего мне возможность близко познакомиться с различными слоями советского общества, я вижу *шесть* таких четких слоев, которые очень сильно различаются между собой по всем выше упомянутым критериям. Это:

1. Партийная и технократическая олигархия.
2. Научная интеллигенция. (Точные науки).
3. Гуманитарная интеллигенция.
4. Инженеры, техники, рабочие и служащие промышленности, или для краткости: инженерно-рабочий слой.
5. Крестьянство.
6. Работники торговли и обслуживания, кустари и т. д. Этот слой по характеру его работы можно назвать *услугающим* слоем.

Что представляют собой эти слои?

Я разделяю здесь концепцию, согласно которой партийную олигархию в свою очередь можно разбить на два слоя: на высшее партийное руководство (Политбюро, Секретариат и частично аппарат ЦК) и региональное руководство, к которому по своим функциональным интересам примыкает руководство КГБ и военно-промышленного комплекса.

Высшее партийное руководство в силу своего ответственного положения у руля государства и некоторой внутренней коллегиальности представляется более умеренным, более «левым» по сравнению с региональным руководством. Региональные вожди, непосредственно руководя «массами», жизненно заинтересованы в сохранении и укреплении принципа единоначалия и «руководящей роли партии».

Любая серьезная экономическая, а тем более политическая демократизация угрожает их власти и привилегиям непосредственно и в первую очередь. Гипотетические реформаторы из Политбюро ЦК в этом случае могут еще надеяться на сохранение и даже укрепление своего положения за счет искренней поддержки народа (как то было, например, с руководством Дубчека). Региональные же руководители партии при этом уже не имеют никаких шансов! И потому они являются видимо самой реакционной силой в стране, объективно, функционально заинтересованной не только в сохранении статуса-кво, но и, пожалуй, в рестализации, в бетонировании верхушки монолита, пирамиды «демократического централизма». Заинтересованы в ликвидации коллегиальности в Политбюро, которая противоречит и угрожает их по-

прежнему единоличной власти в своих обкомах и горкомах.*

Активная роль регионального руководства в свержении Хрущева является тому примером.

Что же касается концепции о существовании в руководстве «левых» и «правых» группировок (чаще всего об этом говорит Р. Медведев), то она мне представляется весьма сомнительной. Может быть со временем, хочется надеяться, такие группировки возникнут, особенно возможно накануне или в момент какого-либо кризиса, но пока у нас нет никаких достоверных данных о их существовании.

Есть, наверное, просто личности, более или менее авторитарные по своему характеру, более или менее здравомыслящие и т. д.

Хорошо известен и циничный, прагматический характер ориентации многих партийных карьеристов, когда они становятся то левее, то правее, то «голубыми», то «ястребами» в зависимости от конъюнктурных обстоятельств и борьбы за власть.

Для существования «наверху» серьезных группировок необходимо наличие и «внизу» каких-либо мало-мальски независимых слоев или сил, которые могли бы служить стимулом и опорой для создания верхних группировок. Но в СССР таких слоев пока не существует.

Некоторые, правда, утверждают, что существует слой технократов. И одни приписывают ему либеральную ориентацию (см. того же А. Янова), другие же наоборот — фашистскую!

Но я на основании моего опыта вообще слабо верю в существование единого слоя технократов. Партийные руководители «народного» хозяйства в

* Наиболее полно эта концепция изложена, видимо, в книге А. Янова «Третий путь. Письма русской оппозиции». Самиздат. Москва.

массе своей заинтересованы, как я уже отмечал, в сохранении и укреплении руководящей роли партии, в «дисциплинизации всей страны», как они сами шутят! А высокопоставленные специалисты, советники и эксперты от науки не допускаются к реальной власти и в массе своей слишком деморализованы своими огромными материальными привилегиями.

Хорошим примером тут является судьба академика Сахарова, главного автора водородного оружия в СССР. Даже в относительно либеральное хрущевское время Сахаров был немедленно отстранен от дел при проявлении с его стороны самой мягкой, тогда, оппозиционности. И при этом никто из коллег не поддержал его!

Наконец, не разделяю я иллюзий и на предмет либерализации руководства со сменой поколений. Парадокс тоталитаризма состоит в том, что чем более свободомыслящим становится общество, тем менее способны мыслить молодые руководящие кадры, ниже становится их интеллектуальный уровень, сильнее они ожесточаются и отчуждаются от общества. В результате всей советской истории и особенно сталинского времени чисто партийная карьера сделалась настолько, мягко говоря, непопулярной, отпугивающей, что большинство уважающих себя, здравомыслящих и на что-то способных людей стремится избегать такой карьеры.

Яркий пример этому приводит Сахаров в книге «О стране и мире», где он рассказывает, как группу способных студентов из различных ВУЗов собрали под каким-то предлогом в Ленинграде, в течение месяца дали им пожить шикарной жизнью на казенный счет, а потом сказали: «Хотите всегда так жить, поступайте в ВПШ!» (Высшая партийная школа).

Картина, конечно, в высшей степени печаль-

ная. Но это разумеется не исключает возможности, что некоторое число потенциальных «дубчеков» может все же затесаться в ряды партийной олигархии. И в момент какого-нибудь острого кризиса они могут проявиться. В момент, когда страх партократов за свою жизнь окажется сильнее страха за свою власть и привилегии!

Пока же среди молодого поколения партократов можно наблюдать лишь усиление цинизма и великодержавного шовинизма, являющегося уже сейчас единственной идеологией партийной олигархии за ширмой марксизма-ленинизма.

Научная интеллигенция

(математики, физики и т. д.)

На мой взгляд, она хорошо охарактеризована Амальриком как слой в целом весьма пассивный. Большинству ученых кажется, что они все-таки могут приносить пользу, и научная работа отнимает у них слишком много сил и времени. Однако в их среде есть много порядочных и здравомыслящих людей, и они еще могут сыграть свою положительную роль, особенно после падения режима.

Наука, отгораживая их от жизни, одновременно спасает до некоторой степени (в отличие от их гуманитарных коллег) от тлетворного влияния советских условий, от нравственного вырождения. Не всех, разумеется, но многих. Меньше всего это, увь, относится к научной элите. Сильнее всех защищенная своей известностью от террора, она могла бы сделать очень многое, но не сделала. И все же тот факт, что большинство активистов правозащитного движения в стране принадлежит к на-

учно-технической интеллигенции, говорит об относительно высоком уровне ее нравственного здоровья. Большую роль играет тут, видимо, и современное научное мышление, несовместимое с любой тоталитарной идеологией.

Гуманитарная интеллигенция

Это на мой взгляд (да и не только на мой) — самое слабое звено советского общества, особенно ввиду той роли, которую гуманитарная интеллигенция призвана играть в обществе. Г. Померанц назвал гуманитарных интеллигентов «людьми воздуха». На самом же деле большинство из них прочно привязано к советской «земле», к колеснице пропагандистской и воспитательной машины, и движет эту машину. И это разумеется не проходит для гуманитаристов бесследно.

«Иногда мне кажется, — писал Амальрик в открытом письме к А. Кузнецову, — что советская творческая интеллигенция, то есть люди, привыкшие думать одно, говорить другое, а делать третье, в целом явление еще более неприятное, чем режим, который ее породил».

Увы, с этими горькими словами Амальрика здесь трудно не согласиться. Совпадают они с мнением академика Сахарова: «Интеллигенция начинает уходить либо в узкий профессионализм, либо в двойственную интеллектуальную жизнь на работе и дома, но это означает усиление лицемерия и дальнейшее падение нравственное и творческое. Особенно тяжело все это сказывается не на технической, а на гуманитарной интеллигенции, у которой уже создано полное ощущение тупика».

(Интервью шведскому радио и телевидению. 1973 год).

Чтобы понять причины такого состояния гуманитариев, а также их политические настроения, необходимо начать с исходного, так сказать, определения гуманитарной интеллигенции и ее положения.

«Шапка Мономаха» гуманитарного интеллигента тяжела при всех обстоятельствах и во все времена. Прежде всего, гуманитарий имеет дело не с точными науками, где успех можно доказать измерениями или экспериментом. Успех гуманитария зависит от многих критериев и не в последнюю очередь от признания других гуманитариев.

В то же время гуманитарий в своем творчестве должен отражать проблемы человека, обращаясь при этом к людям, к обществу. Следовательно, гуманитарий органически заинтересован в известности, в славе, чтобы его читали и слушали, и ради этого заинтересован в оригинальности, в выделении из ряда.

При этом гуманитарий в сущности «кустарь одиночка» по характеру своего труда, даже если он и состоит на службе. Его труд не является звеном какого-либо производственного цикла. В результате и его социальное положение мало зависит от социально-экономической структуры общества, от так называемых производственных отношений. Его единственный «классовый» интерес — чтобы цензура была послабее и не мешала ему выделяться из ряда. В этом смысле он действительно человек, висящий в воздухе. Это дает гуманитария большую свободу мышления, но эта же свобода таит в себе великую опасность потери чувства реальности и ответственности.

Инженер или рабочий не может выдвигать или поддерживать какую-либо, например, социальную

идею, не подумав, как она может при реализации отразиться на его положении, жестко зафиксированном в социальной структуре. Да и характер труда приучает людей производства к ответственному и конструктивному мышлению: в любой обстановке они должны производить вещи, способные хорошо ли, плохо ли, но функционировать, и любую деталь любым концом не повернешь — можно остаться без головы.

Наконец, человек производства в своей судьбе тесно связан со своими коллегами. «Мы» в его мышлении находится как минимум в равновесии с «Я», в то время как у гуманитария «Я» может доминировать.

Итак, «взвешенность» гуманитария и необходимость к выделению ставит его развитие и судьбу в особую зависимость от одного решающего обстоятельства: от уровня его *нравственности*, от способности к сопереживанию. Если этот уровень достаточно высок, он дает гуманитария сверхличную цель, сверхзадачу и рамки ответственности перед людьми, перед обществом. Такой интеллигент-гуманитарий действительно становится самым полезным членом общества, интеллигентом с большой буквы. А если этого нет — доброй сверхзадачи и ответственности, — то интеллигент-гуманитарий, особенно при наличии у него способностей, превращается в самого опасного для общества члена, и для «дальних», и для «ближних» своих. Становится «бродильными дрожжами» изоциренного зла. Любая самая хорошая идея будет поноситься им только потому, что не он ее автор. Или, если она в силе и в моде, он будет ее извращать, доводя до абсурда. И любое дело будет разваливать, если не он лидер.

В тоталитарных же условиях гуманитария сохранить нравственные устои и гражданскую ответ-

ственность особенно трудно. И в этом — ключ к пониманию советских гуманитариев.

Производственник в тоталитарных условиях госкапитализма при отсутствии зависимости производства от потребления снижает качество своей работы. Гуманитарий же попросту деградирует, нравственно и умственно. Инженер и рабочий могут и даже заинтересованы производить некачественные, скажем, трубы (чтобы произвести их в большем количестве и выполнить план), но не могут выпускать трубы без желоба: жидкость по ним все-таки должна течь! У гуманитария и этой заботы нет. Он в значительно большей степени отрезан от обратной связи со своими потребителями. В этих условиях стремление к выделению и безответственность приобретают порой совершенно уродливый характер. Гуманитарий почти полностью теряет ощущение независимости и чувство собственного достоинства, свойственное квалифицированному работнику. Карьеризм, угодничество, предательство, оппортунизм становятся нормой. Своей безнравственности эти люди, как правило, не замечают, т. к. варятся в собственном соку, и все вместе деградируют. Критерии порядочности снижаются до последнего минимума. Естественно, развиваются мизантропия и на ее почве — нардофобия и прочие фобии.

Тут важно понимать диалектику перехода от диктаторского, «средней» жестокости режима к тоталитарному. Я имею в виду, конечно, сравнение с режимом царской России. Тогда для гуманитарной интеллигенции существовали быть может оптимальные условия, среди имевшихся в мире, для обретения доброй сверхзадачи. Страна и народ были в тяжелом положении, существовало множество тяжелейших проблем, но существовала в то же время относительная свобода для творчества и

связь с общественностью, с «потребителями». Существовала объективно и некоторая заметная перспектива для тех, кто хотел бороться за изменение режима или просто действовать на пользу людям. То есть были средства и возможности для достижения гуманных целей. И «продукция» гуманитариев того времени свидетельствует о существовании большого числа людей, подчинявших свое творчество доброй сверхзадаче.

При переходе же к тоталитарному режиму госкапитализма мы видим, что вместе с увеличением количества и «качества» проблем резко уменьшаются возможности для борьбы за их решение и неизмеримо увеличивается риск участия в этой борьбе. Результат: изощренность в приспособлении, в цинизме, защитная слепота и потеря способности к сопереживанию, а также народофобия и мизантропия в качестве оправдания своего бездействия и приспособленчества.

Народофобия тут рождается и из-за страха перед крутыми переменами в демократическом направлении. Гуманитарий боится, что может оказаться неконкурентноспособным в силу творческой деградации, и кричит о том, что «дикому» народу (или «одичавшему») нельзя давать свободу: он учинит кровавую анархию — «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Мне же думается, что самую большую опасность тут представляют сами эти гуманитарии, с преобладанием в их среде людей безнравственных, безответственных, с неудовлетворенным честолюбием.

Сознание многих интеллигентов представляет собой перевернутую картину по сравнению с сознанием большей части людей из народа, у которой, как мы говорили, ненависть к режиму часто вытесняется в подсознание. У очень многих же ин-

теллигентов на поверхности какие-либо оппозиционные (по моде) идеи, а в подсознании — страх перед серьезными переменами.

Большая часть современной гуманитарной интеллигенции представляет перевернутую, «зеркальную», картину и по отношению к дореволюционной интеллигенции России, отличавшейся крайним радикализмом, революционностью и народничеством. И если крайности старой интеллигенции сыграли во многом весьма печальную роль в истории страны, то «зеркальные» крайности большей части советской интеллигенции в нынешней тоталитарной обстановке могут сыграть роль еще более трагическую.

Приведу ряд фактов, косвенно подтверждающих нарисованную выше картину.

Вспомним, ни один человек на съезде писателей в 1967 году не решился даже упомянуть о письме Солженицына к съезду, в котором содержалось требование отмены цензуры на художественные произведения и защиты Союзом Писателей прав его членов. Сравним это с положением в Венгрии (в 1956 г.), в Польше, в Чехословакии, где гуманитарии, в частности писатели и журналисты, играли великую роль в движении за демократические реформы. Вспомним, что в той же Чехословакии в 1967 году письмо Солженицына было не только прочитано на съезде чехословацких писателей, но и подтолкнуло 300 человек подписать сходную петицию к правительству, с чего в сущности и началась Пражская весна.

Впечатляющую картину дает и статистика, приводимая Амальриком в его книге: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». К 1969 году среди людей, подписывавших различные протесты, ученые, инженеры, техники и рабочие составляли 64%, а деятели искусства и литературы

— 22%! Характерная картина для тоталитарного режима. (В странах Восточной Европы жестокость режима была меньше и короче было время его существования, поэтому там мы уже наблюдаем обратную, нормальную картину).

Отметим также, что в числе заявивших о себе диссидентов мы находим только 5% студентов. Положение столь же ненормальное.

Еще примечание. Если в число 22% гуманитариев-диссидентов входит большинство активных оппозиционеров этой группы, то 64% для научно-инженерно-рабочей группы не является репрезентативной цифрой: большое число «простых» и «заводских» людей, проявлявших активную оппозиционность, не подписывало каких-либо документов протеста. Вспомним хотя бы об участниках многочисленных забастовок и восстаний в начале 60-х годов.

И все же 64%! Следует к тому же учесть, что люди эти не находятся около источников получения и передачи информации, не защищены от репрессий известностью или связью с известными людьми (и с иностранными корреспондентами), расположены в главной своей массе в провинции, где произвол милиции и КГБ достигает предела, и для которых, наконец, одно только увольнение с работы — катастрофа: внештатно, как гуманитарии, они работать не могут и не могут, как правило, найти себе новой работы — все предприятия государственные.

«Реактивная» оппозиция

Чрезвычайно показательна для безответственных советских интеллектуалов эволюция их политических взглядов при переходе в оппозицию.

Эта эволюция диктуется все тем же стремлением к выделению, к оригинальности и происходит по реактивному принципу отталкивания в противоположную крайность.

При первом шаге отбрасывается марксизм. Но надо идти дальше в соревновании — кто окажется радикальнее, кто больше выбросит ложных ценностей и предрассудков. И вслед за марксизмом летит за борт социализм в любых видах. Но соревнование продолжается — и за бортом оказываются демократия, интернационализм, «безрелигиозный» гуманизм и т. д.

Однако необходимо иметь конструктивные идеалы. Они создаются также по реактивному принципу: отбросили социализм — да здравствует капитализм!

Отбрасывается демократия — значит даешь «авторитаризм», а фактически — монархизм. Отказались от интернационализма — да здравствует национализм. А то, что в народе, находящемся в положении угнетателя других народов, национализм абсурден и на практике не может быть ни чем иным, кроме шовинизма — так это же Ленин говорил! Национализм подходит и для маскировки мизантропии, является ее вытеснением. Ведь нельзя же никого не любить. Те, что вокруг — это презренные «советские» люди, а русского человека еще надо воссоздать. Его-то, будущего (т. е. бывшего!) русского человека, мы и любим.

Другими словами, за русофильством здесь скрывается та же народофобия и, пожалуй, еще более злая. «Ленивым, нерешительным, трусли-

вым, заболоченным и отживающим этносом» называет современный русский народ Вл. Осипов, один из лидеров авторитарных националистов.* Вспомним тут и Солженицына: «беснующиеся массы», «как же народу было сохраниться?» или «Крестный ход в Переделкино».

Далее, вместо атеизма — религия. Да не просто, а как панацея от всех бед. А для подкрепления и освящения национализма — панправославие. Так, Владимир Осипов во 2-ом номере своего самиздатского журнала «Земля» пишет: «Но посуху приходят к нам лже-пророки. «Бог не есть Бог русских, но всего мира», — говорят они... Но слова их ложь. Бог *живых* не может быть Богом *мертвому миру*... Да грядет русский Бог во спасение миру!».

Уже в эмиграции я имел диспут с одним известным диссидентом-националистом, юристом по образованию. Я спросил его:

— Вот ты стоишь за великую и неделимую Россию, и старая Россия для тебя образец. Хорошо. Но ведь если завтра ты дашь нерусским народам хотя бы половину царских свобод, то тебе придется вскоре пускать в ход танки, чтобы удерживать их в империи!

— Ну что ж, — отвечивал он, — Христос, когда надо, *мог быть жестоким*. И пустился в рассуждения о том, что русский народ — великий народ, отмеченный Богом, и потому просто обязан пасти другие народы.

— Ты же не преминешь, — разъяснял он мне, — воспользоваться силой, если твой сын станет плохо себя вести или захочет убежать из дома!

Иначе говоря, вслед за русским Богом можно во спасение мира пустить и русские танки! Так

* «Часовой», Брюссель, № 1, 76 г.

сказать, на Бога надейся, но и с танками не плошай!

— Я всех отпускаю, — сказал как-то, защищаясь, Солженицын. Но академик Сахаров справедливо заметил: «... из истории известно, что «идеологи» всегда были мягче идущих за ними практических политиков». («О письме вождям Советского Союза»).

И вот не успели, что называется, чернила просохнуть на Солженицыновском «Письме к вождям», как ближайший его последователь, член-корреспондент АН СССР Игорь Шафаревич (еще теоретик!) уже никого не хочет отпускать из российско-советской империи, даже прибалтийские народы, и в распаде Советского Союза видит гибель России. И вообще, по мнению Шафаревича, всегда «национальный сепаратизм выступал как разрушающая старую империю сила и стимулировался пустотой, которая создавалась в душах уничтожением чувства общеимперского единства, высокой объединяющей цели». (Сборник «Из-под глыб»).

То есть, что для русского народа — законный и оправданный национализм, то для угнетенных народов — пагубный сепаратизм! А то, что им представляется сковывающей цепью, на самом деле — «высокая объединяющая цель».

И такому соревнованию не видно конца. Группа националистов-диссидентов выпускает манифест «Слово нации»: «Демократические институты не несут с собой исцеления, скорее наоборот усугубляют болезнь. Поэтому для нас не столько важна победа демократии над диктатурой, сколько идейная переориентация диктатуры, своего рода идеологическая революция. Античный мир погиб в хаосе вследствие распространения космополитических идей. Мы же стремимся к возвращению национального чувства в перемешивающемся мире,

к тому чтобы каждый осознал свою личную ответственность перед нацией и перед расой... Беспорядочной гибридизации должен быть положен конец...».

Здесь мы наблюдаем уже формирование новой разновидности тоталитарной идеологии, которую можно назвать «клерикал-нацизмом», и которая весьма выгодна для властей, так как объективно направлена на развал многонационального правозащитного движения. Вспомним, что Сахарову уже не раз угрожали от имени «Русской Христианской Партии».

Критикуя «Письмо к вождям» Солженицына, Сахаров пишет: «Но есть ли в его предложениях что-либо, что является новым для руководителей страны... Великорусский национализм, энтузиазм освоения целины (Северо-Востока) — ведь это все уже использовалось и используется. Призыв к патриотизму — это уже совсем из арсенала официозной пропаганды, он невольно сопоставляется с пресловутым военно-патриотическим воспитанием и с борьбой против «низкопоклонства» (перед Западом) в недавнем прошлом. Сталин во время войны и до самой смерти широко допускал «прирученное» православие. Все эти параллели с предложениями Солженицына не только поразительны, они должны настораживать».

Настораживать они должны еще и потому, что в случае какого-либо острого кризиса в стране перепуганные власти всегда могут попытаться в более глобальной форме воспроизвести опыт Сталина для создания откровенно шовинистического, клерикально-фашистского режима. Видимо это и имеет в виду Сахаров, когда пишет в том же ответе на «Письмо вождям» Солженицына, что его идеи «могут обернуться трагедией».

В заключение необходимо отметить еще две

важных особенности этой «эволюции». Первое — это решительное отрицание всяких революций как в прошлом, так и в будущем.

Мы все в России перестали быть романтиками революции, но не все дошли до взгляда, что революции всегда дело рук экстремистов и всегда приносят один только вред. Думаю, что за страхом перед новой революцией в России, отличающим «реактивно» мыслящих интеллигентов, лежит страх перед утверждением новых форм социализма! Выступая за эволюционное развитие России, эти люди при решительном неприятии всего, что на их взгляд потворствует социализму, от марксизма до демократии, — могут на деле лишь противодействовать мирной эволюции режима, которая немислима без какой-то преемственности.*

И вторая важная особенность: презрение к разуму. В «Августе 14-го» Солженицын пишет: «История не правится разумом... История иррациональна... разум для нее топор». Отвергаются любые попытки усовершенствования социального строя: заботиться надо об усовершенствовании «строения собственной души». Однако, «когда трубит труба войны, мужчина должен быть мужчиной. Хотя бы для самого себя. Это тоже неисповедимо».

В сущности это направление оппозиционной мысли смыкается с иррационализмом и антидемократизмом крайних «левых» на Западе и являет собой другую сторону одной и той же медали. Вы-

* Заявление Солженицына, сделанное им на Западе в защиту от обвинения в антидемократизме, что он выступает за постепенную демократизацию, а сторонники Сахарова, якобы, за немедленную полную свободу и демократию, является заведомым искажением и собственной позиции, четко изложенной в «Письме к вождям» и в сборнике «Из-под глыб», и позиции советских демократов, хорошо ему известной.

брасываются за борт все выстрадавшие человечеством принципы и ценности, перечеркивается опыт истории.

Какова же популярность авторитарно-националистического направления во всем советском обществе в целом? Лучше всего об этом сказал сам Солженицын, когда он еще находился в стране: «Среди советских людей, имеющих неказенный образ мнений, *почти всеобщим* является представление, что нужно нашему обществу: . . . свобода и парламентская многопартийная система. Сторонники этого взгляда объемлют и всех сторонников социализма и шире того . . . В этом *почти полном единодушии* сказывается наша пассивная подражательность Западу». («Из-под глыб», стр. 23).

Основная социальная почва русского оппозиционного национализма — это то, что называется полуинтеллигенцией, выходящей главным образом из услужающего слоя.

Государственный капитализм, обрекая сектор торговли и обслуживания на жалкое существование, побуждает большое число молодежи из услужающего слоя идти в «интеллигенты». Тот, кто по своим склонностям должен был бы пойти, скажем, в приказчики, идет в писатели! Поспешное и некачественное образование довершает дело создания полуинтеллигенции.

Оппозиционный национализм начал появляться в 60-е годы, когда были окончательно похоронены надежды на либерализацию и в то же время стало ясно, что власти не хотят или не могут провести и полную ресталинизацию. То есть, не способны расчистить путь наверх для молодых кадров полуинтеллигенции с помощью новой массовой чистки «ревизионистов» и «сионистов» — демократически настроенной, настоящей интеллигенции.

О том, что дело обстоит именно так, свидетельствуют выступления и программы самих националистов, наполненные ненавистью к интеллигенции, к ее лучшей части («образованщине» — по Солженицыну), — якобы русофобской, прозападной, проевреенной, захватившей все ключевые позиции в искусстве и науке. И тут же ностальгия по сильной власти, часто — откровенно по Сталину, по «сталинской демократии», когда можно было с помощью доносов расчищать себе дорогу. (Осипов: «Сталин пресек антинациональный шабаш троцкистов!» — «Площадь Маяковского». См. также Симанова, Кочетова, Шевцова и др.).

И у авторитарных националистов, конечно, есть «основания» для ненависти к интеллигенции. Даже гуманитарная интеллигенция, далеко не вся разумеется, состоит из деморализованных и реактивно мыслящих индивидуумов.

Так называемая литература «оттепели», появившаяся после 1955 года, дала такое большое число замечательных писателей и деятелей искусства, обладавших доброй сверхзадачей, что это внушает надежду, что и гуманитарная интеллигенция сумеет в момент кризиса выдвинуть из своей среды значительный отряд искренних демократов, способных трезво мыслить и действовать с чувством ответственности перед страной и народом.

Но и сама по себе литература оттепели, в том числе и художественное творчество Солженицына (!), уже сыграла и будет продолжать играть огромную роль в пробуждении широких слоев советского общества. Эта литература и нынешнее правозащитное движение в СССР представляют собой единый процесс.

Крестьянство

Наверное около 70% этого слоя составляют сегодня женщины, старики и дети: мужчины по-прежнему бегут из деревни. И слой этот продолжает уменьшаться. Сейчас в сельском хозяйстве занято около 25% русского населения РСФСР. Из-за этого, а также из-за раздробленности и малообразованности крестьянство в политическом отношении представляется, конечно, достаточно беспомощным.

Заслуживает интереса мнение многих людей, хорошо знающих русское крестьянство, которые очень сомневаются, что колхозники сохранили страсть к земле, к единоличному хозяйству и будут непременно стоять за ликвидацию колхозов. (А не за превращение их в настоящие, независимые коллективные хозяйства).

Между прочим, одним из главных аргументов русского национализма служит утверждение, что русские крестьяне-колхозники живут хуже, чем сельское население в других республиках, и стало быть, русские находятся в угнетенном положении, эксплуатируются республиками. Действительно, положение русской деревни, особенно в нечерноземных районах, очень неприглядно. Тем не менее оно лучше, чем положение нерусских земледельцев в плохих для земледелия районах. (Исключение во всем составляет Прибалтика — в силу своего недавнего «западного» происхождения и пристального внимания со стороны Запада и Скандинавии). А главное — националисты странном образом забывают, что и при «национальном» царском режиме русские крестьяне так же бедствовали больше всех, помирали от голода, разорялись

от поборов и лихоимства. Притом в царское время в деревне жило почти 90% русского населения, а не 25%, как сейчас!

Услужаящий слой

(торговля, кустари, мелкие служащие, рабочие артелей и бытовых мастерских, отчасти строительные рабочие)

Этот слой и представляет собой тот народ, о котором пишут, и пишут правильно, Амальрик, Синявский и другие. Он весьма многочисленен в больших городах, столицах. С ним ближе всего соприкасаются гуманитарные интеллигенты, судя по нему обо всем народе.

Слой этот более всего деморализован и «алкоголизирован», разобцен и подавлен идиотизмом советской жизни, развращен «новым классом» партийной олигархии. Причину понять нетрудно. Сектор торговли и обслуживания, повторю, влачит жалкое существование в условиях госкапитализма: отсутствие свободной инициативы сказывается здесь особенно пагубно. Нищенские зарплаты побуждают почти к поголовному воровству (обворовываются при этом и государство и клиенты), незаинтересованность в добросовестной работе достигает максимума, труд обслуживания («обжуливания») поэтому, естественно, никем не уважается и т. д. В результате, недовольство жизнью сублимируется в многочисленные фобии. В ненависть к евреям, грузинам, армянам, украинцам, татарам, интеллигентам, студентам, иностранцам, туристам, автомобилистам, и, наконец, друг к другу.

Именно наличие этого слоя и его качества составляет с особой тревогой относиться к нарождаю-

щейся в среде гуманитарной полуинтеллигенции идеологии «клерикал-нацизма». В услужающем слое эта идеология может дать зловещие всходы. (С помощью «садовников» из КПСС и КГБ!).

В случае же, если КГБ будет парализован или разгромлен, этот слой вряд ли сможет быть серьезно опасен: настолько он уже деморализован и разобщен, что совершенно не способен к мало-мальски организованным действиям, кроме разрозненного хулиганства.

И самое главное — этому слою способен эффективно противостоять мощный инженерно-рабочий слой, характеристику которого я специально оставляю под конец, и сейчас, перед тем как перейти к нему, сделаю еще одно существенное уточнение.

«Московская национальность»

В СССР в результате специальных усилий и процесса концентрации капитала в центре (при госкапитализме капитал не ищет вакуума) возникла колоссальная разница в условиях жизни между столицами и провинцией, особенно между Москвой и провинцией. В Москве сосредоточены все гигантские министерства, научные и культурные учреждения с огромной армией обслуживающего персонала. В Москве можно сделать карьеру, съездить за границу, продать привезенные оттуда вещи, подкупить ими «нужных» людей. В Москве выше зарплаты и более сносный досуг. Москва значительно лучше снабжается, больше строится жилья. Можно сказать, что Советский Союз является колонией Москвы и ряда ее вассальных столиц. В известном смысле вся страна работает для того, чтобы в Москве всегда была сносная в мате-

риальном отношении жизнь, так как Москва — это и витрина для Запада.

В то же время Москва лучше снабжена и «стучачами» КГБ. И в Москве сильнее, чем где бы то ни было, поработала коса террора, выкосив целые слои активных людей, место которых заняли любители «сладкой» жизни со всех концов страны и изо всех слоев населения. Сталин хорошо учел опыт всех прежних революций и первым делом позаботился о том, чтобы снизить революционный потенциал столиц, и преуспел в этом.

В результате москвичи сейчас фактически складываются в особую национальность — так отличаются они по своему характеру в худшую сторону от большинства провинциальных людей. И пессимистический взгляд на народ объясняется также и тем обстоятельством, что многие интеллигенты судят о народе по его московским представителям.

Когда после долгих командировок я возвращался в Москву, то всегда с особой остротой замечал, как отличаются глаза и лица столичных людей. Едва ли не у каждого двух встречных из трех виделась в глазах эта характерная «московская» смесь настороженности и наглости, цинизма и хитрости, трусости и агрессивности. У «простых» смесь эта виделась явно, а у тех кто «в шляпах» — в прикрытом виде. В конце концов я определил для себя этот тип людей словом «овце-волки». Овцы по отношению к тем, кто выше их по положению, и волки по отношению друг к другу. А общепринятое наименование: жлобы. Или по-старому — холуи. Там где господа, там и холуи. Но когда сами господа — холуи, то нетрудно вообразить, что представляют собой холуи у холуев!

Увы, даже и заводские люди в Москве часто в худшую сторону отличаются от своих коллег в

провинции. Как-то я отдыхал на юге России с моим другом, московским инженером. Гуляя однажды по окрестностям, мы набрали на буровую установку и провели некоторое время среди обслуживающих ее рабочих. И мой друг потом сказал мне: «Какие действительно славные ребята! Какие-то совсем другие люди...» И пошутил: «Может это потому, что они работают на свежем воздухе?!».

Но на огромных химических заводах в Уфе, где я особенно долго жил и работал корреспондентом, воздух был много хуже московского, а людей лучше чем там я не видел нигде.

Инженерно-рабочий слой («Заводской народ»)

Конечно, инженеры и рабочие такие же люди, как и все. И в то же время не такие! Иные степени и уровни. Если есть интерес — то серьезный. Если убеждения — то глубокие. Если тщеславие, эгоизм — то не столь болезненные. И, может быть, самое важное — нет злобности мещанской, жлобской.

Мизантропам очень трудно жить в рабочей или инженерной среде. И подлецам, лицемерам, лжецам — тоже. Ведь ты все время остаешься лицом к лицу с людьми, с товарищами, с которыми тесно связан твой труд. Тут выгоднее быть добрее, проще, спокойнее. Но и за позой, маской тоже недолго скроешься.

Но это общее. А вот специфика госкапитализма. Нет жестокой конкуренции между людьми, в том числе и между инженерами: их всегда нехватает, особенно в провинции, а к большой карьере боль-

шинство из них сознательно не стремится. Повышение сверх среднего уровня связано с уменьшением до нуля творческого элемента в работе и с увеличением до бесконечности бюрократической ответственности, нервозности. Любой главный инженер с горечью пожалуется вам, что не инженер он уже, а толкач, снабженец, сбытовик, всем дыркам затычка и мишень для выговоров.

Читатель уже понял, что я решительно отделяю заводскую интеллигенцию от привычного и совершенно необоснованного (в Советском Союзе) объединения с персоналом научных заведений в категорию «научно-технических» работников или научно-технической интеллигенции.

По своим социальным интересам и характеру заводская интеллигенция в СССР значительно ближе к рабочим.

Происходят инженеры, как правило, из рабочей среды, с рабочими вместе (в одних домах) и почти в тех же условиях живут, ходят в одни и те же клубы и пивные, в те же детские сады и школы водят своих детей и т. д. Отделить инженера от рабочих у режима, слава Богу, средств нет. Как и нет средств платить инженерам больше чем рабочим!

Только эксплуатируют инженеров сильнее: рабочий день у них, особенно в провинции, не нормирован, домой инженер часто возвращается много позже рабочих. А главное — они находятся в самом фокусе бюрократической анархии, то и дело подпадая под административный, а то и судебный террор за то, что выполняя одни указания, нарушали другие.

Недавно в журнале «ЭКО» (Экономика и организация) Новосибирского университета я прочел статью инженера Кулагина, в которой он пишет: «Над каждым инженером взвод начальников. И

когда один приказывает: «Бегом вперед!», другой командует: «Ложись!».

И в этих сизифовых условиях инженеры должны отвечать за производство, должны производить все-таки хоть как-то функционирующие реальные предметы.

Поэтому инженеры, конструкторы, техники и средний руководящий состав промышленности — самые недовольные в стране люди. Есть даже такая мрачная шутка: «Чтоб ты жил как инженер!»

А ИТРовцев (инженерно-технических работников) теперь в России миллионы. Они, будучи тесно связанными с рабочими, интеллектуализируют и одновременно радикализуют рабочий класс. Впрочем и рабочие становятся все более грамотными и развитыми: обычно уже с 8—10 классами средней школы за спиной, а то и техникумом.

Наконец, инженеры и рабочие, особенно в провинции, слабее охвачены советской пропагандой и «воспитательной работой». Так называемая партийная и комсомольская жизнь на заводах еле теплится и носит откровенно формальный характер. Причина тому — непробиваемый скепсис к официальной пропаганде, сложившийся за полвека бесконечных и никогда не выполняемых обещаний.

В этом смысле определение Г. Померанцем советской интеллигенции как «людей воздуха» куда больше подходит к заводским людям, хотя точнее их все же было бы назвать «людьми на задворках» — советской пропаганды и жизни.

Далее. Нет конкуренции, но есть солидарность. Лишь вместе заводские люди могут хоть как-то противостоять произволу и абсурдам планового хозяйства, хоть как-то улучшать свою долю. Этим и объясняется тот известный факт, что все попытки расколоть заводских людей при помощи

всяческих движений ударников и стахановцев не имеют никакого успеха.

В газетах появляются грозные окрики, что «иные руководители, желая угодить отсталым членам коллектива, раздробляют на всех премиальные фонды вместо того, чтобы стимулировать передовиков». Но тщетно! Стремясь выполнить план, директора не рискуют восстанавливать против себя коллектив. Это не значит, что рабочие стремятся к уравниловке: «Чтобы никому не было лучше!» Люди разных квалификаций получают разные зарплаты, и все к этому относятся как к должному, лишь бы разница была оправданной. Другое дело — индивидуальные премии за выслугивание, за взбивание норм, за штрейкбрехерство.

Таково реальное положение, если не отдаваться во власть эмоций при виде московских жлобов, толпящихся у распивочных.

В школах рабочей молодежи, в которых я работал, большинство учеников было из дневных школ, исключенных оттуда за неуспеваемость или хулиганство (даже имевшие судимость). Были ученики и из интеллигентных семей. Последние обычно приходили к нам с фиктивными справками о работе, чтобы облегчить себе, по хрущевским правилам, дорогу в ВУЗ. Хулиганы и шпана отравляли учителям все существование, если в классе не было хотя бы нескольких настоящих рабочих. Рабочие их никогда не били, до этого и не доходило — просто при них молодые жлобы были, что называется, тише воды.

— Вам что! — завидовал иной учитель. — У вас в классе есть рабочие! — Это значило, что нет проблем ни с дисциплиной, ни с какими-либо подсобными работами. (Из-за бедности школ мы должны были постоянно что-либо сооружать или доставать сами).

Всех рабочих отличало спокойное чувство собственного достоинства, благожелательность, уважение к учителям (особенно к тем, кто и к ним относился с уважением), безо всякой притом искательности. Было среди них и много способных, думающих людей.

Недоверчивые скептики пусть прочтут или вспомнят мемуары Надежды Мандельштам, в которых она описывает свою жизнь среди рабочих. Вспомнят, с каким пониманием и сочувствием они относились к чете Мандельштам, рафинированных интеллигентов, евреев. Как опекали их и старались ободрить. Как, бросив работу, шли за Надеждой Мандельштам, когда чекисты вели ее из цеха в контору, стояли под окнами в течение всего допроса и, вероятно, спасли её тем самым от ареста. А наутро, проходя мимо ее дома, клали деньги на подоконник, чтобы ей было на что уехать и скрыться. И как возмущала рабочих уже тогда официальная пропаганда: «Нашим именем какие дела творятся!.. Их борьба за власть... Заморочили вам голову нашим классом... власть говорят за нашим классом, а пойдешь, сунься — покажут тебе твой класс...». И при этом, пишет Надежда Мандельштам, у них «было понятие пролетарской солидарности, от которого они не желали отказываться». («Воспоминания», стр. 356).

Каким контрастом выглядело их поведение на фоне тогдашней почти всеобщей трусости и подлости так называемого образованного общества!

«Всюду, где есть железный порядок, — заключает Надежда Мандельштам, — появляется «масса», но на производстве люди живут своей жизнью и остаются людьми... Живут своей особой, вполне человеческой жизнью, которая их вовсе не механизмирует, не делает «массой»... («Воспоминания», стр. 276).

Я не согласен с Н. Мандельштам только в том, что рабочим, якобы, чужда мысль об активной борьбе с режимом. Просто обладая здравым смыслом, они в годы сталинщины понимали безнадежность такой борьбы.

Политические взгляды, существующие в инженерно-рабочей среде, на мой взгляд, также внушают надежду.

Конечно, четких политических взглядов у большинства заводских людей пока еще нет. Но они постепенно формируются. Один мой знакомый рассказал мне характерный эпизод. В 1968 году он был в командировке в глухой провинции, кажется, в Уральске. Заходит он как-то в свою комнату в заводском общежитии и видит, что вся комната полна людьми, а за столом какой-то парень вслух читает журнал. Каково же было удивление моего знакомого, когда он узнал, что читается статья Ота Шика, опубликованная в журнале «Чехословацкие профсоюзы». В Москве тогда этот журнал уже не продавался, а провинция, как полагается, запоздала. Мои знакомые, московские интеллигенты, никогда даже в руки не брали этот журнал.

Итак, прежде всего, заводские люди конечно не мечтают о реставрации капитализма, но понимают, что свобода какой-то конкуренции необходима. То, что завод или институт может быть чьей-то частной собственностью, представляется им совершенно диким. Они догадываются, что хозяевами оказались бы в основном те же самые люди, которые сегодня сидят у них на шее, плюс разные ловкачи и подпольные «бизнесмены», паразитирующие на бюрократической системе, которых они глубоко презирают.

Люди, думающие, что эта неприязнь к капитализму объясняется лишь усилиями пропаганды, глубоко ошибаются. Инженеры и рабочие, как

правило, мыслят весьма самостоятельно, и они понимают, что кроме всего прочего реставрация капитализма — дело и нереальное.

Далее, они понимают, что настоящая советская власть была бы хороша для страны. Иные из них за возвращение к т. н. ленинским порядкам и к НЭПу. Очень многие понимают порочность однопартийной системы.

Но самое, быть может, главное и обнадеживающее, что все они, вопреки утверждениям Амальрика, мечтают о ПОРЯДКЕ, основанном на демократии и справедливости. Государственная диктатура, несвобода у них уже прочно ассоциируется с БЕСПОРЯДКОМ и произволом, с бюрократической анархией, или с «бардаком», как это называется в народе. От этого «бардака» они, повторяю, страдают не меньше, чем от материальной и бытовой неустроенности. Так что СВОБОДА для заводских людей ассоциируется уже с ПОРЯДКОМ, а не анархией. Анархия и слепое разрушение их не прельщают. Грозная современная техника приучила их серьезно и конструктивно относиться к жизни, и люди производства жизненно заинтересованы в порядке. От порядка зависит их материальное благополучие, моральная удовлетворенность и здоровье. И все большее число людей в заводской среде все яснее начинают понимать, что такой настоящий, действенный и справедливый порядок может принести лишь подлинная демократия.

Инженерно-рабочим слоем, как и научно-технической интеллигенцией, Россия теперь уже безвозвратно вырастает в западную, индустриально-демократическую цивилизацию.

Отношение к национальным проблемам

Националистические настроения чужды для большинства заводских людей (я говорю о РСФСР). Волнуют их социальные, материальные и производственные проблемы, и отравляют им жизнь русские начальники и бюрократы! Бытует иногда еще среди них, среди наиболее неразвитых, представление о том, что русский человек, мол, душевнее и крепче «других наций» и т. п. Но все это — тени в сознании, тени прошлого или шовинистической пропаганды: «старший брат» и т. п.

В большинстве районов РСФСР на заводах работают люди самых разных национальностей, и, как правило, они прекрасно уживаются и перемешиваются в дружбе и браках. Об этом пишет и Надежда Мандельштам, свидетельствуя, что почти не встречала среди рабочих антисемитизма. «Насчет юдофобства я могу по своему опыту сказать, что в народе его нет. Оно всегда идет сверху. Я никогда не скрывала, что я еврейка, а во всех этих семьях — рабочих, крестьян, мельчайших служащих — ко мне относились как к родной, и я не слышала ничего похожего на то, чем запахло в высших учебных заведениях в послевоенный период и, кстати, пахнет и сейчас». («Воспоминания», стр. 302). А там, где не пахнет юдофобством, обычно не пахнет и никакими другими национальными фобиями. По крайней мере среди русского народа в собственно России.

Между прочим, продолжая сравнение, Н. Мандельштам пишет: «Самое страшное — это полубразование, и в полубразованной среде всегда найдется почва для фашизации, для низких форм национализма и вообще для ненависти к интеллигенции. Антиинтеллигентские настроения страш-

нее и шире, чем примитивное юдофобство, и они все время дают себя знать в переполненных людьми учреждениях, где люди так яростно отстаивают свое право на невежество». (там же).

Над национальными проблемами в масштабе всего Советского Союза в инженерно-рабочей среде задумываются мало: не до того. Но для образованных инженеров становится все более тягостной изолированность страны от мира. Они считают также само собой разумеющимся, что формально существующее сейчас право наций на самоопределение и отделение должно стать реальным. И они понимают, что самостоятельность республик могла бы пойти лишь на пользу России, уменьшив возможность восполнять пороки системы за счет эксплуатации национальных окраин.

Миф, распространяемый оппозиционными националистами о том, что наоборот нерусские республики едва ли не эксплуатируют Россию и русский народ, в заводской среде непопулярен. Здесь все хорошо знают, что условия жизни и работы в промышленных центрах РСФСР, как правило, лучше чем в республиках. Миграция рабочих из республик преимущественно в промышленные центры РСФСР служит тому доказательством.

Между прочим, свои взгляды на «заводской народ» я высказал еще в СССР в повести «В почтовом вагоне» (журнал «Москва» № 12, 1962 г.). Высказал, конечно, в несколько завуалированной форме. И все же убедился тогда, насколько не по душе властям такие взгляды. С большим трудом мне удалось добиться опубликования повести. Два дня, например, пришлось вести бой в редакции журнала «Москва» за фразу: «Рабочие все-таки

остались рабочими!». Фраза эта стояла под смысловым ударением и в общем контексте выявляла «подтекст» повести. То есть, что рабочие остались пролетариями и не приемлют в глубине души существующие порядки. Мне был поставлен ультиматум, и фразу пришлось вымарать. При издании повести отдельной книжкой я смог ее восстановить, так как цензура в издательствах слабее. (Повесть вышла в издательстве «Советский писатель» в 1963 г.).

Однако, тотчас после выхода повести против меня было возбуждено негласное следствие по распоряжению тогдашнего министра КГБ Семичастного, «исследовали» книжку и в ЦК КПСС. В результате два сотрудника Главлита (цензуры) были сняты с должностей за пропуск повести в печать, а я, судя по моей дальнейшей писательской судьбе, получил соответствующую негласную характеристику. Руководители журнала «Москва» стали обвинять меня в «троцкистском заигрывании» с рабочими, а их подчиненные, «свободомыслящие» интеллигенты— в идеализации рабочих, в народничестве. Иные обвиняли искренне: трудно отрешиться от привычных представлений. Казалось бы, ну чем уж так может отличаться, скажем, слесарь столичной мастерской бытового обслуживания от заводского слесаря? А отличие и словами не выразишь.

В «нормальных» странах людей в их нравственном облике сближают, выравнивают какие-то традиции, устои, религия, демократия, — возможность объединения. В СССР же ничего этого давным давно нет.

Пустота, пропасть! И советское общество можно представить себе именно как нравственную пропасть, образовавшуюся в результате катастрофы и последовавших «оползней». На одной стене про-

пасти «зацепилась» за науку научная интеллигенция, много ниже «висят» гуманитарии, зацепившиеся за книжную культуру и высокие слова (в пустоте и это опора, хотя и шаткая). На другой стене разместился инженерно-рабочий слой — на уступе жестких императивов бытия пролетариев государственного капитала, ниже их — остатки крестьянства, «висящие» на остатках своей земли и религиозно-патриархальных устоев. А на дне пропасти, в грязной трясине цинизма, лжи и злобы, копошатся все остальные — высшие и низшие слои общества.

И в психике большинства советских людей, не угодивших на дно нравственной пропасти, произошли необратимые подспудные перемены. Более полувека самой страшной в истории несвободы не прошли для них даром. Большинство из них, возможно сами еще того не осознавая, приобрели необоримое отвращение ко всему, на чем эта несвобода выросла: к насилию, к демагогии, к нетерпимости, к преклонению перед «личностями». «Всем народом сверху донизу мы чему-то научились . . .» (Н. Мандельштам). Разумеется, плохо с навыками к демократической жизни, но навыки — дело наживное, и их можно приобрести только войдя в демократию, как навыки плавать — войдя в воду.

Русская несвобода, достигнув своего апогея, видимо, исчерпала себя, как некогда, например, французская — в терроре революций и в опустошительных наполеоновских войнах, или как немецкая — в двух мировых войнах и гитлеровском апофеозе насилия.

Более полувека советским людям твердили, что они хозяева жизни и страны. И когда падет лживый режим предельного угнетения, думается, что они захотят действительно стать хозяевами своей судьбы, своей страны, захотят иметь право РЕ-

ШАЮЩЕГО голоса во всех касающихся их делах. «У народа, совершившего революцию в феврале 1917 года, нет другого исхода, кроме свободы», — как писал перед смертью В. Гроссман, один из тех интеллигентов, которые сохранили чувство ответственности.

Это не значит, конечно, что России обязательно нужно было пройти через режим тоталитарного госкапитализма. (Как и Германии — через нацизм). Есть и другие пути к демократии, и слишком большую цену пришлось заплатить России за такой «вход». И кто знает, сколько еще придется расплачиваться! Представить себе цепкость режима госкапитализма — задача на грани возможности человеческого разума.

Подведем главные итоги анализа.

В СССР в специфических условиях тоталитарного государственного капитализма сложился особый весьма монолитный социальный слой инженеров, техников и рабочих промышленности. Этот слой находится в фокусе всех негативных проявлений госкапитализма, заинтересован объективно в глубоких и в то же время преемственных изменениях социально-экономической структуры и более всех к ним подготовлен.

Я могу ошибаться в степени готовности на сегодняшний день инженерно-рабочего «класса» взять судьбу страны в свои руки. Но тот, кто вообще не принимает во внимание этот самый многочисленный сегодня слой советского общества,* или не понимает его сути, уже наверняка ошибается в своих прогнозах на будущее.

* По данным 1973 года, рабочий класс, включая членов семей, составляет около 60% населения РСФСР.

Существование инженерно-рабочего слоя и его качества — это, пожалуй, важнейший положительный итог развития советского общества. А самый, наверное, печальный итог — это деморализация значительной части интеллигенции, прежде всего гуманитарной.

Как это скажется в будущем, и какой «итог» перевесит, может показать только будущее.

Причины пассивности народа

Это последний вопрос (и последнее обвинение), который мы должны рассмотреть.

Прежде всего отметим, что пассивность эта весьма относительна. Вспомним вновь ряд рабочих восстаний в 60-х годах. Не забудем и о подспудном сопротивлении против эксплуатации. Как говорят в народе: «До тех пор пока правительство будет делать вид, что мы хорошо живем, мы будем делать вид, что хорошо работаем!»

Примем во внимание и нередкие забастовки, то и дело вспыхивающие в разных местах страны, несмотря на то, что в советских условиях подняться на забастовку почти равносильно героизму.

Но в целом надо, конечно, признать, что широкие слои советского общества, в том числе и «мой» инженерно-рабочий слой, пока еще «безмолвствуют». (Сравним с Польшей, с Чехословакией). Каковы могут быть этому причины, если мы отбрасываем соображение об удовлетворенности режимом?

Ряд причин виден, что называется, невооруженным глазом.

Заводские люди, особенно в провинции, более уязвимы для преследований, чем столичная интеллигенция. Увольнение с работы — для них уже

катастрофа. Попав в черный список политически неблагонадежных, инженеры и рабочие могут уже нигде не найти работы (все предприятия государственные), и дома работать, вне штата, они также не могут. И что, может быть, еще важнее — они не защищены гласностью, которую в СССР дает только связь с иностранцами, живущими лишь в главных столицах СССР. Отсутствие иностранцев в провинции позволяет местным властям вести себя уже совершенно беззастенчиво. Известно много случаев, когда диссиденты в провинции подвергались грубейшим провокациям или даже вообще бесследно исчезали. И, разумеется, особенно жестоко преследуются диссиденты в заводской среде. Заводским людям в СССР легче уж разом подняться на бунт, нежели систематически участвовать в каком-либо движении. Да и диссиденты из интеллигенции, как правило, не рискуют идти «в народ», понимая, что это равносильно тому, чтобы собственными руками подписать ордер на свой арест или водворение в психиатрическую больницу. Власти прекрасно понимают, что уж если рабочие поднимутся — то это конец!

Но все эти объяснения лежат еще на поверхностном уровне понимания условий советской жизни. А есть и другой уровень, осознать который трудно даже советским людям. Осознавать его мешает феномен непознаваемости предельного зла, которое представляет собой режим тоталитарного госкапитализма. Зло, доведенное до предела, обладает свойством маскировать и укреплять самое себя.

Когда Гитлер, Муссолини и их приспешники откровенно нацепляли на себя черепа и кости и откровенно исповедывали войну, насилие и смерть, людям легче было осознать их суть, да и то не все сразу осознали!

А тут серп и молот вместо черепа и костей. И люди живут — работают, любят, разводятся, изобретают, часто полезные вещи, пишут, выступают, спорят, о чем, конечно, можно спорить и что не противоречит очередной кампании. И все это нас усыпляет, порождает иллюзии, надежды.

Но самое, пожалуй, главное — нам оттого трудно осознать предельное выражение зла, что оно всегда состоит из ряда предельных слагаемых, которые маскируют и подкрепляют друг друга. Мы же эти слагаемые невольно расчленяем, исследуем отдельно и часто не видим причин их особой дьявольской силы. (И сетуем на народ!). Цемент можно расколоть, железный прут согнуть, а вот когда они один в другом . . .

Например, «стукачи» — серьезное зло. Но когда к этому еще *предельно* несвободна пресса, то есть, когда негде разоблачить стукача и его вербовщика, да еще *предельно* несвободен суд (в СССР с 1924 года не было случая, чтобы был оправдан хотя бы один политический обвиняемый) и *до предела* фиктивны профсоюзы и т. д., тогда стукач становится грозной силой. Страх перед стукачами подрезает на корню все импульсы к борьбе, к объединению и тем самым укрепляет, усиливает другие «предельности». Заметим, что в СССР почти нет провокаторов. Провокатор нужен там, где хоть как-то соблюдаются законы и не все предельно зажато. Зато стукачей в СССР навалом. Их содержат и партия, и КГБ, и милиция, и ОБХС (отдел борьбы с хищениями и спекуляцией), и каждый уважающий себя начальник. Их запускают дублетами и квартетами, чтобы они следили друг за другом и работали честно!

Есть такой анекдот: «За что ты сидел? — За лень. — ??? — Ну, были на вечеринке, Ваня рассказал анекдот. Дома жена напомнила, что надо пой-

ти — донести. Но на улице был дождь, и я поле-
нился. А Николай не поленился! Так за что же я
сидел, как не за лень?».

И люди соглашаются «стучать», потому что
опять же все кругом предельно зажато, все — в
одних руках и некуда деться.

И за всем этим еще, не забудем, предельная
бесхозяйственность предельно национализирован-
ной экономики. Отсюда необходимость постоянно
поддерживать все несвободы в *предельном* со-
стоянии, что в свою очередь «поддерживает» пре-
дельную бесхозяйственность.

Когда западным людям рассказываешь о совет-
ской жизни, о какой-нибудь одной ее стороне —
обо всем сразу ведь невозможно рассказать, — они
часто восклицают: «У нас то же самое!» Но они
забывают при этом, что в других-то областях у
них не «то же самое». И поэтому упускают из виду
«эффект железобетона», а вследствие этого — и
СТЕПЕНЬ, количество «того же самого» в Совет-
ском Союзе. А количество ведь переходит в ка-
чество!

«Приказ начальника — закон для подчиненно-
го!» (из устава Советской армии) — этот принцип
при взаимодействии всех советских *предельностей*
стал «основным законом» советской жизни. Все
по цепочке подчинены друг другу и одному челове-
ку (или группе) наверху, а он — Необходимости.
«Свобода есть осознанная необходимость». Ника-
кая другая идеология тут не нужна. Она лишь
мешает беспрекословному исполнению приказа,
мешает Необходимости.

Отдан приказ, толчок сверху — и все начинают
толкать и бить друг друга. И никто не может оста-
новиться и остановить других. Все повернуты спи-
ной к вышестоящему и, нанося удары, сами
ожидают удара в любую минуту. Приказ сверху не

ослабляется, а наоборот усиливается в такой толпе: от беспомощности и мрака неизвестности люди впадают в панику и звереют. Каждый думает только о себе, лишь бы уцелеть — давят друзей, родных. Единственный шанс спастись — идти «в ногу со всеми», не отставать в «соцсоревновании». В результате 15 миллионов «раздавленных» за 1,5 года (1937—38 гг.). Ведь совершенно исключено, чтобы Сталин, начиная кампанию борьбы с «врагами народа», хотел уничтожить такое количество людей! Как и не думал, скажем, Хрущев, отдавая приказ о кукурузе, что ее начнут сеять везде, где можно и где нельзя (вместо хлеба), и что в результате эта кампания закончится полным крахом.

Только, повторяю, интегрируя всю совокупность советских «предельностей», можно понять и сущность режима, и трудность борьбы с ним. Ни один режим в прошлом не приводил общество в столь беспомощное состояние, оставляя рядовым людям лишь одну, последнюю степень свободы — вращаться вокруг собственной оси (как при абсолютном нуле!), а властителям — лишь свободу творить зло в итоге любых, даже благих начинаний. В этом состоит предельность имманентного зла, «дьявольское совершенство» госкапитализма вне зависимости от того, сколько людей он «съедает» или «давит» в данный период.

Ложь в советской жизни

Особо необходимо сказать о советской лжи, которая тоже играет «выдающуюся» роль в благоденствии режима. Советская ложь так же принципиально отличается от всех своих предшественниц, как и советская тирания от всех тираний

прошлого. Ложь, после сталинского людоедства, представляет собой, пожалуй, самое отвратительное явление в советской жизни. О ней необходимо писать специальные исследования. Это особый круг госкапиталистического ада.

Во все времена ложь вынуждена была бороться с правдой и потому не могла до конца распоясаться. В Советском же Союзе впервые в истории ложь (как и промышленность!) освободилась от конкуренции! И с тех пор она спокойно называет белое — черным, а завтра это черное может назвать белым. Старая ложь была вынуждена подтасовывать или извращать факты, а советская ложь — факты или игнорирует или измышляет.

Например: «Сейчас стали известны неопровержимые факты, — как писалось в СССР, — что Тито и его подручные были еще в Испании, в 1937 году, завербованы немецкой разведкой». Или: «Войска ФРГ уже были готовы вступить в Чехословакию, и войска Варшавского пакта опередили их буквально на несколько дней!»

Однако, опасаясь проникновения правды извне, из-за рубежа, советская ложь, особенно в последнее время, начала изготавляться в виде многослойного пирога. В верхнем слое люди могут еще усомниться, часть людей усомнится и во втором слое, а уж до последнего — руки не доходят, и он остается в сознании. Например, во время оккупации Чехословакии «Правда», ссылаясь на какую-то арабскую газету, писала, что «Пражская весна» была делом рук сионистов, агентов империализма. Многие первому слою не поверили. Это уж слишком, что Дубчек — агент сионизма. Меньшая часть усомнилась и в том, что сионисты — агенты империализма. Но уже почти никто не пытается подумать, а что же это такое на самом деле — пресловутый империализм? И кому он в действительности свойственен?

Павлов, как известно, показал, что если человека изолировать от окружающего мира, от притока информации и ощущений, то он впадает в состояние полусна с парадоксальным восприятием действительности, когда сильные сигналы и раздражения вызывают слабую реакцию, а слабые — сильную. Именно в таком состоянии и находятся очень многие советские люди. И советская пропаганда пользуется этим, заслоняя крупные события мелкими, а крупную ложь — мелкой правдой.

Наконец, советская ложь оказывает и еще одно особое и, может быть, самое злое действие. «Мы идем по ленинскому пути!» — кричит, захлебывается советская пропаганда. И Ленина принудительно изучают от детсадовской скамьи до гробовой доски.

Люди читают у Ленина, что при социализме вооруженный народ должен заменить регулярную армию, этого «паразита на теле общества», а профессиональных чиновников должны заменить выборные и сменяемые депутаты Советов, что «должностные лица» обязаны получать зарплату рабочего и т. д. Читают и хором повторяют вслед за пропагандой: «Мы идем по ленинскому пути!» И Ленин улыбается с плакатов: «Правильной дорогой идете, товарищи!».

И иные люди перестают верить себе, своим глазам. А может действительно так и надо, и мы действительно идем по ленинскому пути, и советский строй все-таки социалистический, советские дети — самые счастливые, и у нас есть бесплатная медицина, и нет растленной западной демократии — короче, как в анекдоте: «советский паралич — самый прогрессивный»!

И это содействует прогрессивному параличу мысли и логики, зрения и слуха.

Родившись из необходимости прикрывать и оправдывать бюрократический хаос и произвол, официозная советская ложь обратным действием увеличивает развал народного хозяйства, т. к. паралич мышления конечно же не останавливается только на «политических» участках мозга. Несколько лет назад я прочел в «Известиях», что на Можайском шоссе построили дом, в одной из секций которого не оказалось . . . дверных входов в квартиры! Всего лишь. Глухую стену выложили строители в подъезде: входи через окна, как они сами входили с лесов! Проектировщики так спроектировали, прорабы по этому проекту спокойно руководили, рабочие клали глухую стену — и никто ничего не заметил! Или: как-то редакция «Комсомольской правды» получила от читателей купленные ими в магазине швейные иголки без . . . ушек, отверстий для нитки!

Можно ли объяснить подобные факты одной лишь незаинтересованностью? Нет ли внутренней связи между, скажем, выборами без выбора и этой стеной без дверей? Или, если надо верить, что мы идем по ленинскому пути, то почему бы не поверить и в то, что глухие железяки — швейные иголки?!

Возможен вопрос: почему же в странах Восточной Европы при схожем режиме сопротивление широких слоев народа проявляется значительно активнее?

Ответ прост. Там людям помогает объединяться национальная солидарность. Каждый, кто ретиво сотрудничает с властями, воспринимается как коллаборант. Ведь режим госкапитализма привнесен в эти страны извне и извне поддерживается.

И правители восточно-европейских стран могут заигрывать со своим народом, давать ему «послабления», зная, что советские танки, случись что, всегда придут им на помощь. Между прочим, когда при Сталине им никаких вольностей не позволялось, в Восточной Европе все было так же, как и в СССР, вплоть до «людоедства»! И никто ничего не мог поделать. В то же время не забудем, что сталинский террор свирепствовал в Восточной Европе значительно более короткое время и не успел произвести такого опустошения среди интеллигенции, в заводской среде и в партии, как в СССР. Естественно, что там гораздо больше сохранялось честных, идейных людей, обладающих чувством ответственности. И «дореволюционное» поколение еще сохранилось, жившее при демократических режимах.

Наконец, не надо забывать и еще об одном обстоятельстве, еще об одной советской предельности — о «беспредельных» русских пространствах! Несвободе очень вольготно живется на русском просторе! Куда более вольготно, чем в маленькой и густонаселенной стране. (И опять не надо забывать проинтегрировать эту предельность с другими!)

В Москве, например, о восстании в Новочеркасске начали узнавать лишь через несколько недель, а то и месяцев. А о восстании на флагманском крейсере во Владивостоке (в начале 60-х годов) многие вообще так и не узнали. Пространства, отдаленность поселений (плюс все остальные предельности) усиливают разобщенность людей, их зависимость от властей, психологически угнетают.

Просторы России вообще всегда были для нее проклятьем. Сначала было куда бежать от гнета, вместо того чтобы с ним бороться. Затем появилась возможность за счет природных богатств воспол-

нять бесхозяйственность. Страна наша велика и обильна — можно все разбазаривать! А теперь вот российские пространства и богатства способствуют сохранению апокалипсического режима.

В заключение необходимо сказать и еще об одной немаловажной причине, способствующей относительной пассивности широких слоев советского общества: об отсутствии достаточно разработанных конструктивных идей и программ, альтернативных существующему в СССР режиму, учитывающих реальное положение в стране и отвечающих чаяниям народа.

Многие диссиденты считают, что сначала надо добиться расширения гражданских прав, а тогда можно будет начать думать и об изменении социально-экономической структуры. Но это, увы, опять же результат непонимания положения, в котором находятся широкие народные слои. Народ страдает не только из-за отсутствия гражданских прав, но и из-за самой структуры режима, в которую он встроен гораздо жестче, нежели интеллигенция.

Чтобы разбить или хотя бы расшатать железобетон госкапитализма, нужно, очевидно, так же действовать комплексом сил и средств. Подробнее мы будем говорить об этом дальше. Сейчас же снова сравним положение в СССР с положением в странах Восточной Европы, для большей ясности.

Там сейчас тоже в основе оппозиционной деятельности лежит борьба за гражданские права. Но там, во-первых, люди гораздо лучше знают, на что им нужны права: альтернативные программы гораздо более глубоко разработаны, чем в СССР; и во-вторых, повторим, существует национально-

освободительный подтекст в правозащитной борьбе, также привлекающий к ней широкие круги общественности. А в СССР, и особенно в РСФСР, нет ни того ни другого.

Не забудем еще одно важное обстоятельство. Реальная надежда на перемены в СССР связана лишь с более или менее серьезным возмущением в народе (скорее всего в момент какого-либо острого кризиса), которое вынудит власти пойти на серьезные реформы. Так сказать, полуреволюционный путь. В Восточной Европе перемены сверху совершались лишь таким путем.

Одна волна возмущения уже прокатилась по Советскому Союзу в начале 60-х годов. И возникла она даже без какого-либо заметного кризиса!

В любой момент подобная волна может возникнуть вновь, и более сильная и массовая. Последние примеры рабочих волнений в Польше (в одном из детонаторов, которыми обложил себя алчный империализм государственного капитала СССР) могут здесь также сыграть свою взрывную роль! Но возмущение народа, лишённое какой-либо конструктивной направленности и программы, способно подтолкнуть власти в СССР, в стране без демократических традиций, совсем не к тем переменам, на которые мы надеемся. Например, к созданию какого-либо неонацистского режима. (Здесь могут пригодиться идеи русского оппозиционного национализма!) Да и просто подавить, оставить без последствий «пустое» возмущение много легче.

Наконец, разработка и пропаганда серьезных альтернативных идей и программ могли бы способствовать уменьшению анархии и насилия в случае волнений.

В следующей главе, опираясь на проведенный анализ структуры существующего в СССР режима и советского общества, я попытаюсь набросать кон-

туры такого мировоззрения и программы, которые, на мой взгляд, могут быть популярны в широких слоях советского общества и, прежде всего, в инженерно-рабочем слое.

Разумеется, целостная и относительно законченная программа может сложиться лишь в результате труда многих людей, разных специальностей и опыта; может сложиться из ряда родственных по духу проектов в результате дискуссий и сравнения. И программу, которую я собираюсь изложить, я вижу как один из таких проектов или набросков.

1. The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes that this is essential for ensuring transparency and accountability in the organization's operations.

2. The second part of the document outlines the various methods and tools used to collect and analyze data. It highlights the need for consistent data collection procedures and the use of advanced analytical techniques to derive meaningful insights from the data.

3. The third part of the document focuses on the role of technology in data management and analysis. It discusses how modern software solutions can streamline data collection, storage, and processing, thereby improving efficiency and accuracy.

4. The fourth part of the document addresses the challenges associated with data management, such as data quality, security, and privacy. It provides strategies to mitigate these risks and ensure that the data remains reliable and secure throughout its lifecycle.

5. The fifth part of the document concludes by summarizing the key findings and recommendations. It stresses the importance of a data-driven approach in decision-making and the need for continuous monitoring and improvement of data management practices.

КОНТУРЫ СИНТЕЗА

«ТРЕТИЙ ПУТЬ»

«Следует децентрализовать принятие решений с целью участия в них огромного числа людей на всех уровнях — социальном, политическом, экономическом. Каждый должен иметь право голоса в развитии ценностей и целей, детерминирующих наши жизни.»

«Гуманистический манифест — II» 1973 г.
(Примерно 300 подписей, включая подпись академика А. Сахарова).

Прежде, чем приступить к изложению программы и ее обоснованию, расскажу о двух эпизодах, которые, насколько я помню, послужили как бы толчком — первый случай — к тому, чтобы серьезно задуматься над предметом, а второй — чтобы взяться за работу над этой книгой и этой, условно говоря, программой.

Как-то, уже много лет назад, ранней осенью я оказался в одной старинной русской деревне Чулково, расположенной на высоком берегу реки Москвы, примерно в 45 километрах на восток от Москвы по Рязанскому шоссе. В 1812 году в этой деревне остановилась армия Кутузова, отступившая из Москвы под натиском Наполеона. Эта деревня была упомянута и у Толстого в «Войне и мире»: в Чулково проходили последние дни смертельно раненого Андрея Болконского.

Мало что изменилось в облике этой деревни с тех, как Библейские времена, далеких лет. Такие же стояли тесные, черные избы с крохотными палисадниками и ветхими сараями, в которых теперь только не было уже ни коров и никакой другой живности. Улицы утопали в грязи. Ковыляли одетые в тряпье убогие старухи, да бегали босые в таком же тряпье дети.

Посреди деревни высилась мертвая, облупленная церковь с покосившимися, заржавленными крестами на куполах и с заброшенными могилами за церковной оградой. Кучи мусора и отбросов были навалены по откосам под самыми избами, на околице виднелись разваливающиеся амбары.

По всему было видно, если смотреть непривычными глазами, что люди здесь жили только сегодняшним днем и только самыми насущными интересами, без заботы о чем-то вне этого и о завтрашнем дне. Между прочим, когда спрашиваешь в Советском Союзе у людей об их планах хоть на полгода вперед, мало кто не скажет: «А! Там видно будет. Надо еще дожить!»

Так и живут многие, «не приходя в сознание» и не замечая красоты «мира Божьего».

А красота в тех местах стояла необычайная, за душу хватала. С высоты, с горы, на которой была расположена деревня, открывался вид на широкую луговую пойму Москва-реки и на синие сосновые леса у горизонта.

Здесь начинались знаменитые, Есениным воспетые рязанские раздолья.

С высоты не было заметно, что луга внизу зачахли, что берега реки голы и загажены нефтью, а леса вдаль вытоптаны, заставлены заводскими постройками, изрублены дорогами и засорены непременными свалками мусора. Я знал об этом, так как бывал в тех местах. Но и без этого знания бы-

ло грустно и тоскливо на душе: от деревни шел дух доживаемой кое-как, заброшенной жизни, и, как и везде в русских деревнях и поселках, было непонятно — почему и зачем живут тут люди.

И вот, идя по этой деревне, я вдруг увидел молодого мужчину, запрягавшего лошадь. У него было красивое умом лицо и удивительная, поразившая меня, сухая тоска в глазах. Не от горя какого-то, а явно от осточертевшей ему примитивной работы и жизни.

Неужели, — подумал я тогда, — этот человек с божественным чудом сознания брошен в мир лишь для того, чтобы запрягать эту лошадь и жить всю жизнь в этой убогой деревне, в этих придавленных избах, среди убогих старух?!

Но, может быть, так думал только я, интеллигент, «антисоветчик»?

Однако много лет спустя жизнь столкнула меня с одной простой, пожилой русской женщиной. Столкнула при весьма печальных для меня обстоятельствах. Я сидел у кровати моего умирающего отца, а женщина эта, санитарка, стояла рядом, дежурила около отца. Отец уже неделю не приходил в сознание. Вид его был ужасен: он жил на капельницах, как подопытный кролик, с торчащими из окровавленных вен шлангами.

Прервав тягостное молчание, женщина вдруг обратилась ко мне с вопросом, полным гнева и возмущения: «Ну скажите, зачем мы живем?! Ведь и всех нас это ждет! Так зачем же мы живем?».

Я ничего ей не ответил тогда, но навсегда запомнил эту минуту и ее вопрос, за которым еще стояло невысказанное: «Что в нашей жизни может оправдать уготованные нам мучения?»

Ее слова, единственно искренние и человеческие из всего сказанного потом возле отца, оста-

лись навсегда со мной, как напоминание и призыв к ответу.

Смерть отца, брошенного, одинокого, жившего с тех пор, как я его помню, тяжело и безрадостно, в мучительном непонимании того, что случилось с жизнью, за которую он отдал все свои лучшие силы и годы, — его смерть и слова этой женщины были, наверное, последним толчком, заставившим меня решиться на эту мою работу, а потом и на эмиграцию, чтобы работа могла увидеть свет и продолжаться. И в этой книге, к которой я готовился всю свою сознательную жизнь, я хочу попытаться дать дальше ответ, что нужно, чтобы жизнь человеческая не была бы столь пустой и бессмысленной.

«Идеальный строй»

Разочаровавшись в грандиозном опыте построения ленинского социализма и в способности всех других видов социализма решить «проклятые» проблемы человечества, многие люди вообще разуверились в возможностях человека и человеческого разума улучшить условия своего существования. И они считают любую подобную попытку обреченной на неудачу, а любой новый путь — опасным мифом.

С представлением об утопичности нового, «третьего пути» тесно сплетается представление и об утопичности создания «идеального строя» на нашей грешной земле среди грешных людей.

И, думается, что это неверие в возможность создания «идеального строя» — большая беда человечества, и даже более того — угроза его существованию, так как неверие это является серьезным

деморализующим фактором, вынуждающим людей считать незыблемым существующий порядок вещей и мириться с тем, с чем мириться нельзя.

Но вера в рай на земле — это ли не миф, это ли не утопия?! — поспешат воскликнуть многие.

В том и состоит шарлатанство догматиков, что понятие «идеального» строя они смешивают с понятием идеальной жизни.

Конечно, говоря серьезно, и «идеального» строя быть не может, к идеалам можно только приближаться; и я тут употребляю это понятие лишь для заострения мысли, и потому в кавычках. Под «идеальным» строем я в данном случае понимаю строй, который даст, наконец, людям возможность (и необходимость) начать реальное приближение к своим идеалам.

«Какая же история человека, если доброта его недвижима?» — говорит один из героев В. Гроссмана в романе «Всё течет . . .».

И надо признать, что герой Гроссмана прав. До сих пор, при всех существовавших и существующих режимах, доброта человеческая и нравственность действительно остаются недвижимы или топчутся на месте. А сейчас, похоже, вновь вспять пошли, невзирая на все отчаянные усилия подвижников Добра и их призывы к нравственному самоусовершенствованию. Их призывы и проповеди говорят об одном, а жизнь учит совсем другому. Разница лишь в том, что при одном строе она учит своему сильнее, при другом — слабее. В одном случае ограничивается *потолок* среднего нравственного уровня общества, в другом — ограничивается лишь *падение* этого уровня до полного нуля. И ограничивается, если вдуматься, лишь необходимостью хоть как-то *физически* существовать, стеснением откровенно рвать горло друг другу, т. е. по независящим от данного строя обстоя-

тельствам. Впрочем, в отдельные периоды даже это последнее стеснение исчезает . . .

Конкретнее, при буржуазно-демократическом строе средний нравственный уровень находится в динамическом равновесии, определяемом рядом противоположных процессов и тенденций. К повышающим относятся сами демократические свободы, в том числе (и особенно!) свобода объединения людей для коллективной реализации или защиты своих интересов. К понижающим же факторам — *агрессивная конкуренция*, обуславливаемая необходимостью накопления капитала (или расширенного воспроизводства) с вытекающей отсюда эксплуатацией, превращением человека в средство накопления, а деньги, капитал — в цель, господствующую над человеком. И, между прочим, увеличение числа накопителей (акционеров) в сущности лишь увеличивает число людей, непосредственно закабаленных гонкой накопления, агрессивной конкуренцией, самоэксплуатацией.

Ограничивает нравственный уровень также и *абсолютная дисциплина*, существующая внутри частных и государственных организаций, и усиливающая эту дисциплину материальная зависимость подчиненных от их начальников, работодателей, поскольку отсутствует у большинства людей собственность, способная дать им средства к существованию.

Наконец, ограничивает нравственный уровень человека и сознание бессилия, невозможности активно влиять на ход своей жизни и жизни общества, т. е. положение пешки, от которой мало что зависит.

Ну, а о тоталитарном госкапиталистическом строе и говорить нечего. Тут вообще отсутствуют повышающие факторы и действуют одни лишь понижающие.

Так вот: «идеальный» строй и должен, очевидно, устранить наконец понижающие нравственный уровень факторы и приумножить повышающие. При этом «идеальный» строй не должен, конечно, нуждаться для своего нормального функционирования в *идеальных людях*. Он должен обладать встроенными механизмами для защиты от человеческого несовершенства. Далее, он должен, видимо, дать обществу в целом возможность перестать тратить бóльшую часть сил на трансформации и революции, на внутренние проблемы, на классовую, сословную, национальную и прочую междоусобную борьбу, то есть открыть эпоху действительно бесклассового общества, движущими силами которого будут сотрудничество и солидарность людей в улучшении условий человеческого существования.

Иначе говоря, этот строй должен позволить обществу тратить бóльшую часть сил на внешнюю борьбу, на борьбу за продолжение рода человеческого (что и предназначено природой всем живым существам), должен превратить человеческое общество из интровертированной «личности» в *экстрровертированную*.*

* Если сравнить развитие общества с развитием индивидуума (а такое сравнение здесь правомочно), то мы увидим, что в низшем, детском периоде нормой является экстрровертированный тип личности (обращенной во внешний мир); затем нормально наступает интровертированный период, со зрелостью же вновь приходит экстрровертированный. Без интровертированного периода формируются, как правило, примитивные, ущербные личности, но и фиксация его также приводит к ущербности. И более того, ставит существование индивидуума под угрозу, понижая его жизнеспособность и способность к адаптации.

Первобытное, доклассовое общество было экстрровертированной «личностью», затем пришел интровертированный период, а сейчас уже, похоже, что он опасно затягивается. — В. Б.

Каждый строй одновременно является, очевидно, и путем к чему-то (даже госкапиталистический: — к уничтожению жизни на земле). И поэтому, если применять понятие «стройки-пути», то описанный нами по его *целям* строй-путь можно будет уже безо всяких кавычек назвать идеальным.

Дальше мы постараемся доказать, что человечество неизбежно создаст такой *строй-путь* и вступит на него, если только . . . до того не истребит самое себя. Или — или, здесь третьего нам не дано.

Повторю. Был «тезис» — частная собственность на средства производства. Был «антитезис» — государственная собственность на эти средства (как основа квазиидеального строя). Возможен и синтез. Законы развития никому как будто еще опровергнуть не удалось.

«Трагедия» сознания и основополагающие потребности человека

Основное, что определяет природу человека и отличает ее от природы всех остальных живых существ — это, очевидно, сознание (включая в это понятие все его уровни).

Сознание дает человеку власть над природой и возможность осознать ее величие и красоту, сознание же дает человеку, единственному из всех живых существ, ясное понимание своей смертности. И это осознание смертности, недолговечности, страх перед быстротекущим временем также оказывает двоякое влияние на человека и его жизнь.

Страх перед смертью и временем есть в сущности основополагающий стимул для творческой (в широком смысле), созидательной деятельности человека, для доброты и любви к себе подобным.

Всмотримся в свое подсознание: мы не можем не испытывать острой жалости ко всему живому, обреченному на короткое и быстротечное существование, неумолимо уходящее, как песок в песочных часах. В тончайшей, неостановимой струйке этих часов заключен страшный и ясный образ жизни и смерти, *жизни как смерти*.

Но всякое сравнение хромает, и жизнь, в отличие от песочных часов, — не замкнутая система, и каждая «струйка» *жизни-смерти* влияет на окружающую жизнь, оставляет свой след (другое дело, какой след: еле уловимый или заметный, идущий на пользу или во вред окружающей жизни).

Но как бы там ни было, если жизнь не ожесточила нас, мы всё равно не можем не испытывать жалости ко всему живому, обреченному на смерть, — от цветка до резвящегося щенка, — и уж тем более к человеку, который осознает всю красоту мира и сам представляет собой целый неповторимый мир. А испытывая эту тонкую, возвышенную жалость, мы не можем не испытывать острого стремления скрасить, сделать как можно более счастливой друг для друга быстротечную нашу жизнь. Из этой жалости и сопереживания и рождается всё лучшее в человеке: доброта и совесть (или чувство нашей ответственности), и так называемые абсолютные понятия добра и зла (или нравственные принципы).

Такова, очевидно, материалистическая гипотеза внебожественного происхождения всего лучшего в человеке. «Бог есть боль страха смерти».*

* Слова Кириллова из романа Достоевского «Бесы».

Но в страхе смерти заключен и «дьявол», первоисточник всяческого зла, творимого людьми друг другу. Источник хищного эгоизма и своеволия, малодушия и садизма, ненависти и злобы, стимул для *злотворчества*. В каком-то романе мне запомнилась сценка, как умирающий купец в припадке бешенства от страха перед смертью велит рубить свой сад. И будь у него «атомная кнопка» под рукой, он, наверное, нажал бы и на нее: раз мне погибать, так пусть гибнет и весь мир!

Страх перед смертью, концом, небытием стоит за всеми другими человеческими страхами: за страхом перед импотенцией и старостью, утратой любви и утратой (или необретением) творческих потенциалов, т. е. страхом, что ты сгинешь, не оставив следа. И отсюда же в нас страх перед всем, что символизирует для нас Конец, Небытие: страх перед темнотой, перед пространством и теснотой, черным и белым цветом, одиночеством . . .

И патологическая тяга к самой смерти, к бездне, наверное, отсюда же — от неосознаваемого желания разом избавиться от всех страхов, от неизбежного, затяжного умирания, от страха перед жизнью-смертью.

Борьба между богом и дьяволом сознания и есть, очевидно, главная пружина всех человеческих коллизий. Чем меньше защищен человек от страха смерти, тем больше этот страх овладевает им вместе со всеми своими «бесами». И люди испокон веков, осознанно или подсознательно, ищут защиты от страха перед смертью.

Что же может защитить нас от него? Думается, полнота жизни, — возможность удовлетворять наши основополагающие потребности: *возможность быть добрым*, возможность любить, творить, созидать (и для этого познавать). Иначе говоря, быть нужным людям, быть не одному, ибо вместе легче

бороться со страхами и легче «оставить добрый след».

Одиночество непереносимо для человека. Зло же увеличивает одиночество. Поэтому стремление к добру — к преодолению одиночества. — не может не быть имманентным для человеческой природы.

Но чтобы быть добрым, повторю, надо иметь возможность делать добрые дела, влиять на мир и на людей. Когда у нас нет такой возможности, мы черствеем, теряем способность к сочувствию и к сопереживанию.

Короче говоря, люди «приговорены» либо к тому, чтобы в конце концов создать такие условия, при которых они могли бы быть активно добрыми, либо «броситься в бездну», для чего у них уже есть реальные возможности и средства.

Очевидно, чтобы иметь возможность быть активно добрым, иметь возможность для добротворчества, человек должен обладать свободой. Свободой мысли и ее реализации. (Видимо, именно потому свободный человек ни о чем так мало не думает, как о смерти). Истина азбучная.

Но, к сожалению, не совсем так «азбучна» другая истина, а именно, что свобода немыслима без власти. Без власти над ходом своей жизни и жизни общества.

Свобода без власти возможна только в полном одиночестве, в пустыне. В обществе же свобода без власти — фикция.

Свобода и власть — неразлучная пара, две стороны одной и той же медали, название которой — возможность. Свободу и власть с еще бóльшей необходимостью (чем строй и путь) надо объединять в одно понятие: власть-свобода.

Великой бедой человечества представляется то, что очень многие еще люди, даже иные фи-

лософы, не осознают этой связи: априорно исходят из невозможности гармонического сочетания свободы и власти. Ведь до сих пор везде и всегда власть ущемляла свободу, а свобода противостояла (в понятии людей) власти.

Иные философы говорят о «пустоте» свободы и даже о страхе перед ней, как перед всякой пустотой; говорят о кризисе и трагедии свободы, так как люди, мол, обладают или стремятся лишь к «отрицательной» свободе (свободе от чего-то). И одни предлагают мужественно переносить страх перед «пустотой-свободой», другие — заполнить ее служением Богу. На мой взгляд, повторю, все это результат или эмпиризма или непонимания природы человека, а иногда может и чего-нибудь похуже. Например, страха перед необходимостью поделиться властью!

Свобода не может быть пустой для человека, если он при этом обладает еще и властью — *возможностью* творить добро и защищать себя от страха смерти. Не может быть у человека и страха перед настоящей полной свободой, свободой-властью.

Иное дело, когда рабу говорит его хозяин: «Вот тебе твоя желанная свобода, иди на все четыре стороны, а власть и все, что ее дает, я оставляю себе». Такая «отрицательная» свобода, конечно, покажется рабу или страшной, или пустой.

Дайте людям настоящую свободу, и они найдут, для чего ее применять. Проблемы, стоящие перед человечеством, велики и неизбывны. И настоящая свобода сама по себе неразрывно, диалектически связана с *ответственностью*. Она не только *дает*, но и очень много *требует*.

Свобода же без власти в лучшем случае — лишь свобода пассивной защиты от явного зла и крайнего угнетения, от крайнего и явного злоупо-

требления властью со стороны власть и собственность имущих. Она в лучшем случае дает возможность лишь сдерживать наступление зла, может быть, даже временно вынуждать его к отступлению. Но зло, как показывает опыт, перегруппировав свои силы, или сменив обличье, неизменно вновь переходит в наступление, находит слабые места, обходные пути и свои поражения превращает в победы. Врага нельзя победить лишь с помощью обороны. И вся история человечества представляет собой, если взглядеться, картину медленного (а иногда и быстрого), но верного наступления зла, наносящего всё более тяжелые и опустошительные удары, всё более деморализуя людей, сильнее подчиняя их страху перед будущим (точнее, перед отсутствием будущего) и в результате вербуя среди них всё новых и новых вассалов в свою армию. Сейчас, по мнению Норберта Винера («Кибернетика и общество»), зло подошло уже к последней черте, и человечеству отступать больше некуда.

Но власть пока везде в той или иной мере противостоит свободе и душит ее по той «простой» причине, что до сих пор везде и всегда *власть сосредоточивается в руках меньшинства.*

Властью-свободой могут обладать все или никто. И вот в этом, пожалуй, действительно, состоит «великий вывод мудрости земной».

Но повторю: до сих пор, увы, большинство людей полагало, что если есть власть, должно быть и подчинение, если есть начальники — должны быть подчиненные. Иначе — анархия!

Или: всё равно все сразу не могут управлять, командовать; и реальная власть всегда будет у меньшинства, у «специалистов» власти. «Сам собою народ управлять всё равно никогда не будет»

(А. Солженицын, «Август Четырнадцатого», стр. 536).

Или наконец: далеко не каждый захочет лезть в начальники, даже если будет иметь возможность.

На первые возражения ответ будет дан нами при разборе механизма и структуры идеального строя-пути. Что же касается последнего, то необходимо сказать следующее. Да, не каждый человек в каждый данный момент будет иметь желание (и необходимость) пользоваться властью, но сама *возможность* имеет огромное, самостоятельное, психологическое значение. Уж от *возможности*-то не откажется ни один человек. Сегодня он не имеет желания и необходимости воспользоваться властью, а завтра может и захотеть, и если не он, то его дети. Каждый человек должен иметь на это право, каждый человек должен иметь права лорда. Ведь обладание возможностями и дает ощущение свободы, да это и есть свобода.

Чтобы понять великую успокаивающую и защищающую роль возможности, надо только представить себе, что ты ее имел и вдруг потерял, что у тебя ее отняли. Об этом в шутку хорошо сказано в одной из пьес, кажется, Шона О'Кейси.

— Почему ты не хочешь жениться на мне? — спрашивает англичанка американца.

— Женившись на иностранке, я потеряю право стать президентом США, — отвечает ее возлюбленный.

— Но разве ты хочешь быть президентом?!

— Нет, конечно. Но права терять я не хочу!

Труднее всего жить без власти-свободы людям интеллектуального труда.

«Мы еще не выполнили свой долг перед птичницей, — пишет Г. Померанц. — Но по крайней мере известно, как это сделать. А как быть с младшим научным сотрудником Акакием Акакиевичем,

пожизненно осужденным готовить бумаги Значительному лицу? Этого никто не знает, и мы в потемках ищем ответа, одновременно с Европой и Америкой, которые по крайней мере о птичнице могут не думать».*

И до тех пор, пока не найдем, — опять же добавим мы, — смута и беспокойство не только не переведутся в мире, но и будут нарастать, ибо мы переживаем сейчас не только демографический взрыв, но и быстрое «размножение» младших научных сотрудников. А мы уже говорили (и Г. Померанц об этом говорит в той же работе), что участь Акакия Акакиевича куда тяжелее, чем птичницы. Но он никогда не приобретет настоящей свободы, свободы-власти, пока ее не будет и у птичницы. Прибавить птичнице «корму» и облегчить ее труд — это еще не значит выполнить перед нею наш долг. Птичница ведь тоже человек, существо, обладающее сознанием. И до тех пор, пока она также не станет Значительным Лицом, у нас и яиц не будет в достатке (или денег на них), и не оставит нас страх, что в один прекрасный день, обезумев от бессмысленной и несправной жизни, птичники бросятся под штандартами какого-нибудь новоявленного фюрера сворачивать головы людям (в том числе и младшим научным сотрудникам!).

В прошлом эта перспектива не была столь реальна, так как птичницы и птичники рождались таковыми. (Рабы рождались рабами). И свобода (даже «отрицательная») не стояла за воротами их «птичников». Детей рабов не учили в школе, что они свободны и равны, что они «хозяева жизни и государства», а правители — их слуги. И то появлялись Разины и Пугачевы!

* Г. Померанц. Неопубликованное. Изд-во «Посев», 1972. Стр. 133.

*Свобода и самоуправление —
свобода, власть и собственность*

Да, читатель наверное уже понял, какой строй-путь мы имеем в виду и считаем идеальным.

Это, конечно, самоуправление, основанное на групповой собственности на средства производства.

Олдос Хаксли в работе «Наука, мир, свобода» (которую я читал в «Самиздате» в СССР) справедливо утверждает, что всё зло в мире проистекает от того, что большинство людей при всех существующих режимах всё больше лишается собственности на средства производства. Люди же, лишённые кормящей собственности, попадают в абсолютную зависимость от работодателей и начальства, и свобода их становится иллюзорной.

Помню, я читал в каком-то западном романе, как один клерк вдруг получил наследство. Что же он в первую очередь сделал? Он снял свои черные налокотники, прошел без доклада в кабинет своего Значительного Лица и выложил ему всё, что он о нем думает! То есть, получив средства к существованию, он впервые смог по-настоящему воспользоваться важнейшим правом человека высказывать свое мнение кому угодно.

Итак, свобода, власть и собственность, дающая средства к существованию. Но главным в этом триединстве остается власть. Без нее не удержать ни свободы, ни собственности.

И при всех массовых революциях, от Великой Французской до Венгерской и Чехословацкой (в наше время), подневольные «массы» боролись не столько за свержение всяческих «измов», как учит советская история (по анекдоту: рабы древнего Рима несут плакат: «Да здравствует феодализм, светлое будущее всего человечества!»), сколько первым делом сами, может быть, часто того не осознавая,

пытались установить в том или ином виде самоуправления, будь то секции, коммуны, советы депутатов или рабочие советы.

Подневольным людям деваться больше некуда, у них нет другого исхода, кроме самоуправления, ибо только с его помощью каждый из них может обрести право решающего голоса во всех касающихся его делах, то есть власть-свободу.

Но «массы» неизбежно терпели поражение, ибо самоуправление — не простая вещь. Тут необходима коренная перестройка всех механизмов государства и экономики. Необходимо их строгое соответствие друг другу. Ну и, конечно, достаточно высокое развитие производительных сил, образования и культуры. Все эти предпосылки созрели или созревают только сейчас (в развитых странах), а вместе с ними — созревает и глубокая жизненная заинтересованность большинства людей в самоуправлении. Интеллектуальной пешкой быть много труднее и обиднее, чем «физической».

«Борьба начата за свободу и против бюрократических организаций, лишаящих человека ответственности, против тех ученых или технических руководителей, которые овладели знаниями, чтобы увеличить свою власть... против псевдоморалистов, мирящихся с несправедливостью капитала, с насилием государства, против профессионалов от политики», — говорится в манифесте молодых французских католиков («Новый мир», № 10, 1972 г. «Утраченные иллюзии и обретенные надежды»). Не случайно, между прочим, лозунги и манифесты «новых левых» находятся под запретом в СССР! В условиях госкапитализма они звучат уже совершенно убийственно.

Но было бы большой ошибкой рассматривать движение всех «новых левых» как бунт неспециа-

листов (не говоря уж о формулах, вроде «подстрекательства» или «с жиру бесятся»).

Выдающийся американский ученый Д. Шапиро, ведущий автор величайшего открытия — синтеза гена, отмеченного Нобелевской премией, публично заявил о своем «выходе» из науки для того, чтобы целиком посвятить себя общественной и политической деятельности. Причины:

1) Научные достижения, — заявил Д. Шапиро, — в области, в которой он работает, — могут быть использованы во вред людям.

2) Он не согласен с таким положением, когда простые люди практически лишены права участвовать в решении дел, относящихся к работе ученых и к практическому использованию их идей и исследований. (Сегодня это практически означает: участвовать в управлении государством. — В. Б.).

3) Шапиро пришел к убеждению, что наиболее острые проблемы современной Америки (война, расовая политика, бедность, болезни, загрязнение окружающей среды) нуждаются в первую очередь в решениях политических, а не научных. («Сайенс»).

Такое высказывание, между прочим, было бы невозможно тридцать лет назад, когда наука и техника еще реально не угрожали людям и когда «простые» люди еще не были так образованы, как теперь. (В 1940 г. в США в вузы поступало 18% из каждой тысячи человек восемнадцати-двадцатипятилетнего возраста, а в 1970 г. — 50%! Из них 30% — из рабочих семей. И по данным ЮНЕСКО, число студентов в развитых странах удваивается каждые пять лет!).

Таким людям, как Д. Шапиро, надо было бы только понимать, что борьба за кардинальное решение проблем Запада будет крайне затруднена до тех пор, пока будут продолжать существовать

режимы госкапитализма и госфеодализма на Востоке. Ибо до тех пор будет существовать и угроза войны (локальной и тотальной), и необходимость гонки вооружений со всеми вытекающими последствиями (военно-промышленный комплекс и т. д.), и угроза односторонней «конвергенции» с тоталитаризмом, не говоря уж об индуктивном влиянии госкапитализма на слаборазвитые страны.

Кроме всего сказанного выше, в самоуправлении есть и еще одна великая притягательная сила и чрезвычайно важное свойство. Ведь самоуправление означает и свободное самостоятельное объединение людей для реализации своих интересов.

В свободном самоуправляющемся объединении нравственные принципы и правила человеческого общежития и сосуществования становятся необходимы и выгодны людям. Когда же люди теряют возможность сообща добиваться своих целей, они вынуждены добиваться их поодиночке, и нравственные нормы начинают им только мешать. «Чувство локтя становится искусством ловко спрятанного когтя» (С. Кирсанов, «Семь дней недели»). Человек снова начинает превращаться в обезьяну.

Профессор Принстонского университета по социальным исследованиям Фримен Дайсон пишет: «Я пришел к выводу, что человеческие существа предпочитают действовать в довольно мелких группировках. Почти всем нам известно счастье, которое доставляют общие усилия. Все мы испытываем потребность чувствовать себя отождествленными с группой предпочтительно не слишком большой, имеющей общую цель». И далее: «Наша молодежь деморализована по той причине, что она больше не вовлекается в общественную деятельность».

Очевидно, Ф. Дайсон говорит именно о свободных самоуправляющихся объединениях, не слиш-

ком больших, чтобы доля участия в общих усилиях (и ответственности) не была бы исчезающе малой, неощутимой.

Для людей, лишенных логической фантазии, хочется подчеркнуть, что между свободным самоуправляющимся коллективом, полностью отвечающим за свои действия, и казарменным — качественная пропасть. В свободных и ответственных коллективах люди становятся добросовестнее, терпимее, открывают в себе таланты, избавляются от комплексов и т. д. Для них, повторяю, это становится необходимо и выгодно, необходимо для преуспевания в *соревновательной* конкуренции с другими коллективами.

И только в таких коллективах «первыми людьми» становятся действительно лучшие, умнейшие, потому что люди быстро начинают понимать, что для них выгодно следовать советам умнейших. Раз, другой не последуют, обожгутся и впредь станут умнее. Каждая общая ошибка быстро и заметно скажется на всех и на каждом, так же как и успех. И лучшие не будут вырождаться, не обладая абсолютной властью над беззащитными, зависящими от них подчиненными.

Помню, как поражались многие в 1956 году, во время «оттепели», когда казарменный дух на время ослаб: «Сидишь на собрании, и удивляешься, сколько, оказывается, у нас есть умных людей и куда подевались дураки!»

И Герцен в «Былое и думы» с удивлением отмечает, что в самоуправляющихся швейцарских кантонах (в XIX веке!) простые пастухи проявляли куда большее понимание государственных проблем, чем интеллигенция в других странах.

И тот общественный строй, который дает большую свободу для объединения и самоуправления, является, очевидно, и более прогрессивным. Это,

видимо, точный критерий прогрессивности. По этому критерию госкапитализм самый регрессивный строй в истории человечества, ибо он предельно лишает людей возможности свободного объединения и самоуправления, обрекая тем самым все слои общества на нравственное и умственное вырождение. И это вырождение заходит дальше всего в тех слоях общества, которые наиболее разъединены. (К таким слоям, как отмечалось раньше, принадлежат чиновники, гуманитарные интеллигенты и слой «услуужающих»).

Самоуправление — это одновременно и цель и средство, фундамент, «базис», на котором необходимо, очевидно, строить всё здание общества, если мы хотим создать для себя условия человеческого существования. И если что-либо не получается, надо перестраивать здание, а не фундамент, добиваясь большего соответствия «надстройки» и «базиса». И повторю: в век кибернетики, которая, конечно, не усложняет, а упрощает управление государством и экономикой, и в век «демографического взрыва» числа работников умственного труда, которые больше всех заинтересованы в самоуправлении и больше всех способны к нему, такая перестройка вполне осуществима.

Нельзя только останавливаться на полпути и создавать кентавров вроде соединения политической демократии с централизованной государственной экономикой, когда у людей нет ни заинтересованности в добросовестной работе, ни дисциплины. Или, наоборот, как в Югославии, где тоталитарная государственная власть соединяется с самоуправлением в промышленности. В этом случае коллективы попадают, очевидно, в положение отдельных людей в тоталитарном обществе. То есть, не имея возможности, объединяясь, влиять на решения государственной власти, они вынуж-

дены приспособляться к безответственной власти, используя или обходя ее решения, что в конце концов превращает самоуправление в фикцию или в *самоуправство*.

Подытожим. Свобода, власть и собственность — вот сжатая формула общества самоуправления.

Свобода (регулируемая правом), власть (над ходом жизни) и собственность (на средства производства) — и все это за КАЖДЫМ членом общества. Только на этом «базисе», на этих трех китах возможно видимо создать структуру, которая позволит ВСЕМ людям начать движение к своим идеалам, к нравственному совершенству и гармоничному развитию, к Свободе, Равенству и Братству.

Соответствие «надстройки» и «базиса»

Итак, самоуправление, чтобы оно не шло во вред обществу, и могло раскрыть все свои лучшие качества, требует, очевидно, ряда «механизмов соответствия».

■ Коллективной, групповой собственности на средства производства и продукты труда — гарантии экономической независимости людей от государственной власти или работодателей и гарантии одновременно для защиты общества от ошибок или злоупотреблений отдельных коллективов (за которые никто не должен расплачиваться, кроме них самих); ну и, конечно, как решающее условие максимальной заинтересованности людей в добросовестном труде.*

* Групповые предприятия не должны находиться на дотации у государства. Заработная плата должна целиком зависеть от выручки с продажи продукции (или услуг)

■ *Соревновательной* конкуренции — свободно-го рынка товаров и услуг как единственно мыслимого способа оценки качества и эффективности труда.

■ Пресечения *агрессивной* конкуренции, главного зла капитализма, и в сущности глубоко безнравственного явления, вносящего в жизнь общества законы джунглей.

Советские марксисты, как и скрытые и явные апологеты капитализма (которых справедливо называли «псевдоморалистами» молодые католики Франции), не хотят признать, что возможны два вида конкуренции — агрессивная и соревновательная. Они ставят людей перед альтернативой: либо конкуренция, либо соцсоревнование (то есть соревнование в том, кто лучше обманет государство, больше погубит средств, сырья и оборудования, а затем и людей). Но и тут есть третий путь, путь *синтеза*.

Агрессивная конкуренция возникает тогда, когда становится возможным частное или акционерное (кооперативное, коллективное) расширенное воспроизводство, то есть накопление капитала и эксплуатация — удержание в своих частных или коллективных руках прибавочной стоимости для дальнейшего непрерывного экстенсивного расширения. И коллективы точно так же, как частники (если не устранить агрессивной конкуренции), вынуждены будут расширять свое дело за счет создания новых «мощностей» и найма новых рабочих.

и начисляться в зависимости от квалификации и выработки членов коллектива. Все нормы и правила для распределения выручки и размер отчислений в различные фонды устанавливаются коллективом. В отличие от кооперативных предприятий не существует паевых вкладов и, следовательно, распределения прибыли среди вкладчиков.

И уже тогда будут с этих новых рабочих (из новых цехов-филиалов) «стричь прибавочную» себе, в свой коллективный карман. А точнее — большую часть вновь откладывая, копить для нового расширения. Ибо кто не будет расширяться, того разорят, съедят, присоединят другие коллективы. И уже, конечно, в качестве эксплуатируемых.

Расширяться же, не эксплуатируя новых рабочих, не удерживая с них прибавочную стоимость, всё равно что своими руками за счет своих средств создавать себе конкурентов. Никто добровольно не пойдет на такой идеализм.

Короче, начнется сказка про белого бычка. Накопление ради накопления; деньги — товар — деньги, человек — средство накопления, преобладание (резкое) предложения над спросом, истребление природы, анархия, перепроизводство, кризисы, монополизация, глушение соревновательной конкуренции и «спасительное» вмешательство государства. То есть приехали, сделав «штрафной» круг назад, к точке, на которой находятся сейчас развитые капиталистические страны.

Но запретить расширенное воспроизводство коллективным собственникам, разумеется, нельзя. На запрещениях, насилии здоровой экономики не создать. Там, где какая-нибудь система нуждается во внеэкономических рычагах регулирования, там, очевидно, выходит на поверхность ее глубинная неестественность, в лучшем случае — непродуманность, разрыв в цепи соответствия.

Необходимо, очевидно, сделать так, чтобы расширенное воспроизводство было бы *невыгодным* для коллективов. И для этого есть только одно средство: расширенным воспроизводством должно заниматься государство, и новые предприятия *бесплатно* передавать новым, образуемым с помощью государства, коллективам. Финансировать это вос-

производство государство сможет за счет налога с прибыли коллективов, то есть за счет национализации и централизации части прибавочной стоимости отдельных коллективов. Старшее поколение будет как бы вкладчину, совместно обеспечивать делом младшее поколение и работников, сокращаемых с предприятий по мере развития техники. Сокращаемых, разумеется, с выдачей пая (минус амортизационный процент) и по единому и справедливому принципу (если надо, предоставляя возможность для повышения квалификации или переквалификации).

Государственное воспроизводство сможет, разумеется, проводиться, исходя из анализа рынка, и согласно перспективному плану развития, утвержденному представителями *всех коллективов*. Эгоистические интересы коллективов определенной отрасли, не заинтересованных в создании новых предприятий в их отрасли (ради поддержания высоких цен на их продукцию), будут всегда перекрываться голосами представителей остальных коллективов, заинтересованных, естественно, в снижении цен на потребляемые ими товары.

Для строительства новых предприятий государство сможет привлекать коллективные строительные фирмы и проектные институты, которые будут нести материальную ответственность перед государством и будущими хозяевами за качество строительства. Представители вновь организуемых коллективов должны будут конечно участвовать в разработке проектных заданий. В помощь им наверняка возникнут самостоятельные консультативные фирмы.

Расширенное воспроизводство в руках государства будет рычагом пресечения анархии, перепроизводства и влияния на цены, а также средством сохранения природы.

Важно не забывать, что планирующие органы будут размещать средства в строительство на основе анализа *объективных* сигналов свободного рынка (свободного и от монополий!), что сделает вероятность ошибок достаточно малой.

Проблема расширенного воспроизводства — центральная проблема самоуправления. Без ее решения самоуправление лишь благое пожелание. Если расширенным воспроизводством самоуправляющегося сектора (частный и кооперативный секторы будут, разумеется, расширяться сами, *если это им будет удаваться!*) станет заниматься государство или какой-то центральный орган (если не нравится здесь слово «государство»), то путь к капиталистическому перерождению самоуправляющихся коллективов будет, думаю, закрыт.

Имея возможность пойти «работать хозяином» и бесплатно приобрести «дело» (у государства), никто, разумеется, не захочет идти в эксплуатацию к уже существующим коллективам, если бы они захотели самостоятельно расширяться. Такое расширение сделается практически невозможным, бессмысленным. Конкуренция между коллективами будет носить лишь *соревновательный* характер, за счет *интенсивного* развития предприятий: улучшения качества товаров, их ассортимента, снижения себестоимости и цен. А интенсивное развитие всегда и везде (будь то развитие предприятия или страны) эффективнее и здоровее экстенсивного.

Целью производства, стимулом станет увеличение личного благосостояния членов коллектива, уменьшение рабочего дня, облегчение и интеллектуализация труда. Формулой производства будет наконец: товар-деньги-товар. Человек перестанет быть средством (накопления), а деньги — целью. Тенденция к повышению цен и к инфляции сменится тенденцией к понижению.

За государством должны сохраниться, конечно, те отрасли, которые не производят *качественно отличных рыночных* товаров и где *централизация* важнее конкуренции, то есть такие, как энергетика, связь, транспорт, или где экономическая конкуренция вредна: наука, образование, медицина, и, возможно, юридическое обслуживание. В последних двух областях возможна двойная оплата труда: государственный минимум и доплата клиентов (или их больничных касс) по *твердым* тарифам, но уже прямо в руки пользующихся специалистами с отчислением процентов в кассу всего коллектива и администрации, чтобы им выгодно было привлекать хороших специалистов.

Вероятно государство должно будет создавать и оставлять себе некоторые принципиально новые, экспериментальные производства до времени, когда будет доказана их нужность. Государство будет способно пойти на такой риск, так как будет достаточно богатым, освободившись от необходимости постоянно изыскивать средства для затыкания брешей в национализированной экономике.

Земля и недра, вероятно, также должны оставаться за государством, а крестьяне (или их кооперативы) и коллективы старателей будут в этом случае арендаторами. Невозможна будет спекуляция землей, да и легче будет производить крупное землеустройство. Но возможны здесь, наверное, и смешанные формы: часть земли — за государством, часть — в частной или коллективной собственности.

В торговле, обслуживании, кустарной и мелкой легкой промышленности возможна и полезна, разумеется, частная и кооперативная инициатива (в конкуренции с коллективными предприятиями).

■ *Дисциплинарная централизация* как метод руководства народным хозяйством должна быть,

очевидно, *заменена* координационной, *доверительной* централизацией. На основе изучения рынка государство будет давать *советы* коллективным предприятиям относительно желаемого ассортимента и объема их производства. И у коллективов будут все основания доверять советам государства, так как благосостояние государственного бюджета будет зависеть от благосостояния коллективов: чем выше будут доходы коллективов, тем полнее будут проценты подоходного налога, взимаемого государством.

Кроме расширенного воспроизводства, у государства в качестве экономического рычага будет также возможность размещать заказы среди коллективных предприятий с последующей продажей соответствующих товаров по государственным ценам. «Рычагов» будет достаточно.

■ И тут возникает новое условие соответствия — государство должно быть объективным посредником, судьей и одновременно исполнителем воли большинства коллективов. Иначе говоря, государство должно быть, очевидно, *советом представителей коллективов*, ответственных только перед своими коллективами.

Следовательно, выборы в контрольно-законодательные органы государства должны производиться по производственному принципу (в сельских местностях — по территориальному). Подразумевается, естественно, представительство не только производственных коллективов, но и всех остальных: научных, конструкторских, гуманитарных, студенческих, профсоюзных, торгово-обслуживающих и частно-кооперативного сектора.

Руководство требует огромной энергии и свежести. Поэтому должен быть, очевидно, ликвидирован и институт профессиональных «представителей»-руководителей, ибо постоянных представите-

лей можно называть таковыми только в кавычках. Со временем они неизбежно теряют понимание интересов своих избирателей, начинают штамповать свой подход к решениям, начинают подстраиваться друг к другу, особенно низшие к высшим, теряют собственное лицо, приобретают кастовые интересы, становятся над обществом и над избравшими их коллективами, и никакая «ленинская зарплата», равная зарплате рабочего, от этого процесса не спасает. Из лучших они неизбежно превращаются в худших.

Наши потомки наверняка будут удивляться нашей упрямой глупости в этом вопросе. ореол незаменимости профессиональных руководителей и политиков — один из самых вреднейших мифов, особенно в наше время, при бурном росте числа высокообразованных людей и развития технических, кибернетических средств руководства. Кроме всего прочего, профессионализм, пожизненность руководства отпугивает от него самых достойных, творчески одаренных и интеллигентных людей. Важно еще учесть, что в обществе самоуправляющихся коллективов способности и навыки к руководству будут воспитываться у очень большого числа людей, что называется, «с пеленок», то есть с работы в «родных» коллективах. Наконец, ликвидация гигантского национализированного промышленного организма и дисциплинарной централизации, а также и гигантомании в строительстве предприятий, во много раз облегчит и упростит функцию управления.

Разумеется, на самые высокие посты *исполнительной* власти (членов правительства, руководителей министерств) необходимо будет выдвигать кандидатов из числа работников региональных исполнительных органов самоуправления. То есть, по окончании срока полномочий низших руководя-

щих кадров они будут перед уходом выбирать из своей среды на высшие должности наиболее хорошо проявивших себя работников. Таким образом, эти люди будут находиться у власти два срока: один на низшем уровне, другой — на высшем.

Преемственность опыта и традиций можно будет сохранить за счет поэтапного обновления руководящих кадров, а также за счет кадров технических работников и экспертов-специалистов, которые, однако, тоже должны обновляться, но в более растянутые, удвоенные сроки.

Хочется подчеркнуть, что институт профессиональных государственных руководителей особенно недопустим в бесклассовом государстве, где нет мощных, концентрированных сил, с которыми государственному руководству пришлось бы считаться.

Дополнительными гарантиями против бюрократизации и авторитаризма государственной власти может служить также создание второй палаты Советов из представителей территориальных округов, которые будут представлять интерес потребителей и коммунальные интересы.

Этой же цели может служить вертикальное разделение государственной машины на три независимые секции (на три государства в государстве) со своими законодательными и исполнительными органами, со своим бюджетом. А именно: на «политическую» секцию, в ведении которой будет охрана порядка, границ, природы, внешние отношения и т. д.;

хозяйственную — расширенное воспроизводство, налоги, кредит, государственные предприятия и учреждения и т. д.;

научно-культурную — наука, образование, масс-медиа, литература и искусство.

Кроме дополнительной децентрализации это

может способствовать и увеличению компетентности руководства. Не является ли предрассудком, что один человек и один исполнительный орган должен руководить всеми сферами жизни общества, мало между собою связанными? Между прочим, такое вертикальное разделение государства соответствует идее Рудольфа Штейнера о трехчленном делении общественного организма.

Разумеется, совершенно независимыми должны быть и судебные органы и институты Верховного Суда для контроля за соблюдением законов и Конституции.

Государственный аппарат общества самоуправляющихся коллективов скорее всего будет (или станет со временем) *беспартийным*. Свободный коллектив вряд ли допустит, чтобы его представитель защищал чьи-либо еще интересы, кроме интересов избравшего его коллектива. И устранение партий от власти (никто запрещать их, разумеется, не предлагает) произойдет автоматически, если никому нельзя будет избираться на какой-либо руководящий пост дважды и после окончания срока полномочий нужно будет возвращаться в свой коллектив (к своей основной специальности) с правом избираться вновь лишь после определенного срока.

Пора нам уже осознать, что партии вообще отживают свое время. Они несовместимы с последовательной демократией. В погоне за голосами они способны на демагогию, обман. Они почти непроницаемы в своей внутренней жизни для воли избирателей (особенно, когда приходят к власти). Они имеют свою дисциплину и интересы, профессиональных руководителей и мешают своим собственным членам свободно и быстро менять свое мнение

и взгляды. Партии становятся всё более неприемлемыми с ростом числа образованных людей, стремящихся, естественно, к свободе инициативы, мысли и действий. Даже Энгельс писал в конце своей жизни (в письме к Бебелю) о необходимости ослабить внутривнутрипартийную дисциплину ввиду «притока в партию большого числа образованных элементов». «Быть зависимым, даже от рабочей партии, — тяжкий жребий». И там же писал, что они с Марксом никогда бы не согласились работать в партийной прессе, что представляет собой «неблагодарный пост для каждого, кто обладает инициативой».

Важнейшие предложения, реформы, планы, особенно в экономике, должны, очевидно, в любом случае разрабатываться специалистами, учеными, объединенными в группы (школы) или в соответствующие институты. Таких групп будет, разумеется, «энное» количество, и будет соответственно предлагаться «энное» количество решений для какой-либо конкретной проблемы.

Исполнительные органы или законодательные (в зависимости от характера проблем) будут отбирать с помощью экспертов те или иные решения для их исполнения. Фактически так происходит и сегодня, когда глава государства или партии выдвигает «свое» решение какой-либо проблемы, присваивая себе мысли своих экспертов и советников.

Со временем, возможно, группы ученых или институты будут выполнять роль партий, предлагая стране свою линию решения проблем. И возможен такой порядок, когда Парламент (Совет представителей коллективов и земель) будет избирать главой исполнительной власти автора отобранного Парламентом проекта решения. (Или руководителя авторской группы, или лицо, выдвинутое этой группой).

Разумеется, отпадает при самоуправлении и групповой собственности необходимость в профессиональных союзах (исключая профсоюзы свободных профессий, служащих государства и рабочих частного сектора), которые начинают сейчас играть весьма сомнительную роль в жизни общества, благодаря укрупнению, политизации и бюрократизации руководства.

В самоуправляющемся обществе должен быть изменен способ формирования армии и органов охраны порядка. Регулярная армия (за исключением пограничных войск, пока в них будет нужда, и технических) должна быть, очевидно, заменена отрядами народной гвардии или ополчения. Опыт, тут имеется уже большой.

Такой принцип формирования армии будет иметь и психологический эффект: даст людям дополнительную уверенность в нерушимости их прав и будет хорошей гарантией от всяческих авантюр.

В то же время органы охраны порядка — полиция или милиция — должны будут формировать по принципу нынешних регулярных армий, то есть путем срочного призыва. Профессиональная полиция (милиция) несовместима с последовательным демократизмом. Она неизбежно отчуждается от народа. Да и вообще нет ничего более бессмысленного и пагубного для нравственности, чем профессия надсмотрщика над людьми!

Принцип «сегодня я надсматриваю, а завтра — ты» будет чрезвычайно благотворно сказываться на быстром развитии сознательной дисциплины и уважения к законам.

Исчезнет традиционная вражда между народом и полицией (особенно сильная, доходящая до ненависти в тоталитарных странах).

Принцип «вооруженного народа» был, как известно, взят на вооружение марксизмом. И сами же марксисты в СССР в первую очередь отказались от этого принципа.

Иначе и быть не могло в условиях госкапитализма, который как никакой другой строй нуждается в свирепом подавлении народа.

Последним по порядку, но не по важности, является Институт Решающего Голоса. Мы рассматриваем этот пункт в конце, так как вначале, до рассмотрения других принципов и устоев самоуправления, он мог бы показаться утопичным.

В самоуправляющемся обществе каждый гражданин по достижении определенного возраста должен получать право решающего голоса в делах всех объединений, членом которых он состоит: района, города, области, государства. (В делах своего трудового коллектива он, естественно, должен будет обладать решающим голосом с момента вхождения в этот коллектив или после некоторого проверочного стажа работы).

Этот решающий голос должен давать ему право на выступление в соответствующих органах власти или в их официальных печатных органах, право на постановку какого-либо предлагаемого решения, на требование создания различных комиссий и, наконец, на проведение всенародного (или регионального) референдума.

Для реализации этих прав (и защиты против злоупотреблений ими) необходимо будет, разумеется, разработать определенную процедуру пред-

варительного обсуждения и утверждения индивидуальных инициатив на низших уровнях.

Конечно, в налаженном самоуправляющемся обществе необходимость такого вторжения в работу государства рядовых граждан будет не частой. Но здесь опять же чрезвычайно важны возможность и право на такое вторжение, что вместе с другими правами, возможностями и установлениями будет создавать психологическую атмосферу уверенности людей в реальности своей свободы-власти, атмосферу сопричастности, ответственности и неотчужденности от хода жизни общества.

Для оперативного осуществления права решающего голоса и всех других демократических процедур обсуждения и решения различных вопросов уже современная техника связи и подсчета дает достаточные возможности. Легко представить себе, например, что в каждом коллективе (или в его достаточно большом подразделении) можно будет установить стационарное и всегда готовое к действию оборудование селекторной связи с другими коллективами и со всеми инстанциями власти (как контрольно-законодательной, так и исполнительной): телетайпы, телеустановки и т. д. И при них — машины для голосования, связанные в одну сеть с центральной станцией подсчетов голосов.

Такая система связи и подсчета сделает легким и оперативным любое обсуждение.

Право решающего голоса за каждым членом общества во всех касающихся его делах и во всех организациях, членом которых он состоит, необходимо рассматривать и как правовую формулу (суть) самоуправления, и как неотъемлемое основополагающее право истинно свободного человека.

Все остальные ныне декларируемые права человека являются частными производными (или составляющими) этого основополагающего права, без

существования которого они не могут быть полностью гарантированы и по-настоящему действительны.

В свою очередь и описанная выше приближительная модель самоуправляющегося общества является логическим следствием права решающего голоса и одновременно суммой средств для его реализации.

И верится, что настанет время, когда люди осознают органичность, законность и неотъемлемость этого своего права. Осознают его и как свое главное право, и как главный признак истинной демократии.

Верится, что право решающего голоса будет стоять во главе Декларации прав человека.

В заключение этого обзора — ряд частных.

1. *О бесчеловечности и безнравственности абсолютной дисциплины.*

Нынешняя абсолютная дисциплина является, как мы уже отмечали, совершенно нетерпимой и с нравственной точки зрения. Если мы ясно еще не осознаем этого, то всё по той же причине, что не верим в возможность порядка, при котором абсолютная дисциплина станет ненужной.

Но если вдуматься: что может быть отвратительнее и безнравственнее, чем когда один человек (да еще в течение всей жизни) распоряжается судьбой другого человека, да подчас еще и судьбой его семьи, его детей. Когда он может безнаказанно оскорблять, унижать, травить, понижать, выживать своих подчиненных; может (и часто вынужден) не считаться с их самыми человеческими просьбами и желаниями, с их положением и с их мнением.

И в то же время этот же человек вынужден сам бегать «на полусогнутых» перед своим начальством!

И как же тут всё изменится, когда, руководя своими товарищами и коллегами, человек будет знать, что завтра он окажется в их положении. Как быстро тут научатся люди, с одной стороны, не упиваться, не злоупотреблять властью, а с другой — добросовестно выполнять поручения и приказы, которые к тому же будут отдаваться во исполнение принятых всеми решений, в общих интересах. Легко будет отдавать такие приказы и руководить. Исчезнет проклятая стена, которая вмиг отделяет тебя от твоих бывших товарищей, как только ты становишься начальником. Исчезнет неизменная скрытая взаимная враждебность, настояженность, подозрительность.

Только когда спадет с плеч людей абсолютная дисциплина, они осознают, какую тяжесть носили. Дисциплину в самоуправляющихся коллективах можно будет назвать *условной*. Люди, в сущности, будут улавливаться о посменном распределении на роли начальников и подчиненных для успешного исполнения и реализации общих решений и интересов.

Принцип временного пребывания на руководящих постах (на всех уровнях) является, пожалуй, главным принципом самоуправления наряду с ликвидацией агрессивной конкуренции. Современные сторонники самоуправления стоят не за то, чтобы каждая кухарка могла управлять государством, а чтобы им (и заводом, институтом и т. д.) не управляли бы одни и те же люди бессменно.

2. О гигантских предприятиях.

Могут спросить, а что делать с крупными предприятиями, на которых очень трудно наладить самоуправление?

Во-первых, не так уж трудно. Оно может быть там ступенчатым, по отделениям, цехам, как в маленьком государстве. Во-вторых, такие предприятия часто можно и нужно будет разделить на самостоятельные производственные единицы.

У Терещенко, бывшего американского экономиста, вернувшегося в СССР, я прочел поучительную историю трансформации предприятия Форда. Его «империя» с некоторых пор по непонятным причинам начала становиться нерентабельной. Никакие меры не помогали. В конце концов были приглашены специалисты по научной организации труда и управлению. Обследовав «империю», они пришли к выводу, что единственная причина падения рентабельности заключается в ее размерах, затрудняющих обратные связи и «местную» инициативу. Они рекомендовали разделить фирму на ряд самостоятельных филиалов, вплоть до конкуренции между ними, оставив за центральным управлением в основном лишь вопросы расширенного воспроизводства и «внешней» торговли. Форд последовал их совету и спасся от разорения. Иными словами, он допустил *соревновательную* конкуренцию между филиалами, а дисциплинарную централизацию заменил координационной.

Здесь мы ясно видим расслоение конкуренции на соревновательную и агрессивную. Конкурируя во всем, филиалы не могут лишь конкурировать в самостоятельном расширении, в накоплении капитала, не могут съедать друг друга. Агрессивную конкуренцию с внешним миром продолжает вести общий капитал Форда.

Расширение этой модели на все общество и дает, в сущности, экономическую структуру самоуправления.

И это, между прочим, пример настоящего созревания основ нового общества в недрах старого, в

отличие от образа централизованной почты или прусского казарменного госкапитализма, как считал Ленин.

Наконец, важно понимать, что укрупнение заводов не диктуется потребностями развития производительных сил, особенно в условиях нынешней технотронной революции. С изобретением, например, нового метода выделения радиоактивных элементов атомные заводы, как известно, могут стать во много раз более «портативными». Укрупнение диктуется в основном или требованиями конкуренции или облегчения надзора при госкапитализме.

Как пишет тот же Олдос Хаксли («Наука, мир, свобода»), исследования экономистов показали, что выигрывает в себестоимости производства на гигантских предприятиях перечеркивается не только затруднением обратных связей, но и возрастающими затратами на транспортные и перевалочные операции по доставке сырья к заводам и продукции — к потребителям. Не говоря уже о том, что гигантские заводы и коллективы угнетающе действуют на психику людей, затрудняют самоуправление, уменьшают заинтересованность и ответственность и порождают бюрократизм, что для нас должно быть самым главным и решающим.

3. Развитие техники.

До недавнего времени большинство людей в мире не осознавало, что в развитии техники и технологии могут быть совершенно разные направления. Теперь многие уже стали требовать такого развития техники, которое не приносило бы ущерба окружающей среде и человеку.

Но слишком мало людей еще осознает, что в развитии техники возможны три пути.

На «втором пути» развития техники, наиболее гуманном на сегодняшний день, конструктора думают лишь о том, чтобы техника и технология не

приносили вреда здоровью людей и, создавая определенные удобства работникам, способствовали увеличению производительности их труда. То есть, производительность (а также и стоимость техники) все-таки остается во главе угла. И в обществе, где во главе угла остаются накопление капитала или фетишизация роста экономики, иного подхода быть не может. Да и как бы конструктор ни стремился учесть интересы работников, он никогда не сможет осознать их так, как сами работники!

В обществе же самоуправления, когда работники будут иметь решающее слово в определении исходных данных проектирования и в одобрении проектов, начнется развитие совершенно новой техники и технологии. Отсутствие агрессивной конкуренции в накоплении капиталов даст свободу выбора. Люди не будут бояться вводить такие удобства и улучшения, которые будут уменьшать сиюминутную производительность техники или будут увеличивать ее стоимость. Проигрывая в производительности и в рентабельности в относительно короткий отрезок времени, они будут выигрывать в более продолжительном периоде за счет сохранения высокого уровня работоспособности и «трудового энтузиазма».

Разумеется, изменение характера техники будет происходить в целом медленно — по мере увеличения доходов коллективных предприятий, когда они смогут позволять себе все более дорогостоящие нововведения и удобства, ну и вообще по мере развития науки и техники.

Определять такое развитие техники будут в обществе самоуправления следующие очевидные цели:

а) интеллектуализация труда, стремление к максимальному вытеснению канцелярского и физического труда или, по великолепному определе-

нию Андрея Платонова, труда повторительного, самого тяжелого для человека, существа, обладающего творческим Разумом.

б) забота работников о своем здоровье; ну и конечно —

с) забота об окружающей среде.

Между прочим, необходимость в повторительном, канцелярском труде значительно уменьшится с ликвидацией гигантской централизованной машины госкапитализма и разукрупнения многих предприятий и учреждений. Наконец, возможно будет и поочередное выполнение нудных видов труда в порядке общественной (но хорошо оплачиваемой!) обязанности.

Не нужно, думаю, доказывать, как важно подобное развитие техники и условий труда для все той же цели защиты человека от страха перед временем, для всё большей удовлетворенности всё большего числа людей своей жизнью.

Каким именем можно назвать описанный выше строй-путь? И можно ли назвать его социалистическим строем?

Вопрос этот, думаю, решится историей. И возможно тут два решения: новое название (сторонник «третьего пути», эмигрант из СССР Яков Шер в книге «Куда идти?» предлагает, к примеру, название «эргонизм», от «эрго» — труд), или — признание подобной модели новой ступенью развития социалистических взглядов.

Но как бы там ни было, важно сознавать, что модель общества самоуправления и групповой ответственности отличается от всех существующих ныне видов социализма, для которых характерна в той или иной степени или форме интервенция го-

сударства в экономику и во многие другие сферы жизни.

Социалистические партии, если они примут в свою программу принципы самоуправления, я бы (на их месте) назвал, скажем, партиями социалистического самоуправления. Это название имеет еще и тот смысл, что может противостоять системе «капиталистического самоуправления», при котором за самоуправляющимися коллективами оставляется функция расширенного воспроизводства.

Две диалектические триады

На международном конгрессе сторонников самоуправления («Конгресс 3 путь», Ахберг, ФРГ, июль 75 г.) у меня состоялась дискуссия с Яковом Шером. Он считал, что должен быть сформулирован один основополагающий принцип для каждой системы, из которого все остальное вытекало бы с неизбежностью. Таким принципом, например, для ленинского социализма является всеобщая национализация, из которой с неизбежностью вытекают все её следствия, вплоть до сталинизма.

Для самоуправления таким главным принципом Я. Шер считал «самособственность» (то, что я называю групповой собственностью) и возражал против каких-либо еще дополнительных принципов, вроде государственного расширения воспроизводства или предлагаемого Ота Шиком законодательного регулирования и планирования доли потребления и накопления. Всё это, утверждал Шер, умаляет и ограничивает свободу самоуправления.

Я же возражал ему, что без таких ограничений «самособственность» трансформируется в перво-

бытный анархический капитализм и т. д., и не понимал, как можно этого не понимать!

Но любая дискуссия приносит пользу! Я почувствовал, что в требовании Шера есть рациональное зерно. Государственное расширенное воспроизводство необходимо, чтобы не допустить коллективы до агрессивной конкуренции. И тут я увидел, что можно сформулировать один основополагающий принцип самоуправления: **СОРЕВНОВАТЕЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ!** И вслед за этим — что можно по новому сформулировать и диалектическую триаду, положив в основу не формы собственности, а *формы конкуренции*. Действительно, не формы собственности, как мы привыкли считать, а формы конкуренции определяют три обсуждаемых нами уклада — капитализма, государственного капитализма и самоуправления — тезиса, антитезиса и синтеза.

Агрессивная конкуренция наиболее полно и однозначно описывает и определяет капитализм.

Соревновательная же конкуренция определяет с *неизбежностью* все описанные выше принципы и институции самоуправления: групповую собственность, государственное расширенное воспроизводство, новый тип государства и т. д.

Но какова форма конкуренции при госкапитализме? Сам госкапитализм утверждает, что он вообще уничтожает конкуренцию. («Социалистическое соревнование» — столь же «реальное» понятие, как и социалистический реализм!) Но жизнь без конкуренции — немыслима. И, на мой взгляд, государственный капитализм заменяет экономическую конкуренцию **АДМИНИСТРАТИВНОЙ**. Конкуренцией между администраторами за лучшее выполнение планов и указаний свыше, или точнее, за более ловкий обход их под напором сиюминутной экономической необходимости (необходимости

затыкания брешей). Или еще проще — за «красивые» цифры в отчете, за «накопление» цифр.

И если для капиталистической конкуренции характерен лозунг: «деньги не пахнут!», то для административной: «Цифры не пахнут!».

Таким образом, диалектическая триада приобретает следующий окончательный вид: агрессивная экономическая конкуренция — агрессивная административная — и вновь экономическая, но соревновательная конкуренция.

Диалог со скептиками

Иные люди преднамеренно или по неведению отождествляют самоуправление с анархосиндикализмом. На самом же деле программы анархосиндикалистов имеют столько же общего с изложенной выше, сколько, скажем, телега с автомобилем. Причем, телега без колес! Ибо для всех анархистских программ характерно либо отрицание государственной власти — передних, рулевых колес, — либо отрицание «капиталистической стихии»: торговли, свободного рынка, конкуренции — то есть ведущих, задних колес. Либо того и другого вместе.

Между прочим, необходимо ясно представлять себе, почему анархисты отрицали государство, хотя многие из них, что называется, были не глупее нас. Дело было, очевидно, в «строительном материале». Он, как известно, оказывает влияние даже на замыслы зодчего, и уж тем более велико его влияние в «социальной архитектуре»: люди — не мертвые кирпичи.

Анархисты недавнего прошлого имели дело, например, в России в основном с крестьянскими массами (а на Западе — с рабочими и мелкой бур-

жуазией). И анархисты где-то, видимо, понимали, что темные, необразованные люди не смогут распоряжаться сложным аппаратом государственной власти (плюс эмпиризм: государственный аппарат представлялся неизбежно громоздким и сложным в управлении). Следовательно, кто-то неизбежно начнет распоряжаться от их имени, а потом и против них. Вот анархисты и разрубали с плеча этот гордиев узел — просто упраздняли государство. Почему, мол, вообще нельзя без него обойтись?! То есть впадали в утопию, за что их и били непростанно.

В сущности, и ленинская идея диктатуры пролетариата (диктатуры большевиков от имени пролетариата) и огосударствления всей экономики были попыткой противоположным образом — на вид менее утопичным — построить «светлое здание» из «темного материала». (В ожидании революции в образованной Европе).

Но за пятьдесят лет, с семнадцатого года, Россия прошла не один, а два этапа развития: из крестьянской страны — в рабочую, а затем — в инженерно-рабочую (сегодня в СССР в один год выпускается больше инженеров, чем было их в России к 1916 году). И только теперь мы можем проектировать, наконец, новую «машину» с колесами, способную двигаться.

Необходимо вкратце остановиться еще на некоторых, наиболее расхожих аргументах противников самоуправления, которые могут показаться или кажутся убедительными. Довольно полно они представлены в статье М. Михайлова «Не третий путь, а миф» («Русская мысль» от 11 и 17. 5. 72 г.). Михайлов считает вредным мифом не только самоуправление, но и вообще любой новый путь. Он против любой «ломки жизни», даже в СССР. Достаточно ликвидировать монополию КПСС и уста-

новить многопартийную парламентскую систему. Все зависит от «головой», утверждает М. Михайлов, а не от экономического «тела». Однако, конкретные аргументы против самоуправления Михайлов берет из югославского опыта, считая, что в этом случае «голова» почему-то не влияет на «тело».

Но вот мнение на этот счет другого югослава: «Рабочий может быть неудовлетворен организацией труда на предприятии, а как только он начинает ее критиковать, его исключают из Союза Коммунистов». «На руководящих постах в нашей стране все меньше рабочих... мы недостаточно стремимся *привлечь* их в Союз Коммунистов и в наши руководящие органы». Я цитирую выступление И. Тито (от 24. 5. 72 г.). Думается, что в это свидетельство трудно не верить: вряд ли Тито стал бы измышлять подобные факты, сокрушающие миф о подлинном самоуправлении в Югославии.

Неудивительно, что по свидетельству того же Тито, «руководители банков занимаются махинациями» и «доходы растут быстрее, чем производство». Разве такое было бы возможно при настоящей самокупаемости предприятий и действительно свободном рынке? Ясно, что речь здесь идет не столько о самоуправлении, сколько о самоуправстве руководителей, использующих в своих корыстных целях тоталитарную государственную «голову».

Михайлов пишет, что образование «клик» в производственных коллективах Югославии «часто приводило предприятия к границе банкротства». Почему могут появляться «клики» в Югославии, ясно из слов Тито. Удивительно другое, что они все-таки не приводили предприятия к банкротству! Значит, или вмешивалось государство (что недопустимо при групповой собственности), или все-таки срабатывал механизм даже ущербного самоуправ-

ления. В самых развитых и демократических буржуазных странах, которые ставит в пример Михайлов, предприятия часто приходят к полному банкротству. И в самоуправляющемся обществе некоторые предприятия, особенно вначале, возможно тоже будут приходить к банкротству и самоликвидации. Но ведь это неизмеримо лучше, чем если они будут висеть на шее всего общества, как висят добрых 90% предприятий в СССР.

«Демагогия, коррупция, дезинформация, моральный террор, — пишет М. Михайлов, — возможны и на каждом предприятии, в среде его «собственников», тем более в положении, в котором от правильного решения зависит не только прибыль всего предприятия, но часто и его будущее». (Выделено мною. — В. В.).

Но это все равно что сказать, что человек способен расточительно относиться к своим собственным деньгам, «тем более в положении», когда от этого зависит, не помереть ли ему с голода! Думается, что в таком положении люди значительно менее склонны расточительно относиться к своим собственным деньгам, нежели к казенным. Другое дело, если слово «свои» поставить в кавычки, как ставит сам Михайлов слово «собственники», освобождая нас от труда проделать это за него. Ведь только собственники в кавычках способны вести себя таким противоестественным образом.

И, наконец, мы знаем, что «клики», коррупция и пр. имеют место не только в коллективах Югославии, но и в иных странах с высокоразвитой парламентской «головой». Что же касается *группировок*, то они будут действительно образовываться при самоуправлении как и везде, где действуют люди, а не муравьи. Но в условиях последовательной демократии, в *полностью ответственных* за свои действия коллективах они будут приносить боль-

ше пользы, чем вреда. Свобода образования группировок, т. е. свобода объединения людей и является одним из самых притягательных свойств самоуправления.

И совершенно не правомочно отождествлять группировки с партиями, как это делает Михайлов, пытаясь развеять «миф» о возможности беспартийного государства. Группировки единомышленников не только ничего общего не имеют с партиями, но и, как правило, противостоят им. Группировки не имеют ни дисциплины, ни профессионального руководства, ни устава и т. д. Они ничем не ограничивают свободу своих членов, *обладающих инициативой*. Они динамичны и нестойки. В партии или клики они превращаются лишь в условиях неполноценной демократии, в условиях агрессивной конкуренции и борьбы классов, сословий или национальной борьбы.

В Югославии низкий жизненный уровень и безработица! — слышим мы, наконец, от многих. Но разве можно забывать, что Югославия — отсталая в недавнем прошлом и бедная природными ресурсами страна, и что она окружена капиталистическими и «социалистическими» странами. Первые поглощают ее накопления, продавая ей недостающие материалы и сырье, вторые вынуждают постоянно расходовать средства на поддержание высокой обороноспособности. Все это замедляет расширенное воспроизводство, порождает безработицу и понижает жизненный уровень, помимо внутренних причин, указанных выше.

Самоуправление способно раскрыть все свои качества лишь в большой и развитой во всех отношениях стране. Самоуправление — это строй интеллектуализированного, «постиндустриального» общества. Капитализм ведь тоже не во всех странах дает одинаковые результаты! Но не станем же

мы судить о возможностях капитализма по какой-нибудь, скажем, Южно-Американской стране.

На самом же деле Югославия, думается, являет собой миру пример того, что даже урезанное, угнетенное, полуфиктивное самоуправление дает житейские плоды.

В Югославии открытые границы, конвергируемая валюта, много конкурентноспособных предприятий и свобода печати, какой не снилось советским людям. Не знала Югославия и такого террора, который пережили все «соцстраны». И, возможно, Югославия — единственная социалистическая страна, которая в своем развитии сможет обойтись без революции. В широком смысле этого слова.

Понимая все же притягательность самоуправления для подневольных людей, Михайлов признает все-таки, что «*кое-где* этот лозунг может принести пользу, поскольку он расшатывает существующий строй, но серьезно считать, что самоуправление является чем-то большим, чем переходным лозунгом... это значит вводить себя в обман». Но ведь агитировать за самоуправление, чтобы расшатать существующий строй, считая про себя самоуправление переходным укладом, значит... обманывать кого-то другого! Зная демократизм Михайлова, я склонен считать это обмолвкой, возникновению которой однако способствовала логика занимаемой им позиции.

И еще об одном аргументе скептиков. Почему самоуправляющиеся предприятия не вытесняют капиталистические в демократических странах? Ответ простой: им надо для этого накапливать капитал и превращаться в акционерное капиталистическое предприятие!

Свобода соревнования укладов возможна лишь, когда государство будет конкурировать в расширенном воспроизводстве с кем бы то ни было. Вот

если тогда самостоятельно расширяющиеся предприятия (коллективные или частно-акционерные) смогут все же платить своим пролетариям много больше, чем будут зарабатывать коллективные хозяева (на создаваемых и передаваемых им государством предприятиях) — тогда первые и победят. Рабочая сила потечет к ним. Люди предпочтут быть богатыми пролетариями, нежели бедными хозяевами! Самоуправление — открытая система!

А пока достаточно и того, что пускай и в малом числе, но самоуправляющиеся предприятия все же существуют в мире — в Западной Германии, например, в Израиле (киббуцы), в Испании, в Англии.

И еще к вопросу о свободе соревнования укладов. Хэмингуэй пишет, что итальянский фашизм возник из-за страха власть и деньги имущих перед начавшимся процветанием кооперативных предприятий в северной Италии. А Хэмингуэй хорошо знал Италию того времени, жил там и работал.

Этот диалог со скептиками мне хочется закончить словами Олдоса Хаксли из уже упоминавшейся его работы:

«Пусть редкие пока голоса сторонников самоуправления тонут в хоре централизаторов справа и слева. Кто знает?! Голоса первых христиан также тонули в сонме насмешек и поруганий!».

Олдос Хаксли написал это в 1945 году (!), и уже с тех пор голосов этих в мире много прибавилось. И уже танками (не львами!) приходится расправляться со сторонниками самоуправления «4-му Риму». Именно против рабочих советов и реформ Отта Шика шли советские танки на Будапешт и Прагу.

И не случайно сравнивает О. Хаксли сторонников самоуправления с христианами, ибо именно в обществе самоуправления по-настоящему вопло-

тятся и восторжествуют гуманные принципы христианства.

У всех сторонников самоуправления могут существовать ошибочные взгляды на отдельные элементы устройства общества, в том числе и у автора этих строк. Проблемы будут возникать и при реализации идей самоуправления, когда как будто бы все будет к тому времени продумано. Но, повторю, если что-то внушает сомнение, если что-то окажется плохим в доме самоуправления, надо перестраивать дом, но не ломать фундамент, ибо в силах людей перестроить и изменить все, что угодно, кроме основ собственной природы, которая и является фундаментом самоуправляющегося общества.

Вернемся вновь на российскую почву

Если для развитых демократических стран путь к самоуправлению может лежать через эволюционное развитие (но, конечно, не без борьбы!), то для нынешней России самоуправление представляется наиболее вероятным укладом вскоре же после падения существующего режима. В современной России капитализм нереален: нет капиталистов и капиталов, утрачены соответствующие навыки и традиции, да и, главное, нет желания у большинства советских подневольных людей всё это иметь.

Этого, например, нельзя сказать о закавказских республиках и среднеазиатских. Благодаря целому ряду факторов там сохранились и подпольные капиталисты, и соответствующие навыки, и даже имеются начальные капиталы. И в то же время там относительно малочислен инженерно-рабочий слой, более всех заинтересованный в само-

управлении. Думается, что если этим республикам предоставить свободу выбора, то они возможно предпочтут капитализм.

В России же решающий фактор — наличие огромной, гипертрофированной индустрии (и соответствующей армии инженеров и рабочих), поэтому и строй всей страны будет определяться, по крайней мере на долгие годы, статусом этой индустрии. Некоторые мечтают «приватизировать» ее с помощью акций. Но это — несбыточные надежды. Рабочие и инженеры вряд ли добровольно согласятся на то, чтобы их доходы попадали в руки бывших советских дельцов и коллаборантов власти. Да и все равно это мало принесет средств, учитывая колоссальную стоимость современной индустрии.

Ряд людей и групп в эмиграции предлагают так называемую смешанную экономику. Тяжелую и среднюю промышленность (то есть примерно 80% промышленности!) оставить в руках государства, а часть мелкой легкой промышленности, торговлю и обслуживание передать в частные, кооперативные или «самоуправляющиеся» руки. Панацеей от всех бед эти люди считают ликвидацию КПСС.

«Ликвидируйте политическую монополию КПСС над государством и обществом — и нет больше класса «гегемонов», и открываются возможности и для смешанного хозяйства . . . и для *неадминистративного* планового хозяйства» (М. Михайлов).

Но в СССР давно уже существует фактически *беспартийное* общество. КПСС — это не партия, а декорация партии. С того момента, как все ключевые посты в государстве захватывают члены одной партии (и оппозиционные партии уничтожаются), она превращается в сообщество чиновников, связанных двойной дисциплиной и маскирующих свое господство партийными билетами.

Ликвидировать монополию КПСС сегодня — означает снять с работы 90% всех руководящих работников во всех областях государства. Но нельзя снять даже и 70%, если поставить себе целью сохранить в руках государства бóльшую часть промышленности.

Что изменится от того, если отнять у нынешних чиновников их партбилеты? Люди их ненавидят и всё равно не будут их слушать. Восставшие польские рабочие, например, первым делом потребовали поголовной смены руководящих кадров. Что же говорить о советских рабочих и инженерах, которые пятьдесят лет терпят своих чиновников, про которых сегодня с еще бóльшим основанием можно сказать ленинскими словами, как о «подлецах и насильниках по природе своей».

При такой ситуации не будет ни заинтересованности, ни дисциплины. Начнется развал, инфляция и разруха, которых так боятся противники революции и «ломки жизни».

И не стоит здесь повторять, что сохранение бóльшей части промышленности за государством означает сохранение госкапитализма со всеми его «прелестями», как и нет никакого смысла доказывать очевидную истину, что государственной промышленностью невозможно управлять иначе, как *административно-плановыми методами* (с планами на текущую работу предприятий, которые также являются предметом жгучей ненависти советских людей).

Короче говоря, и «голова» и «тело», по терминологии М. Михайлова, одинаково важны. Тоталитарное «тело» так же неизбежно приводит к всеобщему тоталитаризму, как и тоталитарная «голова».

НЭП (та же смешанная экономика!) дал некоторый положительный эффект лишь потому, что не

было еще тогда в России гипертрофированной тяжелой индустрии, были еще целы кадры мелких капиталистов и частные средства, которые смогли обеспечить быстрое возрождение частного сектора, и существовало крепкое и многочисленное единоличное крестьянство — база частного сектора НЭПа.

И все же НЭП был обречен. Государственный сектор, если он преобладает, неизбежно давит частный: начинает остро нуждаться в притоке капиталов для затыкания брешей от многочисленных потерь, и капиталы эти он высасывает из частного сектора.

«Есть только один способ экспроприировать правящую элиту, не восстанавливая класса буржуазии — резко сократить монопольный государственный сектор, передать большинство средств производства, заводы, институты и т. д. в собственность трудовых коллективов» — провозглашают в известной самиздатовской работе «Время не ждет» С. Зорин и Н. Алексеев.*

И с ними трудно не согласиться, если реалистически подходить к жизни. Предлагать как конечную цель смешанную экономику (то есть оставить львиную долю промышленности в руках государства) значит фактически не предлагать ничего, а точнее — предлагать развал и анархию. За программами смешанной экономики часть скрывается легко угадываемое желание сохранить Россию сильной, «единой и неделимой» империей, сохранив индустриальную (военную!) мощь государства.

Подобные позитивные программы по существу, повторяю, не являются позитивными. Они представляют собой не синтез, ныне необходимый, а

* С. Зорин и Н. Алексеев. Время не ждет, «Посев», стр. 14.

механическое смешение всего и вся по принципу: взять 70 г. государственной собственности, 15 г. — частной, 10 г. — кооперативной, 5 г. — групповой, всё это подсластить местным «вспомогательным» самоуправлением, добавить демократических свобод по вкусу и запекать в многопартийном тесте.

Но требование многопартийной системы, казалось бы, является всё-таки серьезным позитивным элементом большинства программ противников ленинского социализма.

Однако, как мы уже говорили выше, этого, во-первых, совершенно недостаточно для ликвидации режима государственного капитализма, а во-вторых, образование мощных партий, способных руководить государством, дело длительное в реальных условиях нынешней России.

Не мешает посмотреть и на то, что сейчас происходит с партиями в развитых капиталистических странах.

Возьмем для примера США — самую развитую капиталистическую страну. В США (где никогда, как известно, не было «классической» классовой борьбы) если прежде и существовало заметное различие между демократической и республиканской партиями (а в период обострения классовой борьбы, в начале века, появилась и заметная рабочая партия Хейвуда «I.W.W.»),* то сейчас различие уже явственно сходит на нет. Растворяются классы и растворяются партии.

США — страна наиболее свободного федерального самоуправления, и вот, выборы в Конгресс происходят там уже больше по принципу выборов представителей от штатов, чем по партийной принадлежности. Больше конкурируют личности кандидатов и их личные программы, чем партии

* «I.W.W.» — «Индустриальные рабочие мира».

с их программами. Конгрессмены более ответственны перед своими избирателями и штатами, чем перед своими партиями, и чаще голосуют в Конгрессе не по своей партийной принадлежности, а по своим и своих штатов интересам: демократы с республиканцами против демократов и республиканцев. Не группировки превращаются в партии, а партии распадаются на межпартийные группировки. Эти партии фактически представляют собой рудименты старого классового общества.

Кроме того, США единственная, кажется, страна, где существует железное ограничение срока пребывания у власти президента (то есть высшей исполнительной власти страны) и всей его администрации, которая должна уходить вместе с ним. Сказывается самоуправление! Свободные «коллективы» штатов (и корпораций) естественно заинтересованы в объективной, подчиненной воле большинства штатов государственной власти.

Теперь сравним США и СССР. Оба государства представляют собой две крайности сегодняшнего мира. И как все крайности они во многом сходятся. И там и здесь нет четких классов. И в США самые мощные после СССР, государственная машина и военно-промышленный комплекс. И в США уже начинается борьба людей изо всех слоев общества против этих «машин» — от бывшего президента Эйзенхауэра до студентов. И даже Никсон в своем новогоднем послании Конгрессу в конце 1971 г. сказал знаменательные слова о том, что государственная машина в США растет и усиливается, в то время как жизнь становится все более неуправляемой. И будущие благополучие и жизнеспособность страны зависят от того, сумеют ли американцы добиться, чтобы широкие слои граждан могли оказывать конструктивное влияние на жизнь общества и государства.

Думается, что и будущее народов Советского Союза зависит от этого, по крайней мере, никак не меньше.

*Но способны ли советские люди
к самоуправлению?*

Андрей Амальрик отвечает категорически: «Русскому народу . . . почти совершенно непонятна идея самоуправления».*

И ему вторят многие голоса: нужны традиции, которые вырабатываются очень медленно. Они стали только-только складываться в старой России и были пресечены Октябрем. За советский период люди и вовсе отвыкли от самостоятельности.

На первый взгляд звучит убедительно. Но и тут при более глубоком и спокойном размышлении всё предстает в ином свете.

Медленно вырабатываются традиции и навыки? Конечно, медленно — в условиях ограниченной, полуфиктивной свободы, при отсутствии заинтересованности (в этом случае) в самоуправлении. Какие права были у тех же земств в царской России? Какие средства и возможности? Какой узкий круг людей они интересовали! В таких условиях достаточные навыки к самоуправлению у большинства народа вообще никогда выработаться не смогут. История развития этих навыков, как и история доброты, топчется на месте и всё по тем же самым причинам.

На примере воспитания детей мы знаем, что лучшее средство воспитания самостоятельности —

* Андрей Амальрик. «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Амстердам, 1970. Стр. 30.

это предоставление самостоятельности. По принципу: бросить не умеющего плавать в реку. Если же откладывать предоставление самостоятельности до того момента, когда человек наконец созреет для нее, то такой момент может никогда и не наступить. (Не случайно советская молодежь отличается инфантильностью).

Советские люди отвыкли от самостоятельности больше других? Верно. Но, добавим мы, и больше других истосковались по ней. И не все отвыкли в одинаковой степени, чтобы быть к ней совершенно неспособными. Инженеры и рабочие в силу самого характера своей деятельности и труда вынуждаются постоянно принимать самостоятельные решения. То, что решения эти направлены в основном на обход указаний и планов, спускаемых сверху, в данном случае отрицательного значения не имеет. Если бы советские люди этого делать не умели, жизнь в стране сделалась бы физически невозможной.

Инженерно-рабочий слой, как и научную и лучшую часть гуманитарной интеллигенции России смело можно бросить в «реку» самостоятельности и самоуправления. Эти люди не «утонут» еще и по той причине, что все будут находиться примерно в одинаковом положении, будут начинать от одного уровня. (Монополия внешней торговли в переходный период должна, конечно, оставаться в руках государства и ограждать молодые коллективы от внешней конкуренции). Мыслимо и приглашение в страну иностранных специалистов по научной организации труда и управления для консультаций, обучения и помощи в организации широкой сети специальных курсов.

Необходим, разумеется, и переходный период для поэтапного вступления коллективов в полное самоуправление и для налаживания его на всех

уровнях. Но перспектива должна быть ясной, чтобы предотвратить разруху, а может быть и междоусобицу. И эта перспектива должна быть гарантирована всеми другими реформами государственной власти, о которых мы говорили выше. «Голова» должна быть переделана, конечно, в первую очередь. Советы инженеров, рабочих и т. д., как и их центральные координационные и законодательные органы, должны быть созданы как можно быстрее.

В заключение (для особо закоренелых скептиков) я хочу привести высказывание специалиста, доктора исторических наук, председателя исследовательской секции по социологическим проблемам села АН СССР Ю. Арутюняна.

В начале 1972 г. на страницах «Литературной газеты» прошла дискуссия о так называемых шабашниках — самодеятельных строительных бригадах, по сей день преследуемых властями как паразитический элемент. Эти бригады строят дома для частных лиц в деревнях и различные хозяйственные постройки для смелых председателей колхозов, отчаявшихся дожидаться государственной помощи. Ю. Арутюнян, включившись в эту дискуссию, обобщая наблюдения возглавляемой им секции, пишет:

«Эти бригады отличались удивительной сплоченностью, основанной на здоровых коллективистских началах. Все вопросы обсуждались «миром», и уж что решалось, то становилось законом. Отсутствие пьянства, взаимная выручка, стремление довести строительство до конца, сделать все, как надо, чтобы заказчик не был в обиде, — этим отличались бригады.

Производительность их труда была такова, что ломались все привычные нормы и мерки. Если бы

колхозы поставляли материалы без перебоев, то производительность была бы еще выше».

Комментарии к его словам излишни.

Конечно, этого еще мало для успешного функционирования самоуправления в масштабах всего государства. Многому придется наверное учиться людям на ходу, обжигая руки. Но сейчас, в отличие от 1917 года, другого, благополучного (!) пути у России не видно, и пока она не вступит на этот новый путь, она для него и не созреет окончательно.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что изложенные в этой главе принципы общества самоуправления соответствуют не только специфике человеческой природы, но и вытекают из специфики положения современной России.

Напомню ряд важнейших пунктов этой специфики.

1. Сильнейшее неуважение к государственной власти как таковой, к ее институтам и учреждениям, к «казне» и казенному имуществу. Это неуважение существовало еще и в старой России и усилилось в советский период.

2. Тенденция (вековая инерция) к авторитаризму и бюрократизации любой власти.

3. В то же время отсутствие демократического прошлого и развитого правосознания, а также сложнейшие задачи переходного периода требуют создания сильной, дееспособной центральной власти.

4. Отсутствие предпосылок для быстрого формирования сильных партий. (Сравним с Испанией, Португалией и даже с Восточной Европой — пока еще!).

5. Крайняя степень незаинтересованности и непривычки к добросовестному труду из-за долгого отсутствия какой-либо экономической конкуренции.

6. Сильная неприязнь к традиционным формам социализма.

7. И в то же время потеря сложных коммерческих навыков у большинства населения, в том числе и у подпольных «бизнесменов», обладающих как правило лишь навыками к паразитированию на супер-бюрократической советской системе. Отсюда и неприязнь большинства населения (особенно в РСФСР) к подпольным «бизнесменам», к их «бизнесу» и к «коммерции» вообще.

И список особенностей, разумеется, не исчерпывается этими пунктами.

Можно было бы почти все описанные выше принципы самоуправления выводить именно из этих особенностей, а не из специфики человеческой природы. И в этом случае иметь более защищенную от обвинений в утопизме позицию! Но это было бы неоправданной уступкой конформизму: главное все-таки в соответствии самоуправления основополагающим свойствам и потребностям человеческой природы. Однако специфика положения в стране разумеется тоже важна, и она наложила свой отпечаток на предлагаемую модель. Все идеи созрели в стране и из наблюдения за жизнью страны!

Приведу для примера принципы устройства государственной власти.

Государство как Совет представителей самоуправляющихся и прочих коллективов (и выборы преимущественно по производственному принципу) — это отвечает не только характеру общества свободных самостоятельных ассоциаций, но в реальных условиях России представляется и наилуч-

шим решением задачи быстрого создания сильной и дееспособной центральной власти, в то же время предельно защищенной от авторитарно-бюрократических тенденций. Это относится также и к идее использования научных учреждений в качестве замены партий.

И даже предлагаемое разделение государственной машины на три независимых вертикальных секции (политической, экономической, научно-культурной), если вдуматься, служит задаче усиления центральной власти, точнее, центральных в данном случае властей. Будучи более свободными в действиях, такие «секционные» госаппараты (при всех прочих установлениях) обещают быть и более авторитетными, более оперативными, и их функции не будут перекрываться, как, скажем, это было с функциями хрущевских Совнархозов и Министерств.

Связь остальных принципов самоуправления с реальным положением в стране, думаю, еще более очевидна.

В Советской России и в соцстранах Восточной Европы, в отличие от Западных стран, все подготовлено для строительства общества самоуправления. Ничего иного, повторю, что способствовало бы оздоровлению жизни, немыслимо построить. Остается только «маленькая» проблема — как ликвидировать тоталитаризм, который со всеми своими «органами» и танками расположился на этой земле, как собака на сене!

И в итоге еще, увы, не известно, кому дальше до общества самоуправления: социалистическим странам или буржуазно-демократическим!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕТОДАХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ БОРЬБЫ

Две концепции

Сейчас, после крушения надежд на самопроизвольную либерализацию существующего в СССР режима или на его одряхление вплоть до «естественной» смерти, остались лишь две концепции борьбы.

Одну можно назвать — насильственно-эволюционной, другую — революционной.

Первую концепцию, на мой взгляд, наиболее полно и ярко сформулировал Л. Колаковский в своей статье «Тезисы надежды и безнадежности» («Культура» № 2, 71 г.). В этой работе Колаковский исходит из положения, что «абсолютно неэластичных систем не существует и жестокость системы отчасти зависит от того, в какой мере живущие в ней люди убеждены в ее жесткости».

Поэтому он считает, что «мышление по марксистскому принципу «все или ничего» (т. е. убеждение, что ничего не добиться без свержения режима. — В. Б.) — губительно и . . . означает согласие на «ничего», на капитуляцию, на примирение со всяческим свинством или соучастие в нем».

Колаковский убежден, что «усиление (в настоящее время в СССР) полицейских методов не есть следствие усиленного сопротивления, а наоборот, следствие отсутствия сопротивления».

«Я говорю, — пишет Колаковский, — о реформистской ориентировке в смысле веры в возмож-

ность действенного, частичного и постепенного нажима в широкой перспективе».

Колаковский приводит в пример эволюцию капиталистических режимов Запада.

«Все естественные тенденции этой (капиталистической) экономики, производственные и общественные, которые рассматривал Маркс, были не его произвольной выдумкой, а итогом тщательного изучения общества». «Но Маркс, — говорит Колаковский, — не учел силу противотенденций — силу сопротивления широких слоев общества, в том числе и рабочего класса, которая и «вынудила» буржуазное общество признать некоторые принципы социальной организации общества своей прочной основой. Эксплуатация не прекратилась, но была в значительной мере смягчена, а имущие классы согласились отречься от части своих привилегий, чтобы сохранить те, которые можно было сохранить без разрушения общества».

Если принять, что концепция Колаковского приложима к реальным советским условиям, то придется, между прочим, признать, что все обвинения в адрес советского народа во многом справедливы. У западной общественности хватило сил и мужества на постепенный нажим, а у советской — нет.

Однако, сам Колаковский признает, что аналогия с эволюцией западного капиталистического общества «не удовлетворяет полностью». «Известно, — пишет он, — что социалистическая бюрократия на ошибках и поражениях буржуазии научилась, насколько опасной бывает всякая свобода объединений и информации. Поэтому сопротивление против эксплуатации и притеснения в системе советского деспотизма происходит в худших, чем когда-либо общественных условиях. Ни один эксплуататорский класс в истории не располагал таким объемом власти».

И все же Колаковский очевидно недооценивает всей тяжести этих условий — интегрального действия всех «предельностей» госкапитализма в СССР. Находясь на Западе и даже имея за плечами опыт жизни в восточно-европейских странах, видимо очень трудно, а, может быть, даже и невозможно представить себе эти условия. Об этом мы уже достаточно говорили.

Аналогия с развитием капиталистических стран не только «не удовлетворяет полностью», но и опровергает концепцию Колаковского.

Неизмеримо больше свобод и возможностей было у общества в капиталистических странах по сравнению с тем, чем располагает советское общество. И при том еще чрезвычайно важном обстоятельстве, что капитализму было куда «отступить»! В сторону усиления государственного контроля над экономикой, в сторону усиления государства. И в эту сторону, казалось бы, не так уж трудно и рискованно «отступить».

И все же вспомним, какой ценой и какими усилиями было завоевано это «отступление». Целый ряд неудавшихся, жестоко подавленных революций, тяжелейшие, катастрофические кризисы, кровавые войны и, пожалуй, самое главное — индуктивная угроза марксизма, Октябрьской революции и молодой советской власти! Ведь если честно посмотреть, то до 1917 года капиталистический мир отнюдь не мог похвастаться ни социальными реформами, ни твердым правопорядком. Его «человеческое лицо» подозрительно было похоже на маску. Заметные перемены тут «странным образом» начались именно после 1917 года!

Иными словами, капиталистическую эволюцию трудно представить себе без смертельной угрозы и нажима со стороны революции, со стороны «не учитывавшего противотенденций» марксизма с его

принципом «все или ничего!» (В следовании которому обвиняет Колаковский многих противников советского режима).

«Призрак коммунизма» с его революционной дубиной «бродил» за спинами и консерваторов и реформаторов, заставляя и тех и других пошевеливаться. Едва успели вырвать почву из-под его ног! Да и то с помощью Ленина и Сталина, поспешивших показать миру, во что материализуется этот «призрак». (И как сейчас видно еще не совсем вырвали почву! Даже в развитых странах).

Что же после этого можно требовать от советского общества?!

Я говорю все это не для прославления революционной «дубины». Не «дубину» я воспеваю, а констатирую упрямый эгоизм власть имущих, которые иначе, как под угрозой революционной «дубины», никаких существенных перемен, как правило, произвести не способны, ничего из рук выпускать не хотят. А уж советские властители в эгоизме всех, наверное, превосходят!

И уже совершенно опрометчивым является утверждение Колаковского, что «нынешнее усиление полицейских методов» в СССР — следствие «отсутствия сопротивления». Ошибочность этого утверждения — вопиюща.

Сахаров, которого трудно упрекнуть в том, что он мало сделал для постепенного нажима, словно бы подвел итог этой нашей дискуссии. На вопрос корреспондента шведского радио У. Стенхольма, что можно сделать, чтобы улучшить положение в стране, Сахаров ответил: «Сделать, по-моему, почти ничего нельзя. Нельзя, так как система внутренне очень стабильна. Чем система несвободнее, тем сильнее она законсервирована». И монолит власти он назвал «окаменелым».

Да, абсолютно жестких систем не существует,

как и вообще не существует ничего абсолютного в природе, но степень приближения к абсолютам может быть, однако, весьма высокой. Жесткость советской окаменевшей системы мог бы еще несколько ослабить действенный нажим извне, но вот он-то оказался, увы, весьма слабым! Советские же люди не только не переоценивали жесткости своего режима, а скорее недооценивали. Ибо, мы об этом уже тоже говорили, полностью осознать все его циничное вероломство и жестокость очень трудно даже и советским людям.

Есть, правда, еще один вид постепенного нажима, не связанный с большим риском — нажим изнутри, встраиваясь в аппарат и механизм системы. Но этот способ, весьма сомнительный сейчас даже в условиях восточно-европейских стран, в советских условиях является уже полным и пагубным самообманом и приводит на деле к «соучастию в свинстве».

Великолепно описал тут ситуацию Григорий Померанц в миниатюре «Коан»:

«Группа людей попала в одну клетку со стадом обезьян. Клетка заперта. Ключи в руках у обезьян. Ключи заколдованы: кто схватит их, сам становится обезьяной. Как выйти из клетки?»

Вот, к примеру, элита тех же писателей или ученых могла бы в свое время, в критические минуты для режима (в 56-ом и 68-ом годах) оказать весьма действенный нажим изнутри (без особого риска для себя, особенно при дружном нажиме), но большинство из них успело, видимо, прикоснуться к «ключам».

*И здесь нужен синтез,
нужен новый «призрак»!*

Я имею здесь в виду то, о чем мы уже говорили вкратце в конце второй главы: необходимость дополнения движения в защиту прав человека (т. е. «постепенного нажима») каким-то движением «третьего пути», (наподобие существующего сейчас в Европе*), т. е. разработкой и пропагандой, не побоюсь этого слова, соответствующих идей. Не устану повторять, «широкие массы» страдают не столько от идеологии проповедуемой, сколько от идеологии материализованной (по прекрасному выражению профессора Авторханова). Им, чтобы давить (на власть), надо знать чем можно заменить «отдавливаемое». И тем, кого давят, тоже нужно это знать!

Короче, новый «призрак» нужен.

* Движение «третий путь» было создано в начале 70-х годов в ряде стран Западной Европы с центром в ФРГ (Ахберг, Бодензее). Создали его выходцы из антропософского движения и из левых партий в сотрудничестве с новыми эмигрантами из Чехословакии (Ота Шик, Иржи Пеликан, Иржи Коста, Радослав Селуцкий, Еуген Лебль, Иван Свитак, Иван Быстрина, Милан Горачек, Иозеф Покстефель, Владимир Горский, Владимир Кусин и другие). Движение это по своему характеру и методам деятельности напоминает во многом правозащитное движение в СССР. Но, находясь в лучших условиях, имеет свое небольшое издательство, институт социальных исследований, проводит ежегодные конгрессы и самое важное — опирается на ряд самоуправляющихся ассоциаций в Европе, относительно весьма многочисленных. Сюда входит ряд самоуправляющихся промышленных предприятий, а также школ, больниц и некоторых других общественных организаций. Цель движения — обобщать и пропагандировать опыт уже существующих самоуправляющихся коллективов и помогать новым подобным инициативам. Но сейчас уже ставится вопрос о каком-то организационном оформлении движения и выходе на политическую арену.

Вспомним, каким мощным и блистательным был «призрак коммунизма», если честно вспоминать. Сколько в нем было всего — позитивного, светлого, молодого, цельного. Цельный красный цвет, серп и молот. А «Интернационал»? : «Мы мир насилия разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим — кто был никем, тот станет всем!».

Была в «призраке» и правда! Была и сверхсерьезная, академическая, мало кому до конца понятная теория (необходимое условие для моды!), и были всем понятные, хлесткие лозунги. Все, что надо! Множество талантливых, образованных людей, честных и бесчестных, наполняли «призрак» плотью и кровью. Да еще все прежние мечты и утопии многих поколений питали его эмоциональной силой.

Об этом необходимо вспомнить и для того, чтобы понять, как сильно сник и состарился «призрак коммунизма», как захватили его грязные и кровавые руки. Понять это необходимо тем людям, которые еще надеются с его помощью одолеть его же злое детище.

Между прочим, ведь это чудо, что в молодости этот «призрак» не одолел весь мир или для начала Европу. Чудо, свидетельствующее может быть в пользу поносимого столь часто западного «обывателя», который возможно угадал в «призраке» пугающую крайность антитезиса.

А, может быть, (сейчас я вызову конечно страшный гнев реактивно мыслящих людей) может быть, и не во славу, а в порицание это чудо?! Может быть, ничего и не угадывали европейцы, а действительно по обывательской трусости не пошли на революцию? И может, кто знает, лучше было бы, если пошли бы все разом. И все разом переболели! Иные болезни, как известно, менее

опасны и легче проходят в положенном им возрасте.

Может быть, и не было бы тогда фашизма и второй мировой войны, и сталинизма! А была бы вскоре... Парижская, скажем, «весна» с четким поворотом на «третий путь» — к самоуправлению и групповой собственности. Неужто культурные и привыкшие к демократии западные европейцы допустили бы становление госкапитализма? Сомнительно.

Ведь даже измученная, забитая, малокультурная Россия, с ничтожным, поредевшим за годы войны рабочим классом, без демократических традиций, все же весьма упорно пыталась сопротивляться и неосознанно, но явственно толкалась в сторону демократическую, в сторону самоуправления! (Оппозиции: Ногина, «левая» 18 года, «рабочая» Шляпникова и Коллонтай, Кронштадтское восстание — «Советы без партий, без большевиков!»).

И сколько простых, рядовых людей шло за этими оппозициями! «Левая» в 18-ом году уже имела за собой большинство в партии в главных районах страны, и лишь начавшаяся жестокая гражданская война смяла эту оппозицию.

Но что было, того не воротить. И теперь, как говорят в народе, все надо начинать сначала. Сейчас уже не «призрак коммунизма», а призрак апокалипсического государственного капитализма угрожает миру с Востока, антитезис, доросший до абсурда.

Для возможности создания нового синтезного мировоззрения и модели соответствующего общества чрезвычайное значение могло бы иметь и продолжение чехословацкого эксперимента, начатого в январе 68-го года. Ведь Чехословакия представляла собой идеальную лабораторию для такого

эксперимента, лучше которой не было и, возможно, уже не будет в мире. Действительно, страна находилась на стыке Востока и Запада, синтезировала культуру славянскую и западную и, что важнее всего, люди этой страны в течение одного-двух поколений пережили опыт добротной демократии и опыт нацистского и социалистического тоталитаризма!

Далее, Чехословакия была высококультурной и высокоразвитой индустриальной страной и, наконец, страной, где непопулярно насилие и какая-либо имперская или сословная спесь.

Успешное развитие чехословацкого эксперимента, начало которого уже продемонстрировало нам все исключительные качества этой страны и ее людей, — ведь это же была, конечно, революция, но когда еще мир видел другую подобную революцию, столь чистую и добрую?! — успешное продолжение этого эксперимента могло стать спасительным примером и для Востока, и для Запада также, могло стать ориентиром всему человечеству для выхода из тупика. Никакие ведь теории не сравнимы по воздействию с реальным примером!

Когда думаешь об этом, возникает вопрос, осознаем ли мы полностью, что задавили советские танки в августе 1968 года?

Но кто и где будет развивать новое мировоззрение, налаживать соответствующую издательскую и организационную деятельность — наполнять плотью и кровью новый «призрак», который мог бы грозно нависнуть над вождями Советского Союза?

И в годы молодости «призрака коммунизма» условия в России отличались значительно от евро-

пейских, и потребовался особый вариант того «призрака», который был назван именем Ленина. На самом же деле создавался множеством людей: и теми, которые шли с Лениным, и теми, которые боролись с ним, от Плеханова до Мартова и Троцкого. А сейчас исходные условия в Советской России еще больше отличаются от условий на Западе и даже в Восточной Европе, и соответственно более специфичным должен быть новый «призрак» (программа, модель, методы).

При той совокупности предельных несвобод, которая характерна для тоталитарного госкапитализма, возможность создания и совершенствования нового мировоззрения внутри страны очень ограничена. В первый период подъема оппозиционного движения, в середине 60-х годов, в стране начали образовываться разнообразные предпартийные группы, начали появляться первые теоретические работы и наброски программ. И преобладающей была демократическая, левая и либеральная ориентация — от демократического социализма до «чистого» либерализма, включая и ряд групп, ориентирующихся на синтезный, «третий путь» (группа, создавшая программу «Время не ждет», группа «Общего фронта» или «Демократическое движение действия», «Союз коммунистов» и ряд других*).

Но все эти группы немедленно громились властями, и к концу 60-х годов они перестали возникать, уменьшилось и число теоретических работ в самиздате. Результат, которого следовало ожидать.

Теоретические поиски и соответствующая из-

* Появились тогда и группы крайне правой ориентации, шовинистическо-клерикальной, обратившие однако на себя внимание много позднее, после перехода Солженицына на позиции религиозного национализма и авторитаризма.

дательская и организационная деятельность, казалось бы, должны были возродиться в новой эмиграции из СССР, начавшейся в 70-х годах. (Сейчас в Европе и США проживает уже более 50-ти тысяч новых эмигрантов). Но эти надежды оказались иллюзорными.

Мы вновь тут сталкиваемся с апокалипсическим совершенством тоталитарного режима в СССР.

Дело в том, что политическая эмиграция из СССР несет на себе следы двойной селекции. Первая действует при формировании оппозиционного движения. В Советском Союзе в условиях, не оставляющих никаких серьезных перспектив для оппозиционной деятельности (не считая возможности попасть в лагерь или психбольницу), квалифицированные специалисты, особенно гуманитарных, самых важных в данном случае профессий, редко решаются вливаться в оппозиционное движение. Здесь сказывается и деморализованность большей части советской гуманитарной интеллигенции!

Зато в движение часто втягиваются люди, страдающие инфантильностью. (Тоталитаризм способствует инфантилизму, с молодых лет лишая людей самостоятельности и серьезного дела).

Инфантильность мешает людям предвидеть крайнюю трудность и опасность борьбы, и такие люди, быстрее других уставая или разочаровываясь, уходят в эмиграцию. (Просто уйти из движения в тоталитарных, советских условиях бывает часто труднее, чем эмигрировать! «Клеймо» остается, работы не находится и т. д.). То есть, здесь речь идет уже о второй стадии селекции.

Кроме того, безвозвратная эмиграция, которая только и возможна в СССР, легче срывает людей с ослабленной нравственностью (ведь приходится часто навсегда бросать близких), а также людей

предельно опустошенных, надломленных, переозлобленных, с искаленной жизнью.

И, разумеется, большая часть из них не способна к какой-либо серьезной деятельности, практической или теоретической. В эмиграции это делается очевидным. В довершение ко всему такие люди часто становятся легкой добычей всяческих «бесов» эмигрантщины и не находят сил воспротивиться соблазну приспособления к реакционному большинству эмиграции.*

Наконец, имеет место очевидно и политическая селекция. Более подверженными эмиграции оказываются люди правой ориентации, жертвы «реактивного» мышления и страха перед поиском новых дорог. В стране они пребывают в глубокой внутренней эмиграции, в вакууме, презирая все вокруг, все, что ассоциируется для них с основами советской жизни, презирая, как правило, и так называемых советских людей. Вследствие этого поток эмиграции сравнительно легко смывает многих из них. На Западе, попадая в среду крайне правой русской эмиграции, они часто «правеют» еще больше.

В результате всех перечисленных видов селекции и создается такая парадоксальная ситуация, что общество страны, заинтересованное более чем когда-либо и какое-либо другое в дееспособной, здравомыслящей политической эмиграции, имеет эмиграцию, вероятно, беспрецедентную по своей политической беспомощности и реакционности.

* Печальным свидетельством со стороны является, например, мнение руководителя Фонда им. Герцена, профессора Ван-Хет-Реве («Культура», апрель 77 г.), который говорит, что не видел эмиграции хуже русской. Он выделяет нетерпимость, мелкое тщеславие, недоброжелательность: «Малейший успех одного воспринимается всеми как трагедия» и т. д. и т. п.

Иные могут указать на деятельность в эмиграции ряда выдающихся диссидентов. Действительно, их деятельность приносит большую пользу делу привлечения внимания к правозащитному движению в СССР. Но ведь число таких людей составляет ничтожный процент в нашей эмиграции, и своей известностью и трибуной, которой они располагают, они обязаны не усилиям эмиграции! Обязаны своему мужеству и своей деятельности в СССР и, главное, исключительному вниманию Запада к положению в СССР. Такого внимания не имеет ни одна эмиграция!

Деловой и идейной несостоятельностью, реакционностью, русская эмиграция выделяется и на фоне эмиграций из стран Восточной Европы, особенно из Чехословакии.

Между прочим, стоило бы русским оппозиционным реакционерам, которые не способны различать никаких иных цветов, кроме белого и черного (т. е. — марксистского, коммунистического), подумать над вопросом, почему среди новых эмигрантов из восточноевропейских стран (да и среди диссидентов в этих странах) так много «левых», в том числе и сторонников «третьего пути»?

Ведь люди в этих странах еще хорошо помнят благословенный капитализм, который был у них далеко не худшего, европейского качества! А социализм был им навязан и поддерживается штыками и танками ненавистных иностранцев. И били их и сажали тоже достаточно, пускай и меньше все-таки чем в СССР, но зато ведь чужие били или по чужой указке! И все же в какого диссидента, что называется, палкой ни кинь, попадешь в «левака»! А чехословацкая новая эмиграция — вообще прямая противоположность русской: пальцев на двух руках хватает, чтобы «правых» пересчитать, да и те сами себя стесняются!

Мыслимо тут два ответа. Или они все просто глупее русских, или, может быть, дело в том, что оппозиционные движения там более массовые? Ведь массовые движения в *культурных, развитых* странах (конечно, не подталкиваемые террором, как при всяких фашизмах) ВСЕГДА направлены влево! То есть, к расширению и углублению демократии во всех сферах жизни. И, как видим, это положение не меняется даже когда массовые движения направлены против «левых» тираний. Отсюда, между прочим, следует, что вопросом жизни и смерти для правых русских оппозиционеров, является вопрос: стала ли Россия культурной и развитой страной?

Но вернемся к главной теме.

Конечно, можно надеяться, что в СССР рано или поздно, после какого-либо кризиса произойдет либерализация, и в ее условиях сформируется и мировоззрение, и движение «третьего пути».

Но надежда, повторю, на то, что советское общество уже достаточно созрело, чтобы теперь в любом случае, без какой-либо предварительной подготовки наилучшим образом использовать «февральскую» ситуацию, может оказаться и несостоятельной!

Да, идеи «третьего пути» теперь уже, что называется, витают в воздухе. Между прочим, очень символично, что к этим идеям независимо друг от друга пришли сейчас руководители важнейших правозащитных организаций двух крупнейших народов СССР — руководители Киевской и Московской групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений: писатель Микола Руденко и физик, член-корреспондент АН Армянской ССР Юрий Орлов. Я имею в виду их работы: «Экономические монологи» Руденко и «Возможен ли социализм нетоталитарного типа?» Орлова. (Оба они

сейчас лишены свободы. Это еще пример условий для создания нового мировоззрения внутри страны).

Но все растущая популярность этих идей таит в себе и опасность. Принципы самоуправления и групповой собственности на средства производства начинают брать на вооружение и многие крайние реакционеры — в качестве камуфляжного гарнира к своим авторитарно-шовинистическим программам, на манер корпоративной системы Муссолини! Могут это использовать и прагматичные руководители КПСС в случае острого кризиса. Такое тоже мыслимо! Тут конечно многое будет зависеть от политической зрелости активного большинства народа и, прежде всего, инженерно-рабочего слоя, от степени понимания принципов демократии и правосознания — гарантии против ухода, а точнее, увода людей в сторону «самоуправляющегося» фашизма.

Большие надежды на благополучный исход связываются тут с деятельностью правозащитного движения. Многие, к сожалению, (и конечно правая оппозиция) еще не осознают, что главное в правозащитной деятельности в советских условиях — это не борьба за завоевание гражданских прав (чего, действительно, трудно добиться в тоталитарных условиях), а содействие пробуждению и воспитанию правосознания, ну, и конечно, общему раскрепощению сознания людей.

И при всем том, крайне необходимо было бы, повторю в энный раз, дополнить движение в защиту прав человека движением литературы, разрабатывающей идеи «третьего пути» и других альтернативных, демократических предложений. Это необходимо и для подготовки почвы для благополучного развития событий в будущем переходном,

«февральском» периоде и для того, чтобы период этот поскорее наступил!

Сейчас же пока лишь увеличивается (с Запада, из кругов русской эмиграции) поток реакционной, шовинистической, а то и прямо черносотенной литературы.*

В итоге видится лишь один выход, лишь одна надежда. Надежда, что западные, прежде всего европейские, левые демократы и сторонники самоуправления поймут, как важно для них бороться «на два фронта», поймут, что пока существует тоталитарный режим в СССР, вряд ли и они увидят у себя какой-нибудь новый путь.

Они вместе с эмигрантами из восточноевропейских стран должны были бы взять на себя инициативу и создать какое-то объединение для идеологической борьбы с тоталитарным режимом в СССР. (Мы с друзьями мечтали еще в Советском Союзе о таком объединении, называя его «Союзом борьбы с государственным капитализмом»). В этом объединении могли бы работать и эмигранты из СССР, левой ориентации, — очень мало их, но есть, и еще будут приезжать.

Сам факт создания такого объединения (и прессы и издательства с русским языком) имел бы уже большое психологическое влияние на людей в Советском Союзе, свидетельствовал бы, что часы истории все-таки не стоят на месте!

Без создания подобного объединения трудно

* В русской эмиграции существует лишь одно, исключение — маленькое издательство «Хроника-Пресс» (Нью-Йорк), созданное новым эмигрантом Валерием Чалидзе, к которому присоединился Павел Литвинов. Это издательство сохраняет толерантный дух правозащитного движения в СССР, но его возможности весьма ограничены, видимо, нехваткой средств.

представить себе благополучное развитие событий, учитывая все апокалипсические качества тоталитарного режима в СССР.

Но наступит ли все-таки день, когда этот режим падет? Ответ «однозначен»: наступит, если до того не будет с его помощью уничтожено человечество!

И если человечество сохранится, то наступит и «день утверждения» экстровертированного общества самоуправления.

Надо не поддаваться панике и не терять веру в разум. Богом ли, природой, но голова дана нам, чтоб использовать ее для устройства наших человеческих дел. Был тезис, антитезис, теперь в наших руках очевидный синтез. Ничего не поде-лаешь, общий закон развития людям преодолеть, видно, не дано. А то, что закон этот слишком дорого обходится, в этом виноваты, видимо, сами люди или условия земные.

Кто знает, может и существуют в космосе планеты, где развитие общества сознательных существ в силу каких-то специфических обстоятельств проходит более мягко. А где-то, может быть, и еще жёстче. И, может быть, даже сры-вается на самоуничтожение.

Мыслимо конечно и такое положение, что нигде в природе существа, осознающие свою смертность, не успевают или оказываются не в состоянии создать условия, при которых они бы переставали быть рабами страха смерти и его бесов, но успевают создавать средства всеобщего уничтожения. То есть, что сознание везде обречено на гибель от собственной силы (способности познавать

как тайны природы, так и смертность всего живого). Это тоже вполне в духе диалектики.

В этом случае сознание пришлось бы признать переклестом, излишеством природы (а наши идеи самоуправления — утопией).

Но познать это, всеобщую судьбу сознательных существ, нам, слава Богу, не дано. Поэтому стоит все-таки исходить из лучшего предположения. Хватает же у отдельного нормального человека разума, чтобы обуздать свое желание броситься в пропасть. Может быть, хватит и у человечества...

продолжает работать журналистом, публикуя статьи и очерки в русской, украинской и западной прессе, в 76 г. в издательстве «Ахберг» (ФРГ) выпускает сборник статей и документов «Демократические альтернативы», принадлежащих перу, главным образом, ряда новых эмигрантов из СССР, либеральной и левой ориентации.

В настоящее время Белоцерковский проживает в ФРГ, где сотрудничает с европейским движением «Третий путь», издательство которого и предлагает вниманию читателей эту книгу.

Большая часть книги — первые три главы — написана в Советском Союзе и доработана в эмиграции.